
МАРТЫН
МЕРЖАНОВ
ТАК
ЭТО
БЫЛО

МАРТЫН МЕРЖАНОВ

ТАК ЭТО БЫЛО

(ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ФАШИСТСКОГО БЕРЛИНА)

Второе, дополненное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1975

9(M)72
M52

Мержанов М. И.

M52 Так это было (Последние дни фашистского Берлина). Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1975.

272 с. с ил.

Автор книги Мартын Иванович Мержанов в годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом «Правды». С первого дня войны до победного мая 1945 года он находился в частях действующей армии. Бывший военный корреспондент восстанавливает в этой книге свои фронтовые записи о последних днях войны. Многое, о чем в ней рассказано, автор видел, пережил и перечувствовал.

Книга рассчитана на массового читателя.

$М \frac{10604-024}{079(02)-75} 216-75$ **9(M)72**

От автора

Подвиг, совершенный Советской Армией в дни штурма Берлина,— одна из самых ярких страниц истории Великой Отечественной войны. Этот подвиг никогда не изгладится из памяти наших современников, особенно участников тех незабываемых великих событий.

Не случаен поэтому большой интерес к мемуарам о Берлинской операции. На мою долю выпало участие в войне в качестве военного корреспондента «Правды» — с самого ее начала на Украине до последних ее часов в Берлине.

Я не мог ставить перед собой задачу всестороннего исследования Берлинской операции. Это дело военных историков. Я хочу поделиться с читателем впечатлениями об увиденном в последние дни войны; рассказать о смертельных схватках, перешедших от одерских низин, от Зееловских высот в город, где каждая площадь, улица и даже дом становились фронтом, об отчаянном сопротивлении обезумевших гитлеровцев, и, главное, о Красном знамени, пронесенном через тысячи километров, через сотни фронтов и водруженном на куполе рейхстага.

В те исторические дни, в дни нашей великой победы, никто из нас, конечно, не мог знать, что происходит в стане врагов, в логове главарей фашизма. Но уже через несколько дней об этом рассказали пленные, среди которых были адмирал Фосс, правительственные чиновники Штульберг и В. Цим, начальник гаража имперской канцелярии К. Шнейдер и еще несколько лиц, живших последние дни в бункере.

По чисто профессиональной привычке, я жадно и, к сожалению, торопливо заносил в блокнот все, что

видел и слышал. Иначе и быть не могло. Ведь передо мной «листались страницы истории». И вот теперь, вспомнив слова Маяковского «возьми строку и время верни», восстанавливаю строку за строкой в этой книге.

Многие страницы — результат сравнения, сопоставления с уже опубликованным о тех днях в нашей и зарубежной печати. Мною использованы сборник документов «Совершенно секретно», книги Г. Л. Розанова «Крушение фашистской Германии», Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» и другие издания.

О политической смерти главарей рейха многое рассказали и вышедшие за рубежом мемуары, показания коменданта Берлина генерала Вейдлинга, воспоминания бывшего руководителя «гитлерюгенда» Артура Аксмана, который в последние дни был близок к фюреру.

Победа, одержанная освободителями, и падение, крах фашизма — вот главная тема книги. Ее второе издание уточнено и дополнено.

Если эта книга напомнит читателям, особенно молодым, о легендарных боевых днях, о героях — живых и мертвых, навсегда оставшихся в памяти народной, о врагах — мертвых и живых, стремящихся к новым войнам, я буду считать, что она принесла пользу [1].

---

[1] От редакции: в июле 1974 года, когда книга еще находилась в производстве, Мартын Иванович Мержанов скончался.

На Берлин!

История рядом с нами.— Великая вера.— Бывалый сержант Никита Гулый.— «Вся Европа прошла через мой перекресток»

Весна!

Она властно напоминала о себе каждую минуту. Дурманящий запах влажной земли, зеленое оперение деревьев и синее-синее апрельское небо. Вокруг столько света и тепла, что даже воины, давно забывшие о красотах природы, чувствовали весну всем существом.

Солнце своим всевидящим оком заглядывало не только в каждую щель, воронку и окоп, в которых становилось светлее, но и в душу солдата. Оно было так щедро, что гребень бруствера, кусты и деревья искрились золотом, а падающие от них тени казались прозрачными.

Млели сады в весенней истоме, и когда сквозь аллеи каштанов и пахучих лип проходили военные машины и танки, к броне прилипали клейкие молодые листочки.

Весна встала перед людьми во всем своем великолепии. И как ни злились пушки и автоматы, как ни бесновались пули и снаряды,— все равно повсюду виднелась ярко-зеленая трава, под легким ветерком шептались молодые листья кленов, и даже ветка сирени, заброшенная сюда силой взрыва, еще продолжала жить, раскрыв под солнцем свои нежные лепестки. И это все видели. Это всех убеждало, что жизнь сильнее смерти.

А рядом горели леса, и свежий ветер разносил запахи закипающей в огне смолы. Падали обугленные сосны и ели, земля покрывалась дымом и копотью.

Советские войска шли к Берлину, отбирая у врага метр за метром. На их пути лежали многие города, поселки, железнодорожные узлы. За каждый из них надо

было вести жестокий бой. Гитлеровцы перегородили улицы городов баррикадами, частоколом надолб, залили водой все канавы и рвы, на пригородных дорогах устроили лесные завалы, повсюду отрыли траншеи, заложили мины.

Солдаты видели эти города, опаленные огнем, разрушенные, горящие. Они видели их в дыму, в дикой пляске огня и рыжей кирпичной пыли, осевшей на весенний наряд деревьев. Пробивая железо, камень, бетон, оставляя позади вражеские сожженные танки, опрокинутые зенитки, аэростаты воздушного заграждения, ломая отчаянное сопротивление, Советская Армия упорно и настойчиво пробивалась вперед.

По всем дорогам — магистральным, шоссейным, проселочным — двигались к Берлину колонны людей, машин, пушек, танков. На кузовах, на броне, на стволах орудий было написано краской, мелом, углем: «Даешь Берлин!». Тут же шли дивизионные обозы — тачанки, повозки, кухни. Ездовые подгоняли коней. Торопились.

Но в этом нескончаемом потоке чувствовалась твердая рука, управляющая сложной машиной войны.

Две недели назад на совещании, где обсуждался план штурма Берлина, маршал Г. К. Жуков заявил, что сроки меняются, обстановка требует немедленных действий.

Командующий фронтом поставил конкретные задачи перед каждой армией и закончил свое выступление словами:

— При любых условиях Берлин должен быть взят нашими войсками.

Мы понимали, что в эти дни история шла с нами рядом. Как ни старался водитель Гриша Мирошниченко — по обочине, через лесок, через овраг — вырваться вперед, нашу «эмку» затерло, и мы решили переждать. Вышли из машины, чтобы хоть немного размяться.

— Смотри,— сказал Борис Горбатов,— все на запад, на запад, ни одной машины на восток! — и он громко рассмеялся.— А помнишь в Донбассе, все на восток, на восток... Вот, брат, как меняются времена.

«На восток шли машины мимо Острой Могилы. На Краснодон, на Каменск, на Северный Донец и Дон.

Все вокруг было объято тревогой, наполнено криком и стоном, скрипом колес, скрежетом железа, хриплой руганью, воплями раненых, плачем детей, и казалось, сама дорога скрипит и стонет под колесами, мечется в испуге меж косогорами». Так начинался роман Б. Горбатова «Непокоренные».

Мне припомнился один эпизод из тех дней. У переправы скопились машины, орудия, танки. Стоял невероятный шум. Стреляли то сзади, то впереди. И вдруг среди этой сутолоки раздалось пение. Мы увидели лодку, плывшую к южному берегу Дона. Сидевшие в ней бойцы под аккомпанемент баяна пели «Катюшу». Ветер рвал мелодию, и ее заглушали орудийные раскаты.

Веселая лодка была столь неожиданна и так не сочеталась с окружающей действительностью, что озадачивала. Молодые бойцы открыто бросали вызов неудачам. Их воля была сильнее невеселой реальности. Солдаты временно уходили за Дон, но душой и сердцем они не отступали ни на шаг. И в этом состоял великий смысл борьбы никогда не покоренных людей. Нужно было только время, чтобы она, как сжатая пружина, расправилась и показала свою силу.

Воспоминания, навеянные Горбатовым, постепенно улетучились, а наша машина тем временем перебралась на другую дорогу. И хотя она тоже вела к Берлину, но не была похожа на ту, которую мы только что покинули.

Со стороны фронта в тыл шагали длинные, серо-зеленые колонны пленных солдат германской армии. Уныло брели они по разбитой дороге, не обращая внимания ни на нас, ни на что другое. Обреченность чувствовалась в каждом их движении, опущенных плечах, в руках, повисших плетью.

— Ишь какие,— неожиданно сказал Гриша Мирошниченко, аккуратный, всегда подтянутый человек, не очень охочий до рассуждений.— Интересно, кто из них украл мою гармонь?

Мы знали историю с гармонью. В начале войны фашистская армия, грабившая Украину, добралась и до поселка под Полтавой, в котором жила семья Мирошниченко. В их маленьком домике, под цветущими яблонями, грабить было особенно нечего. Тогда маро-

деры забрали баян — единственную ценность семьи, которую берегли как память о Грише.

Гриша рассказывал о баяне, как о живом существе, расписывал его особые свойства, эластичность мехов, перламутровые, переливающиеся клавиши; а уж звуки, звуки издавал баян — божественные!

Когда мы вошли в первые восточнопрусские города, Мирошниченко сказал мне: «...баян я должен вернуть беспременно». Он бывал в разбитых особняках бежавших немцев, но всегда покидал квартиры с пустыми руками.

— Что ты все ходишь по домам? — спросил я его.

— Баян ищу,— мрачно ответил он.

Мы прошли сотни прусских, померанских, познаньских, приодерских городов и сел, бывали в маленьких, одноэтажных особнячках и в больших домах, но нигде Грише не удавалось найти баян или аккордеон.

И вот однажды в каком-то разбитом магазине среди различных музыкальных инструментов Мирошниченко увидел черный кожаный футляр с синей бархатной отделкой. В нем была скрипка, сверкавшая желто-коричневым лаком.

Повертел ее Гриша, повертел и махнул рукой: «Нет, не заменит она мне баян».

...Колонны пленных солдат все шли и шли, вызывая в нас смешанное чувство любопытства и радости. Дожили мы до победных дней!

Спустя несколько минут мы увидели пеструю толпу беженцев, освобожденных Советской Армией от рабства. Именно здесь, на развилке, мы встретили нашего старого знакомого — пожилого бывалого сержанта-регулировщика Никиту Афанасьевича Гулого. У него на груди было два ордена — один, с облупленной эмалью, он получил еще в гражданскую войну из рук Григория Котовского, а другой — летом сорок второго, за сражение на Кубани. Ранение, да и годы не позволили ему находиться в действующих частях, но в тылу он оставаться не мог, и вот уже третий год нес службу регулировщика на военных дорогах.

Никита Афанасьевич едва успевал взмахивать красным и желтым флажками и делал это прямо артистически: четко, умело, с твердостью, не допускающей ослушания.

Увлеченный своим делом, он не заметил нас, а мы сознательно отошли в сторону, чтобы не отвлекать его внимания. Перед ним проходили десятки тысяч людей разных возрастов и национальностей, в грязных пиджаках, рваных пальто и мятых шляпах. Одни плакали, не поднимая головы, другие смеялись и с надеждой смотрели на веселых солдат Советской Армии, в том числе и на этого рослого регулировщика. И он тоже, незаметно для себя, менялся в лице: то хмурил брови, то растягивал усы в широкой, добродушной улыбке.

Люди шли с флагами, со значками в петлицах, с красными транспарантами, на которых на разных языках было написано одно слово: «Освобождение». В этом потоке видны были велосипеды, тележки, тачки с узлами, с ящиками и сундучками, детские коляски. Их сопровождали измученные, испуганные мужчины с желтыми, небритыми лицами, сгорбленные, в рваной одежде. Тут же шли худые женщины с детьми на руках, юноши, девушки, старики. У многих из них растерянные глаза, в которых и радость освобождения, и боязнь пока близкого фронтового огня.

Регулировщик привычными глазами смотрел на всю эту картину, изредка поглядывая на самодельную карту, командовал флажком.

— Иди ось туды,— показывает регулировщик мужчине с чемоданом на группу людей, стоящих под деревом.— Пийдете до Кульма.

Показалась колонна с французским флагом. Послышалась веселая песенка.

Гулый указывает на длинную, усаженную липами дорогу.

— До Шенфельда,— крикнул он им и улыбнулся.

— Мерси,— ответил какой-то человек в мятом костюме. Он театрально взмахнул серой, в пятнах, шляпой.

— Бельгийцы ось туды... До Розенталя.

Колонна свернула с дороги, и на ее место вышла другая группа шумных людей, тоже пестро одетых и тоже глядящих по сторонам.

— Голландцы, чуете, голландцы! Вам треба ось на ту дорогу, до Зоннеберга. Разумиете?

— Зоннеберг, Зоннеберг, Зоннеберг...— послышалось из толпы.

Голландцы прошли. За ними двигались чехи, хорваты, русские, украинцы, поляки...

Когда мы подошли к Гулому, обнялись, а затем начали вспоминать Кубань и станицу Абинскую, он чуть было не просмотрел целую колонну, прошедшую мимо него.

— Бачите, уся Европа через мий перекресток пишла! Теперь моя работа ось яка велика,— и он поднял большой палец.

А по дороге все шли и шли люди, благодарно глядевшие на этого пожилого, но еще черноусого, доброго человека, ставшего для них олицетворением воина-освободителя.

Это было 19 апреля 1945 года.

20 АПРЕЛЯ

Сто миллиардов свечей в лицо врагу.— Поездка вдоль фронта.— Первый артиллерийский залп по Берлину.— Знакомство с генералом Переверткиным.— Встреча с Максимом Чубуком.— Курс на север, к Цоссену.— У врага, в подземелье

Несмотря на то что Одер был последним крупным водным рубежом, за ним оставались еще реки, Зееловские высоты, каналы, овраги, огромное предполье, изрезанное траншеями и подготовленное к длительной обороне. Все дороги от Одера вели к Берлину. Наши войска двигались на запад. Сражения шли по всей линии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Армии генерала Ф. Перхоровича и ударная генерала В. Кузнецова вели успешные бои и прорвали третью полосу и внешний оборонительный обвод. До берлинского кольца оставалось 10—12 километров. Одновременно танкисты генерала С. Богданова оторвались от пехотных частей и обходили Берлин с северо-запада. С востока шла ударная армия Н. Берзарина и гвардейская — генерала В. Чуйкова.

...Пять дней назад два наших фронта — 1-й Белорусский и 1-й Украинский — начали наступление. Мы, военные корреспонденты, слышали о нем давно. Но когда именно оно начнется и в какой из армий нам нужно быть, чтобы попасть на направление главного удара, не знали.

Наши попытки заранее узнать что-нибудь о готовящемся сражении ничего не давали. Генералы отмалчивались или, улыбаясь, отвечали ничего не значащими фразами. Так уж повелось: командующие считали нас слишком любопытными, а мы их — чересчур скрытными.

...Рассветные часы исторического 16 апреля, когда 40 тысяч орудий и минометов громыхнули по одерскому левобережью, а 100 миллиардов свечей осветили прибрежное поле боя и ударили в лицо врагу, мы

встретили в армии, которой командовал генерал В. Колпакчи.

Невероятный грохот, туман, вставший пеленой над рекой, и бьющие лучи прожекторов, непрерывный гул, короткие приказы создавали нервное напряжение. Мы тоже ходили по траншеям, встречались с офицерами, жались к деревянным стенам, чтобы дать дорогу, задавали им, по всей видимости, неуместные в той обстановке вопросы и получали односложные ответы.

А над головой гремел огненный вал. Под ногами дрожала земля. Нас охватила оторопь. Орудия, ракеты, танки прицельно били из-за наших спин. Начало светать. Яркие лучи прожекторов освещали огромную бурую стену из дыма, песка и бетона, повисшую над передним краем противника.

Утром, когда туман рассеялся, а разрывы слышались все дальше, мы вышли из траншеи и, возбужденно делясь первыми новостями, прогуливались по редкому лесочку тонких сосен, опаленных огнем и бог весть как уцелевших. Мы тогда еще не понимали всего смысла событий, происходивших вокруг нас, да и не знали их масштабов.

Нам говорили пленные: «На передовой — ад, бешенствует артиллерия, мы были убеждены, что русские применили новое секретное оружие».

Позже нам стало известно, что германское командование, надеясь отстоять свою столицу и избежать капитуляции, мобилизовало на защиту Берлина миллионную армию, свыше 10 тысяч орудий и минометов, 1,5 тысячи танков и штурмовых орудий, 3,3 тысячи самолетов. Все это давало возможность врагу упорно обороняться. Пехота, танки, авиация, артиллерия всех видов, отряды, вооруженные фаустпатронами, сопротивлялись с отчаянием смертников.

За их спиной было три оборонительных обвода, восемь секторов обороны столицы, радиально расходящихся от центра. А девятый — сердце Берлина. Его защиту поручили Геббельсу.

Проехав вдоль фронта, я видел одну и ту же картину всеобщего радостного возбуждения, словно бы этот двухчасовой артиллерийский удар был салютом — предвестником начавшегося последнего решительного боя.

Бой шел за Одером. Ломая жестокое сопротивление, вклиниваясь, вгрызаясь в каждую пядь земли, в холмистые и горные подступы к городу Зеелову, наша армия продвигалась к Берлину. Командиры подобрели и рассказывали о новых успехах. А генерал В. Колпакчи встретил нас все так же сухо и на все вопросы отвечал: «Рано об этом толковать, товарищи, рано»,— и все поглядывал на часы. Мы поняли, что ему не до нас, и ушли из его НП.

Следующий день мы провели уже на левом берегу Одера и убедились, что сдержанность генерала была оправдана. Бои шли жестокие, а продвижение измерялось сотнями метров. Гитлеровцы огрызались.

Это был второй мой переход на левый берег Одера. Недели за три до того я решил пробраться на плацдарм, завоеванный армией В. Чуйкова, южнее Кюстрина. После долгих разговоров в политотделе мне дали опытного лодочника Сидоренко, и мы забрались с ним на высокую дамбу, тянувшуюся вдоль реки и отделявшую пойму от луга, а затем спустились к берегу, к лодке. Она была привязана к железному столбу и поплясывала на волнах. Мы уселись, и Сидоренко искусно повел лодку, борясь со стремниной. Берег уходил быстро. Лодку относило по течению в сторону Кюстрина, где шли жестокие бои. Но на лице Сидоренко не было заметно тревоги, и это успокаивало: он ведь не первый раз плыл, да и знал свое дело.

На левом берегу было много траншей, ведущих от дамбы к передовой позиции плацдарма.

Наблюдательный пункт командира дивизии находился в землянке, вырытой в дамбе. По взгляду генерала можно было понять, что мое появление было для него неожиданностью. Все же он движением руки предложил сесть на табуретку, стоящую неподалеку от него. На столе была разложена большая карта.

Генералу докладывали:

— Двадцатый квартал очищен, а в соседнем осталось два дома.

— А как пятый, седьмой?

— Идут бои...

Генерал взял красный карандаш и аккуратно заштриховал двадцатый квартал.

Он рассказал, что Кюстрин, подготовленный к длительной обороне, превратился в крепость, названную немцами «Ворота Берлина». От нее идут рельсы на Берлин, Франкфурт-на-Одере, Штеттин и множество асфальтовых широких автомагистралей. Город-крепость стоит на кратчайшем пути к Берлину. Гитлеровское командование приложило максимум усилий, чтобы сделать его неприступным. Здесь сражалось несколько вражеских дивизий. Командовал всей кюстринской группировкой войск генерал Рейнефарт.

— Вот и бьемся не на жизнь, а на смерть,— закончил генерал.

Перед тем как мне возвратиться на правый берег, генерал предложил взойти на лесистую высотку, откуда в бинокль виднелись бледные лучи прожекторов и зарево. Горел Берлин.

...Теперь на левом берегу Одера земля была изъедена снарядами, торчали сожженные танки, перевернутые пушки, валялись трупы. Немцы дрались за каждый метр земли. Особенно жестокие сражения шли в полосе гвардейской армии генерала В. Чуйкова, действовавшей севернее Франкфурта. Немцы здесь основательно укрепились на Зееловских высотах.

Маршал Г. Жуков, вспоминая эти часы, пишет в своей книге, что он приказал ввести в сражение танковые армии генералов М. Катукова и С. Богданова.

Войска продвигались медленно. Стало ясно, что оборона гитлеровцев во многих местах уцелела. Все же к середине дня дивизии по всему фронту армии продвинулись на 6 километров.

Маршал Жуков доложил об этом Ставке.

Сталин, выслушав, после паузы сказал:

— У Конева оборона противника оказалась слабой. Он без труда форсировал реку Нейсе и продвигается вперед... Поддержите удар своих танковых армий бомбардировочной авиацией. Вечером позвоните, как у вас сложатся дела...

Вечером Жуков вновь позвонил Сталину. На сей раз речь шла о трудностях боев на подступах к высотам.

Сталин был явно недоволен. В его голосе чувствовалось раздражение, он даже упрекнул за то, что танковую армию генерала Катукова ввели в полосе

8-й гвардейской... Ведь Ставка предлагала другой план

Маршал Жуков обещал к исходу следующего дня — 17 апреля — прорвать оборону на Зееловских высотах.

Сталин ответил:

— Мы думаем приказать Коневу направить танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга.

Жуков согласился [1].

...19 апреля рано утром мы с Борисом Горбатовым решили переехать в расположение других армий, где, по нашим сведениям, бои шли «веселей». Куда? К Чуйкову? Но там наши соратники Иван Золин и Всеволод Вишневский. К Берзарину? Там правдист Яша Макаренко.

Мы целый день ехали на своей «эмке» вдоль фронта. В памяти остался разговор командира полка Гумерова с Горбатовым о жарких боях, которые вели его батальоны.

— Гумеров опытный, знающий офицер,— сказал Горбатов.— Он очень уверенно планирует каждый бой. Он из дивизии Антонова корпуса Рослого. Помнишь, встречали Рослого под Краснодаром? Это он. Вот куда махнул!.. А еще Гумеров рассказал, что они идут теми же дорогами, по которым когда-то русская армия двигалась в годы семилетней войны.

Рядом сражались и продвигались вперед корпус генерала Д. Жеребина — участника хасанских и испанских боев, а также корпус генерала П. Фирсова.

Все время, пока мы ехали, слева доносился гул артиллерии, то утихавший, то вновь свирепевший. По пути попадались грузовые машины со снарядами, самоходки, орудия — «пушки к бою едут задом». Громыхая, двигались танки.

Наконец мы добрались до Кунерсдорфа. Этот маленький городок ничем не напоминал своего знатного тезку, у стен которого русские войска в 1759 году разбили войска Фридриха II. Но за этот маленький Кунерсдорф сражение шло жаркое. Мы попали в расположение 150-й дивизии. Ее полки были выведены

---

[1] См. *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, 2-е изд., т. 2. М., 1974, стр. 342.

во второй эшелон для пополнения. Большая группа молодых бледнолицых ребят стояла в большом дворе фольварка. Многие из них недавно освобождены из концлагерей и теперь рвались в бой. Я подошел к одному из них и разговорился. Звали его Николай Бык, родом из Сумской области Кролевецкого района, из хутора Жабкина. В 1942 году его угнали немцы; больше двух лет он скитался из лагеря в лагерь, трижды бежал и трижды был пойман, а вот после четвертого побега, спрятавшись ночью в лесу, утром явился на передовые позиции наших войск.

Дивизия уже сутки отдыхала, но к вечеру приехал в расположение штаба дивизии командир корпуса генерал С. Переверткин и сказал:

— Отдохнули? Хватит! Завтра переходите в первый эшелон.

— Есть! — ответил комдив В. Шатилов.

— Двигаться будете вот куда,— комкор показал карандашом по карте.— Претцель. Понятно?

— Ясно,— ответил комдив.

20 апреля с утра полки дивизии вышли на передовые позиции и вступили в бой за Претцель. Кунерсдорф опустел. В полдень ко мне подошел полковник с артиллерийскими погонами и сказал:

— Вы корреспондент? Поедемте со мной... Сейчас будут стрелять из дальнобойных по Берлину.

— По Берлину? — переспросил я.

— Да, садитесь.

Я был один, так как Горбатов часом раньше уехал в штаб корпуса к Переверткину.

Наша машина мчалась по дорогам соснового леса, прикрывавшего Кунерсдорф с запада. Был хороший, солнечный день. Желтые стволы сосен, казалось, стояли сплошной стеной.

Машина вырвалась на большую поляну, и в стороне от дороги, под тенью деревьев, мы увидели батарею.

Полковник соскочил с машины и подошел к батарейцам.

— Кто командир батареи? — спросил полковник.

— Я,— ответил старший лейтенант и козырнул.

— Приготовьте орудия к огню по Берлину,— спокойно сказал полковник.— Где ваша карта?

Командир батареи вынул из планшетки карту и раскрыл ее.

— Вот видите? — спросил полковник,— район Симеисштадт... Давайте пальнем туда...

Через несколько минут наводчики орудий, заряжающие, подносчики снарядов, усталые после долгих боев люди, стояли у своих орудий и ожидали приказа.

Наступила необыкновенная тишина. Будто мир сошел на землю. Но тут раздался громкий, взволнованный голос командира батареи:

— По Берлину, за наших замученных матерей, жен, детей, за братьев и сестер... о-о-о-огонь!

Это было 20 апреля в 13 часов 50 минут.

И люди, исполняя такую долгожданную, тронувшую их сердца команду, дернули шнуры.

Удар, треск, один, другой... Молнией блеснули голубые огни, и тяжелые снаряды, разрывая воздух, свистя, уходили в сторону германской столицы. На некоторых снарядах мелом было написано: «Капут».

Все, не отрываясь, глядели на запад.

Томительно проходили секунды. Наконец, спустя примерно минуту, послышались разрывы снарядов. Зарево пожаров покрылось светлым, красноватым дымом. Незабываемая картина огромного кипящего и пылающего котла...

— Начало есть,— сказал полковник и поздравил прислугу орудий с первым огнем по Берлину. Я, журналист, тоже считал себя счастливым. В моем блокноте тех дней аккуратно нарисовано расположение орудийных батарей и у каждой из них фамилия офицера. Это была артиллерийская бригада, которой командовал полковник Андрей Павлович Писарев.

В его бригаде три дивизиона по три батареи. В их составе 122-миллиметровые пушки и 152-миллиметровые гаубицы. Большая сила! Эти орудия под командованием майоров Чепеля, Демидова, Святых, Максимова, Верешко, капитана Миркина были пробивной силой в боях на Одере и вот теперь получили почетный приказ открыть огонь по Берлину.

В тот день из уст в уста переходило стихотворение, сочиненное старшим лейтенантом В. Оболенским тут же, в бригаде. Вот только несколько строк из него:

Когда помчались первые снаряды
Сорвать запоры вражеских дверей,
Летел за ними пепел Сталинграда
И черный дым горящих Поныреи...

Вечером в «Правду» по телеграфу ушла моя корреспонденция «Огонь по Берлину». Лаконизм и простота заголовка, мне казалось, выражали всю значительность момента — начала штурма германской столицы, смысл написанного мелом на снаряде слова «капут».

...Поздно вечером я встретился с Борисом Горбатовым у комкора Переверткина. Генерал знал писателя давно, а его книгу «Непокоренные» рекомендовал раздавать и читать вслух в ротах и взводах.

В домик часто заходили офицеры. Точного доклада о бое, который шел за Претцель, не было. И генерал был недоволен.

— Неужели еще не взяли? В чем дело? — удивлялся он.

Очень скоро начальник штаба донес: «Претцель взят». Генерал повеселел и тут же добавил:

— А я и не сомневался.

В комнату вошел молодой, стройный генерал. Это был командир 150-й дивизии Василий Митрофанович Шатилов. Он поздоровался и начал рассказ о претцельском наступлении.

— Тяжелый был бой? — спросил комкор.

— Нет,— спокойно ответил Шатилов,— короткий.

— Что же, противник не принял боя?

— У меня создалось впечатление, что немцы не ставили перед собой цели задержать нас на рубеже... Видимо, сохраняют силы для уличных боев в столице.

Генералы спокойно обсуждали итоги дня, который был поистине историческим.

И еще одно событие глубоко взволновало меня тогда — встреча с Максимом Чубуком. Но прежде чем рассказать о ней, вернусь немного назад.

Еще зимой я приехал в расположение дивизии генерала Казаряна, в район Вильбальна в Восточной Пруссии. Белый густой туман спустился до самой земли и закрыл ряды лип, кирпичные сараи, разбитые дома. Все кругом казалось заброшенным.

Дивизия Казаряна перешла государственную границу Германии у Ширвинта и Эйдкунена и вела бои уже на немецкой земле. Войска располагались в прифронтовых фольварках.

В тот утренний час на фронте было тихо. Я зашел в первый попавшийся мне блиндаж — в подвал неко-

гда добротного, но разбитого дома, которых тысячи в Восточной Пруссии. Это своеобразные маленькие крепости, предусмотрительно построенные в пограничных районах. Какой-то солдат, разложив карту на кирпичном полу, лежал на ней животом. Увидев меня, он вскочил. На карте стояла большая лампа. Ровные лучи света бросали из-под белого абажура мягкий свет на голубой залив Данцигской бухты, на поля, леса, реки Восточной Пруссии.

Передо мною стоял ладный парень. Сначала он держался официально и на все вопросы отвечал: «да», «нет», «так точно», а затем постепенно отошел, стал улыбаться. Он сказал, что родом из Малиновой Слободы, украинец, жил два года под немцами, убегал к партизанам, создал тимуровский кружок, а вот теперь в армии.

— А что ты ищешь на карте?

— Местечко Веприц.

— Зачем оно тебе?

— Нашу Маринку немцы угнали туда. Она там батрачит у каких-то Мюллеров... Вот я искал Веприц.

— Нашел?

— Примерно.— Наклонившись, он показал маленькую точку вблизи Ландсберга, на реке Варте.

Солдат взял палку и, положив ее на карту так, что она соединила Вильбальн и Веприц, провел карандашом жирную линию. Это была кратчайшая прямая, которую можно было пролететь на самолете. Но на земле она пересекала множество рек, озер, извилистых дорог, оврагов, лесов, городов, которые усложняли дорогу к Маринке.

Солдат читал названия населенных пунктов, которые лежали вдоль линии: Либемуль, Альбертвальде, Буковитц, Шилинг-Зее, Фогельзанг...

— Фогельзанг, Фогельзанг, Фогельзанг,— протяжно произнес солдат...— Это родина коменданта нашей Малиновой Слободы. Как же его фамилия, не помню,— Фигель, Фугель, а может быть, Функель? Но звали его Вальтер, и адрес мы его узнали от девчонки, которая по заданию нашего партизанского отряда работала в комендатуре...

Солдат рассказал, как лейтенант и его солдаты пороли жителей Малиновой Слободы «за связь с парти-

занами», как они издевались над слободчанами. Перед отступлением фашисты несколько человек повесили.

Мы расстались. На прощание я узнал, что солдата зовут Максим, а фамилия — Чубук.

...И вот теперь за Одером я вновь встретил этого паренька. Он рыл какую-то канаву у блиндажа и весь взмок. Сначала он не узнал меня, но как только я спросил про Маринку, он тотчас же просветлел.

— Нет, не нашел я Маринку,— грустно сказал Максим.

— А в Веприц попал?

— Нет, наш полк прошел севернее километров на сто. Но зато я был в Фогельзанге у коменданта.

В это время кто-то крикнул: «Чубук, к комбату», и он, бросив лопату и попрощавшись, ушел.

Сумерки густели. Мы остановились на ночлег у комдива и долго беседовали при свете закопченной лампы.

День 20 апреля уходил в историю.

По всему фронту шли бои. На севере наши войска взяли Ораниенбург. Особенно тяжелыми они были на направлении главного удара. Армия генерала В. Чуйкова и танкисты генерала М. Катукова сражались отлично. Они преодолели сильное сопротивление на Зееловских высотах и теперь пробивали себе путь к оборонительному обводу Берлина. На юге шли упорные бои у Котбуса. Гвардейская армия генерала В. Гордова отбросила противника к болотистым берегам Шпрее, а один из корпусов танковой армии генерала П. Рыбалко захватил город Барут, который стоял на пути к Цоссенскому укрепленному району. В самом Цоссене в подземных убежищах размещался генеральный штаб сухопутных войск германской армии.

* *
*

В Цоссене царила паника. Позвонил обер-лейтенант Кренкель и сообщил, что русские атакуют Барут. Начались телефонные звонки, сборы, уничтожение бумаг, карт, перебранка офицеров. Вчера просили Гитлера эвакуировать штаб-квартиру на запад, последовал отказ.

Ровно в 11 часов начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Кребс приказал провести обычное утреннее совещание. Но как только оно началось, обер-лейтенант Кренкель доложил:

— Барут взят русскими.

Кребс тотчас же вскочил со стула, схватил трубку прямого провода с бункером и, доложив обстановку, вновь просил эвакуировать штаб. После некоторой паузы последовало лаконичное: «Фюрер возражает...»

Через час раздался звонок главного военного адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа:

— Фюрер приказал с наступлением темноты отвести к Берлину все войска, а штаб-квартиру обосновать в казармах военно-воздушных сил в Эйхе, близ Потсдама.

Так начался день, когда Адольфу Гитлеру — Шикльгруберу исполнилось 56 лет. Как он был не похож на все предшествовавшие ему юбилейные даты фюрера! Обычно в этот день в Берлине проходил парад, шумели демонстрации, балы, рауты. А теперь?..

...Адмирал Фосс, попавший через несколько дней в плен, рассказывал, рассеянно смотря через пыльное окно квартиры тюремного надзирателя:

— Мы вынуждены были тогда спускаться по скользким, грязным ступеням в бункер. Раньше мы в этот день по толстому ковру поднимались вверх.

В бункере собрались все главари рейха. В назначенное время в комнату вошел Гитлер. Его сопровождали Геббельс, министр вооружений Шпеер, адъютант генерал Бургдорф. Все встали. Высокие чины рейха поклонились и выбросили руку вперед. Некоторые из присутствующих в последние дни, или даже неделю, не виделись с фюрером и были поражены его внешним обликом. Он давно изменился, постарел, осунулся, волочил ногу и подергивал плечом. Но сейчас совсем сдал. Гитлер сгорбился, побледнел, обмяк, ходил с трудом, ступал осторожно, словно боялся упасть, вспухшие от бессонницы глаза покраснели.

Точно соблюдая табель о рангах, к фюреру подходили его приближенные: Геринг, Гиммлер, Борман, Фегелейн, Дениц, Кейтель и другие.

После рукопожатия чины отходили в противоположный угол комнаты, и там вскоре возникла ожив-

ленная беседа за столиками. Говорили о Цоссене, первых русских снарядах, разорвавшихся в Берлине, о переговорах обергруппенфюрера Карла Вольфа с англичанами и американцами в Швейцарии.

Одним из последних к Гитлеру подошел Артур Аксман — имперский руководитель «гитлерюгенда». Он просил «фюрера» подняться во двор имперской канцелярии, где выстроилась колонна юных фольксштурмистов. Гитлер пошел. Его сопровождали Ева Браун, Аксман, Борман и Бургдорф. Выбравшись из подземелья, они увидели юнцов, одетых в длинные шинели и немигающими глазами глядящих на своего «фюрера». Фольксштурмисты ждали напутствия, прежде чем пойти в бой.

Гитлер обратился к ним с кратким словом: «Мы должны обязательно выиграть битву за Берлин. Хайль вам!» — закончил он.

Но никто не ответил. То ли потому, что не знали, как в таких случаях нужно себя вести, то ли были поражены словами фюрера и его видом.

Когда вновь спустились в бункер, между Гитлером и Аксманом состоялась беседа о фольксштурмистах.

В тот же день, 20 апреля в 16.30 в подземелье началось очередное «обсуждение ситуации». Это было последнее совещание, на котором присутствовали почти все руководители рейха.

Из докладов генералов Йодля и Кребса рисовалась картина отступления на всех фронтах.

Гитлер часто перебивал докладчиков и пытался узнать подробности боев на берлинском направлении. Генералы искали обтекаемые формулировки, дабы не вызвать очередного гневного припадка фюрера. Но они не избежали его. После докладов Гитлер обрушился на генералов, обвиняя во всем их бездарность и возлагая надежду на дипломатию.

Риббентроп ухватился за это и предложил немедленно начать переговоры с Эйзенхауэром и Монтгомери. Он намекнул, что каналы, по которым нужно действовать, могут быть найдены в ближайшие дни.

Заявление Риббентропа встретили с интересом и надеждой. Но никаких решений на этом совещании принято не было. Молчание было знаком согласия.

В заключение фюрер объявил, что все руководство

рейха делится на три группы. Он вместе с Геббельсом, Борманом, Фегелейном решил остаться в Берлине. Тут же будут находиться Кребс и Фосс. Военные руководители объединенного военного командования — Кейтель и Йодль направлялись на новую штаб-квартиру северо-западнее Берлина. Фельдмаршалу Кессельрингу передавалась высшая военная власть и право руководить делами правительства на юге Германии, а гросс-адмиралу Деницу — на севере. Гиммлер и Риббентроп были направлены в Шлезвиг для дипломатических поисков и зондажа настроения союзников по антигитлеровской коалиции.

О Геринге не было сказано ни слова.

После совещания многие руководители рейха, забрав с собой чемоданы, сели в машины и взяли курс на запад. Удрал и Геринг. Риббентроп уложил пять больших чемоданов, заготовил паспорта на чужие фамилии, взял с собой ящики с продуктами и вином и удалился в неизвестном направлении.

В подземелье доносились разрывы тяжелых снарядов. Это нервировало Гитлера. Он звонил в обезглавленный штаб военно-воздушных сил и спрашивал:

— Знаете вы, что советская артиллерия обстреливает центр Берлина?

— Нет,— отвечали ему.

— Разве вы не слышите?

— Нет, ибо располагаемся в местечке, отдаленном от Берлина.

Так печально закончился пятьдесят шестой год жизни фюрера.

...А в это время Герман Геринг мчался в горы Баварии. В последнее время отношения Гитлера с Герингом значительно ухудшились. На сегодняшнем совещании фюрер даже не упомянул его имени.

Весь долгий путь Геринг дремал. Автомобиль выехал на извилистую дорогу, искусно построенную молодцами генерала Тодта, в подземный коридор, и только тогда машина остановилась перед двойными, тяжелыми бронзовыми воротами. Часовые подошли, откозыряли, и Геринг очнулся. На лифте рейхсмаршал поднялся в резиденцию канцлера и вошел в круглый зал с огромными стеклянными окнами, из которых открывался предутренний вид на цепь гор...

Как-то один из приближенных фюрера сказал:

— Здесь, высоко над миром, Гитлер противопоставляет себя вечности, отсюда объявляет войну векам.

А теперь в этот зал вошел «второй наци» империи, вошел с мыслью стать первым...

В бункере продолжали ждать чуда. Вместе с другими, особо приближенными с Гитлером оставался Артур Аксман...

Здесь мне представляется возможным сделать небольшое отступление об этом человеке, с которым журналистская судьба свела меня более чем через два десятилетия после описываемых событий.

Многое, о чем он говорил, мне было известно из противоречивых книг мемуаристов, которые не жили в бункере и знали все понаслышке. Тем более было важно услышать рассказ очевидца, пусть даже тенденциозный. Во всяком случае, он невольно рисовал не только физическую, но и политическую смерть фашистских бонз.

На протяжении всей книги, по мере надобности, я буду возвращаться к беседе с Аксманом, а пока познакомлю читателей с уцелевшим фюрером германской молодежи.

После войны ему удалось бежать из Берлина, но все же он угодил в Нюрнбергскую тюрьму, был осужден на пять лет, отсидел и начал было заниматься коммерческой деятельностью, как по требованию западногерманской общественности был вновь судим гражданским судом за гибель тысяч юношей, обманутых им. Состоялся суд. Шел он долго. На него влияли со всех сторон, в конце концов было вынесено решение: «Учитывая давность преступлений, а также инвалидность подсудимого, оштрафовать Аксмана на 35 тысяч марок и... вернуть ему усадьбу на окраине Западного Берлина...» Итак, Аксман уцелел.

Когда же появилась возможность посетить Западный Берлин и повидаться с Аксманом, я не пренебрег ею. Я отдавал себе полный отчет в том, что Аксман не может говорить вполне объективно, и все же беседа со столь редким свидетелем «смертного часа» была небезынтересна.

Телефонная книга Западного Берлина предоставляла в наше распоряжение множество Аксманов, но

среди них не было ни одного Артура. Тогда на помощь пришла справочная.

Артур Аксман некоторое время не понимал, чего от него хотят советские журналисты. Но затем согласился на свидание.

Точно в назначенный час мы с Львом Бурняшевым, корреспондентом агентства печати «Новости», приехали на Имшеналлею, 80.

Это большая усадьба на берегу Ванзее, с красивым зеленым лугом, в окружении столетних платанов, лип, дубов. На пригорке — двухэтажная дача из стекла и алюминия, хорошо вписанная в пейзаж.

Аксмана мы застали за копанием цветочных грядок. Это высокий человек с седеющими висками, лет 53—54. Правая рука у него в черной перчатке — протез. (Он потерял руку в первый день войны на Восточном фронте.)

Я смотрю на цветочки, и мне чудится, будто история дает неправильные показания. Словно и не было разгрома фашизма, самоубийства Гитлера, не было и клятвенных заверений Аксмана в преданности своему фюреру.

Тишина. Вдали, сквозь платаны, видна огромная водная поверхность, по которой плывут парусные лодки. Слышен по-летнему веселый птичий гомон. Так это далеко от темы предстоящего разговора. О подземелье, о бункере, об опаленных улицах Берлина, о грохоте орудий на Вильгельмштрассе, где стояла имперская канцелярия.

Аксмана трудно заставить вновь взглянуть в лицо своему прошлому. Не так-то просто пробраться сквозь его ответы к истине. Наши взгляды на мир, на историю диаметрально противоположны.

Вздохнув и окинув взглядом поместье, он говорит:

— Если бы видели, в каком состоянии мне вернули эту усадьбу... Сюда же зайти нельзя было — грязь, разорение, ужас...

Мы переглянулись. Нет, Аксман не шутил. Он искренне возмущался «несправедливостью», допущенной по отношению к нему. Перед нами сидел фашист, не разоруженный, не потерявший надежд на восстановление «справедливости».

21 АПРЕЛЯ

Берлинская автострада «оседлана».— Упорные бои за канал.— Гитлеровцы испуганы.— Агитатор капитан Матвеев.— Знамя № 5 в дивизии Шатилова.— Пригород Каров освобожден.— У врага в подземелье

Успех сопутствовал нашим войскам, наступавшим севернее Берлина. 3-я ударная армия, которой командовал генерал В. Кузнецов, вела в этот день наступательные бои, обходя вражеские опорные пункты и стараясь не вступать в бой с их гарнизонами.

Уже рано утром была «оседлана» берлинская автострада — окружная магистраль. Сделали это солдаты 171-й дивизии под командованием А. Негоды в районе пригорода Блонкенберг. Отличился 380-й полк.

Этому предшествовала смелая операция батальона старшего лейтенанта К. Самсонова, который, обходя опорный пункт, прорвался в районе Ной-Линденберга в тылы противника на три километра и вынудил его отойти от кольцевой автострады.

Самсоновцы первыми вошли в пределы большого Берлина. Спустя час магистраль была пересечена у Шванебека и противник выбит из Линденберга. В полдень была захвачена дорога еще и в третьем месте. Это — явный успех.

Войска корпуса генерала С. Переверткина врывались в зеленые дачные окраины Берлина. Впрочем, в эти дни они были не зелеными, а бело-розовыми: цвели яблони и вишни. Дачные домики пустовали, хозяева бежали. Куда? Они не знали, что 2-я гвардейская танковая армия генерала С. Богданова уже шла по северо-восточной окраине Берлина. Передовые соединения 5-й ударной армии — полк подполковника И. Гумерова — ворвались в Нойенхаген. Тяжелые бои продолжались на участке 8-й армии. Сюда германское командование несколько дней назад перебросило моторизованную дивизию «Нидерланды». Ломая сопротивле-

ние, наши части вклинились в оборонительный обвод в районе Петерсхагена и Эркнера. Танкисты армии П. Рыбалко продолжали продвигаться на север и все брали с ходу. Генерал даже немного тревожился: войска не встречали серьезного сопротивления. Нет ли подвоха? Не держит ли противник где-либо бронированный кулак, готовый к сильному контрудару. Только у Цоссена, в болотах и лесах, танкисты встретили чувствительный отпор. Во всяком случае, штаб германского верховного главнокомандования, расположенный в Цоссене, был защищен со всех сторон дотами и сильными гарнизонами. Все же 22 апреля Цоссен пал.

Дорога на Берлин была открыта.

Но получился разрыв между армией В. Гордова, вышедшей к Котбусу, и танками генерала П. Рыбалко, которые находились у Цоссена. Обстановка продиктовала приказ маршала И. Конева, по которому армия генерала А. Лучинского, выйдя в район Барута, ликвидировала этот разрыв.

...Генерал Переверткин ходил из угла в угол своего временного штабного кабинета и только из вежливости поддерживал с нами разговор. Ему было не до нас. Бои шли за канал. А сведений не было. Наконец Шатилов позвонил:

— Полк Зинченко зацепился за южный берег. Бои ведет батальон Неустроева. Отличился старший лейтенант Кузьма Гусев.

— Спасибо,— сказал в трубку генерал и, повернувшись к нам, улыбаясь, заметил: — Немного отлегло...

— Вам может показаться,— сказал он,— что полковники и генералы — это сухари, которые хорошо знают свое военное дело и профессионально применяют его на поле боя... Так что ли?

Не услышав от нас ответа, он продолжал:

— Нет, братцы, не так... Полководец должен творить. Ну, как бы вам сказать, ну, как пианист, что ли, скрипач, или, вернее, как дирижер. В его оркестре все должно согласованно повиноваться палочке... Понимаете? Разница только в том, что дирижер не начнет концерта, если в его оркестре не будет скрипки, или флейты, или тромбона. А вот мы «играем» иной раз без нужных инструментов... А творить надо.

— Не только это отличает вас от дирижера,— сказал Борис Горбатов. Все рассмеялись.

Тем временем стало известно, что полк Зинченко полностью форсировал канал, понес большие потери и был отведен во второй эшелон. Другие полки развивали успех и двигались к берлинскому пригороду Карову.

Комдив Шатилов доносил:

— Перешли берлинскую магистраль... Перед нами Каров.

Спустя несколько часов бои шли уже на улицах пригорода. К ним давно готовились войска, в частности дивизия Шатилова. Пользуясь каждым случаем вынужденного отдыха или так называемой «оперативной паузой», она проводила занятия на тему «Уличный бой в крупном населенном пункте».

Однако как ни сложны и опасны были бои, в германской столице они приобретали особый характер, и не только из-за ожесточенности, но и потому, что улицы, отвоеванные нашими подразделениями и оставленные в тылу, вновь оказывались в руках гитлеровцев, которые теперь уже стреляли в спину. Бывало, что роты и батальоны теряли связь, и командиры могли лишь предполагать, где идет сражение.

В наших войсках, особенно в 8-й гвардейской армии, которой командовал генерал В. Чуйков, немало солдат и офицеров прошли школу уличных боев в Сталинграде. Там впервые были созданы штурмовые отряды. Такие же отряды в других армиях дрались на улицах Великих Лук, Кенигсберга, Варшавы, Лодзи, наконец в Кюстрине. Это была последняя репетиция.

Столица почти вся уже парализована — все замерло, городской транспорт не работал, даже метро превратилось в убежище не только от английских бомб, но и от советской артиллерии. Нет электрического света, нет газа. Жители спрятались в подвалы.

А бои в предместье Каров становились все ожесточеннее и кровопролитнее.

Мы поехали в расположение полка Зинченко, отведенного во второй эшелон для переформирования и пополнения. Командира полка мы нигде найти не могли, но группа офицеров, окружившая нас, напере-

бой рассказывала о боях за канал, о героизме многих солдат, о схватке на мосту.

Именно на южном берегу солдаты батальона Неустроева встретились с людьми, которые вырвались из лагеря. Его не успели эвакуировать, а колючая проволока была разбита нашей артиллерией. Сотни советских граждан, поляков, чехов, словаков, венгров, измученных, бледных, со слезами на глазах встречали солдат Советской Армии.

— Они заполнили улицы и задержали наше движение,— сказал Кузьма Гусев.— Всю группу освобожденных отправили на восток, а один из них остался.

Нас познакомили с ним. Это был парень лет 18—19, который сразу же, как только послышались разрывы снарядов в районе лагеря, организовал пленных и повел их на охрану, стоявшую у входа. Схватка была короткой, часовые были обезоружены, перебиты, и пленные вышли на волю под огонь артиллерии. Вожак этой группы, вооруженный немецким автоматом, бросился навстречу отряду Кузьмы Гусева вместе с толпой освобожденных, а затем незаметно для Гусева и для других солдат вместе с ними пошел в атаку на гитлеровцев и стрелял по ним из их же автомата.

Теперь он стоит перед нами: щуплый, худой, с серым, землистым лицом, с белесыми бровями, из-под которых глядят живые, голубовато-серые глаза.

Фамилия его Прыгунов, зовут Иван. Два года назад гитлеровцы угнали его в неволю.

— Будешь воевать? — спросил Горбатов.

— До последней капли крови! — не задумываясь, отчеканил Иван Прыгунов.

Мы долго слушали парня, который сбивчиво рассказывал о жизни лагеря.

— Последние дни,— сказал он,— гитлеровцы и даже офицеры стали трусливы... Все норовили уйти домой... «О, о, о... русс рассердился. Берлин капут, нам капут».

Тут же мы узнали, что наша артиллерия продолжала обстреливать Берлин, теперь уже направляя огонь в центр города, в район имперской канцелярии и Тиргартена. Неподалеку, в садочке, мы увидели бойцов, сидевших кто на бревне, кто на табуретке, на длинной скамейке, а то и на шинели, разостланной на земле.

Перед ними стоял капитан И. Матвеев — агитатор политотдела дивизии. Стройный, еще молодой человек увлеченно рассказывал о рейхстаге. По всему видно было, что он хорошо знал историю поджога рейхстага и знаменитого Лейпцигского процесса, на котором судили Георгия Димитрова.

— Гитлер и Геринг заявили, что это сделали коммунисты... Им нужен был повод для разгрома Компартии Германии, которая, как известно, имела большое влияние на рабочий класс.

Солдаты внимательно слушали агитатора, а он с большим подъемом говорил о Лейпцигском процессе и довольно точно воспроизвел пламенную речь Георгия Димитрова. Закончил он словами:

— Теперь рейхстаг загорелся от наших снарядов. Теперь его подожгли мы. Это факт. И мы водрузим на нем Знамя Победы. Это будет символ не только нашей победы, но и гибели нацизма!..

Речь захватила всех слушателей. Тут же он сообщил, что Военный совет 3-й ударной армии учредил девять знамен для водружения над рейхстагом. Знамя было выдано и 150-й дивизии.

Когда мы приехали в штаб дивизии, знамя было уже там. Начальник политотдела Артюхов разложил полотнище на столе и показывал комдиву Шатилову.

— Вот оно какое... Глядите!

И несмотря на то, что это знамя было таким же, какие нам приходилось видеть и на заводах, и в колхозах, и в воинских частях, все стояли как завороженные. Только в отличие от тех, внизу, почти у самого древка, на нем значилась цифра «5». Конечно, никто из нас тогда не мог предвидеть, что именно оно будет водружено над куполом рейхстага, тем более что не было никакой уверенности, будет ли дивизия продвигаться в направлении рейхстага. Обо всем этом мы допоздна говорили с Шатиловым, Артюховым. Одно время с нами был и полковник Зинченко.

Спать не хотелось. Все были возбуждены.

На пороге появился офицер с папкой в руках. Генерал приказал ему доложить обстановку. На столе лежал план-схема, не похожий на другие. На нем не были обозначены ни леса, ни поля, ни реки, обычно расцвеченные в зелено-голубые краски. Это был ко-

ричневый план, расчерченный множеством линий, пересекающих друг друга, отмеченный квадратами, прямоугольниками, узкими параллелями железных дорог,— план северо-восточной части Берлина.

Генерал склонился над схемой, штабной офицер подробно докладывал не только о действиях полков и батальонов, но и штурмовых отрядов. Речь шла не о траншеях, населенных пунктах, железнодорожных узлах, а о кварталах, улицах, домах, лестничных клетках.

— Этот квартал в чьих руках? — спросил генерал.

— У гитлеровцев.

— А этот?

— Тоже.

— Этот?

— И этот.

— Но он же был вечером у нас,— недовольно заметил генерал.

— Да, был у нас, теперь у них,— ответил офицер.

— Я же сам видел этот квартал... Из каждого окна там был вывешен белый флаг.

— Из окон белый флаг, но с чердаков — беглый огонь,— ответил офицер.

— Это не оправдание. Мы не можем останавливаться у каждого чердака... Завтра приказано очистить весь район. Вот видите, здесь, на площади, кинокопировальная фабрика? Ею нужно овладеть к 10 часам утра. Ясно?

— Ясно, товарищ генерал. Можно идти?

— Идите.

Капитан откозырял, щелкнул каблуками и вышел.

Шатилов долго еще смотрел на план, а затем, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Тяжело нам дается Берлин...

В эти же часы у другого пригорода — Панков — вели упорные бои 525-й и 380-й полки соседней, 171-й дивизии А. Негоды.

Гитлеровцы подтягивали новые резервы то к Карову, то к Панкову.

Мы вышли на улицу. Была лунная ночь, и цветущие яблони, казалось, светились в голубом сиянии. Защелкал соловей. Бетонная дорожка вела в глубину садика. Там мы встретили командира полка Федора

Матвеевича Зинченко. Полковник стоял, широко расставив ноги, и глядел в ночное небо.

— Что это вы здесь? — спросил Горбатов.

— Мечтаю... Вам же, писателям, это должно быть понятно.— Он помолчал, а потом сказал: — Вот гляньте на луну и забудете все на свете — и эти подберлинские дачи, и аккуратные дорожки, и подстриженные кустики... Забудешь разбитые улицы, дым, огонь, смерть и этот трижды проклятый канал, отобравший у меня столько людей... Я его и выговорить не могу и вспоминать не хочу. Все забудешь и на душе делается легче, а перед глазами встанут сады родной Украины и услышится голос украинских соловьев.

— Так они и здесь заливаются,— заметил Борис.

— Не знаю, не знаю, друг. Может, и поют здесь соловьи. Я сейчас слышу не их, а своих, украинских... Может, ты скажешь, что яблони здесь цветут... Не знаю, друг мой, не знаю... Может, и цветут здесь, бог их знает. Но я вижу свои яблони, что цветут у окон моего домика. Ясно вижу... А цветут ли они этой весной?..

— Понимаю,— сказал Горбатов.

— Ну, ладно,— решительно и совсем другим голосом сказал Зинченко.— Все это сентименты... А жизнь есть жизнь, и завтра, дорогой мой, нам придется сражаться за новые кварталы Берлина... Шутка сказать!

Мы попрощались и ушли. Над Берлином стояла беспокойная ночь. Небо розовело от пожарищ, слышались гулкие разрывы снарядов, а иногда доносились и пулеметные очереди. Это ребята полковника М. Мочалова и подполковника А. Плеходанова очищали улицы Карова от остатков неприятельских групп.

* *
*

В эту ночь Берлин охватила паника. Люди чувствовали, что пришел конец, что нужно спасаться. Слухи ползли из дома в дом, из подвала в подвал. Бои шли на улицах. Саперы взрывали мосты. Стоял грохот, беспорядочная стрельба. Полки теряли свои разграничительные линии, сбивались в кучу, офицеры

бранились. В Потсдаме — оживление. Туда только что переехал штаб из Цоссена.

Офицеры размещались по квартирам. Английская авиация разбомбила замок первого короля Пруссии. На улице в грязи валялся колокол, слетевший со старой гарнизонной церкви. Именно здесь, у гроба Фридриха Великого, Адольф Гитлер произносил в свое время торжественную клятву.

Офицеры проходили мимо, удивленно глядя на всю эту картину. Один из них, ротмистр Герхард Больдт, молодой офицер из окружения Кейтеля и Гитлера, вспоминал потом этот день: «Кричат мужчины на подводах, ругаются шоферы, беспомощно плачут женщины, которые держат в руках завернутых в одеяла детей... Мы едем через город, по боковым улицам. Дорогу преграждают обломки зданий и воронки от снарядов... Проемы окон обгоревшей церкви смотрят на нас, как пылающие местью глаза... Мы и здесь долго не останемся...» [1]

...В бункере под имперской канцелярией опустело. Остались самые приближенные. Настроение подавленное.

Исчез, не простившись, Геринг. Ведь именно его через неделю после нападения на Советский Союз Гитлер назвал в качестве преемника. Назвал на всякий случай. Тогда это прозвучало как демонстрация безграничного доверия... Еще до прихода Гитлера к власти он нашел в нем своего «фюрера», участвовал в известном провалившемся мюнхенском путче, был ранен и бежал за рубеж...

Вернулся он в Германию в конце двадцатых годов и спустя несколько лет организовал поджог рейхстага, принял участие в разгроме германской компартии, хвастал преданностью нацизму. Лестница его карьеры густо отмечена следами преступлений. Он стал главой гигантского концерна «Герман Геринг-верке». Основу этого концерна составляли рудники, шахты, сталелитейные, машиностроительные, военные заводы, захваченные в оккупированных странах. Его страсть к обогащению не имела границ. Он копил золото, картины знаменитых художников, скупал драгоценности.

[1] См. «Правда», 30 декабря 1947 г.

И вот теперь ему предстояло преодолеть еще одну ступень — самую высшую. Он рассчитывал на то, что между Востоком и Западом возникнет конфликт. И тогда он, Геринг, окажется единственным человеком, с которым союзники будут вести переговоры. С Гитлером за стол не сядет ни один человек. Риббентроп с его военной дипломатией и Гиммлер с его концлагерями вообще неприемлемы Геринг торопился.

Он направил в имперскую канцелярию радиограмму:

«Мой фюрер! Ввиду вашего решения остаться в Берлине, согласны ли вы с тем, чтобы я немедленно взял на себя в качестве вашего преемника на основе закона от 29 июня 1941 г. общее руководство рейхом с полной свободой действий внутри страны и за рубежом? Если я не получу ответа до 10 часов вечера, я буду считать это подтверждением отсутствия у вас свободы действий и что условия, требуемые в вашем указе, имеют место и буду действовать во имя блага нашей страны и нашего народа. Вы знаете, что я чувствую по отношению к вам в этот суровейший час моей жизни. Я не имею возможности выразить это словами. Может быть, бог защитит вас и быстро доставит сюда несмотря ни на что. Преданный вам Геринг» [1].

Затем он приказал генералу Коллеру подготовить воззвание к народу, но таким образом, чтобы русские поверили, что немцы по-прежнему ведут борьбу на два фронта, а англичане и американцы сумели бы понять, что отныне война будет только против Советов.

Тут же Геринг распорядился приготовить самолет на Париж, куда он собирался улететь для встречи с Эйзенхауэром.

...В бункере в тот день ждали генерала Шернера, командующего группой армий «Центр» на чехословацком участке фронта. Там была достигнута временная стабильность, и это вселяло надежду. Все уже забыли, что Шернер провалился в Прибалтике.

Каждый час приходили донесения одно другого ужаснее. Их не показывали «фюреру», о них не гово-

---

[1] *Г. Розанов.* Крушение фашистской Германии. М., 1963, стр. 144.

рили, но зато самый ничтожный обнадеживающий слух превращался в официальную версию и докладывался Гитлеру.

Раньше в бункере рассчитывали на генерала Штейнера, теперь на Фердинанда Шернера и на 12-ю армию генерала Венка, которая должна была пробиваться с запада на Потсдам.

Теперь Гитлер поручил Шернеру осуществить прорыв войск на Берлин. Тому ничего не оставалось, как согласиться. В те дни все безоговорочно соглашались с самыми нелепыми предложениями и приказами, дабы не вызвать гнева.

Гитлер произвел Шернера в фельдмаршалы.

В конце дня он вызвал к себе генерала Кребса и дал ему приказание:

— Всех, кто может ходить, немедленно передайте Шернеру. Нам нужно во что бы то ни стало продержаться до прихода войск из Чехословакии.

В тот день в кинозале особняка на Герман Герингштрассе, как обычно в последние дни, проводилось совещание сотрудников министерства пропаганды. Эти люди, которые управляли огромной машиной печати, радио и телевидения, одурманивали Европу, кричали о сверхчеловеческих качествах Адольфа Гитлера и об особой миссии немецкого народа в развитии человечества, ждали новых директив.

Прозвучала сирена, предупреждавшая о танковой опасности. В окно были видны толпы беженцев из ближайших берлинских пригородов.

Геббельс совершенно потерял самообладание: «Что же будет?», «Как же дальше?», «Неужели погибла Германия?», «А мы?». Вместо очередного инструктивного доклада «на сегодняшний день» он произнес трагический монолог, полный ненависти ко всем окружающим, ко всем немцам, ко всему миру.

Почти задыхаясь, он кричал:

— Немецкий народ! Немецкий народ! Что можно сделать с таким народом, если он не хочет больше воевать... Все планы национал-социализма, его идеи и цели были слишком возвышенны, слишком благородны для этого народа. Он был слишком труслив, чтобы осуществить их. На востоке он бежит. На западе он не дает солдатам воевать и встречает врагов белыми

флагами. Немецкий народ заслужил участь, которая теперь его ожидает... Но не предавайтесь иллюзиям: я никого не принуждал быть моим сотрудником, точно так же, как мы не принуждали немецкий народ. Он ведь сам уполномочил нас. Зачем же вы шли вместе со мной? Теперь вам перережут глотки.

Этот припадок истерии убедительно свидетельствовал о приближении краха. Сотрудники министерства поняли, что нужно бежать. Совещание не состоялось.

...Гораздо раньше, чем Геббельс, приближение краха почувствовал Генрих Гиммлер. Будучи командующим группой армий «Висла», он знал о состоянии армии больше, чем Геббельс. «Железный Генрих», как называла Гиммлера фашистская верхушка, заранее начал искать выход. Его взоры были обращены к Швеции, где он уже давно завязал знакомство с графом Фольке Бернадоттом — племянником шведского короля Адольфа-Густава V. Они встречались несколько раз, но обстановка так быстро и так резко менялась, что каждый раз мешала осуществлению, казалось, «реального выхода из тупика». После того как Гиммлеру предложили выехать в Шлезвиг, он считал себя свободным в своих действиях. Он встретился с начальником политической разведки СС — молодым, энергичным Вальтером Шелленбергом и поведал ему о своих планах... В принципе план был одобрен, речь шла только о формах его осуществления. Они зашли так далеко, что мечтали даже создать новую партию «Национального единства»...

22 апреля

«Немца погнали дальше».— На копировальной фабрике в Вайсензее.— Группировка вражеских войск блокирована.— Электростанция спасена! — В Карове.— У врага в подземелье

Ночевали мы в каком-то хуторе, в маленьком домике. И хотя мне было известно, что поблизости выставлено охранение, мне всю ночь мерещился прорыв вражеских танков, и я не мог уснуть до рассвета. Борис спал. Я вышел на улицу. Занималась заря. Впереди, на западе, рдело огненное пятно пожара. Горели ближайшие к нам пригороды Каров и Вайсензее.

Утром, когда загремела артиллерийская канонада, проходивший мимо нас солдат радостно сообщил:

— Немца погнали дальше.

Мы решили ехать к передовым позициям, но предварительно зашли к комкору Семену Никифоровичу Переверткину. Он был в хорошем расположении духа и, казалось, даже обрадовался нашему приходу. Он рассказал о последних событиях на фронте, порекомендовал поехать в Вайсензее. 150-й дивизии было приказано двинуться на Тегелер-Зее, в северо-западное предместье Берлина.

Невольно возникла мысль: что же, корпус пройдет в стороне от центра, от рейхстага? А как же знамена?

— Приказ есть приказ...— недовольно ответил на наш вопрос комкор.

Генерал, видимо, решил изменить тему разговора и начал рассказ о новой форме борьбы в условиях большого города: некоторые батальоны преобразовались в штурмовые отряды с орудиями и танками. Их командиры получали самостоятельность в боях, могли смело маневрировать на улицах города, сообразуясь с обстановкой. За штурмовыми отрядами шли полки, которые «прогрызали» оборонительные пояса, созданные по законам современной инженерной обороны.

Кое-какое представление о характере такой борьбы мы получили позже, побывав в Карове и Вайсензее.

В частности, генерал Шатилов рассказал нам:

— Штурмовые отряды просто необходимы. Улицы Берлина волей-неволей разобщают силы, мешают нормальным действиям артиллерии, танков, самоходок... И даже находясь на близком от боевых порядков расстоянии, не сразу разберешься, где фронт, где тыл, где враги, где свои... Стреляют отовсюду... Ведь мы имеем дело с закаленными в боях эсэсовцами. Вот почему нам нужны отряды, которые действовали бы самостоятельно.

— А как сейчас дела? — спросил я генерала.

— Каров очищен полностью, дивизия завязала бои за другой пригород Берлина. Мы выполняем новое задание, полученное утром.

...Наша «эмка» в последнее время проявляла явные признаки старости: часто чихала, заставляла водителя копаться в ее уставшем, тяжело дышавшем, вздрагивавшем моторе, стучала выхлопной трубой, издавала какие-то странные звуки, которые с тревогой улавливал Гриша Мирошниченко, всякий раз напоминая о необходимости серьезного ремонта. Но мы отделывались фразой: «Сейчас не время. Потерпи немного».

Мы выехали утром и благополучно добрались до Берлинринга,— широкой бетонированной дороги, идущей вокруг столицы. Она была ровна и красива. Мирошниченко обрадовался отличной «бетонке», увеличил скорость. Справа от нас замелькали перелески. Вдруг «эмка» резко дернулась и остановилась. Как обычно, Мирошниченко заглянул в мотор, затем под кузов и равнодушно сказал: «Полетела полуось». Мы еще не представляли себе всех последствий случившегося и с удивлением смотрели на водителя: дескать, ну и что? Давай чини. Когда же он сказал, что автомобиль выбыл из строя, мы, чертыхаясь, вышли из машины. Со всех сторон слышалась стрельба. Проезжавшая «эмка» политотдела остановилась, но могла взять с собой только одного человека. Уехал Горбатов. Мы условились, что встретимся в Карове, на КП дивизии.

Мирошниченко отправился в сторону Ландсберга искать авторемонтный батальон, а я пешком продол-

жал путь по берлинскому кольцу. Мимо мчались грузовые машины с солдатами, какие-то крытые фургоны, трофейные «хорьхи», наслаждавшиеся «бетонкой».

Несколько раз я отдыхал, присев на каменную тумбу дороги. И снова шел. Вдруг за спиной послышался писк тормозов, а затем мимо прополз и остановился «виллис». Из кабины вышел Леня Коробов — корреспондент «Комсомольской правды» и усадил меня в машине рядом. Мы помчались к Панкову.

— Но мне нужно в Каров.

— Заедем сначала в Панков, а затем отправим тебя в Каров.

Поехали. Леня сказал, что был сейчас у начальника штаба 3-й ударной армии генерала М. Букштыновича, и тот рекомендовал ему ехать к Панкову.

«Виллис» мчался по разбитой дороге, и водитель выделывал, как он говорил, «кренделя», после которых мы, хватаясь друг за друга, едва не вылетали из машины.

Проезжали знаменитые бланкенбургские инженерные сооружения, которые только вчера прорвали 380-й полк подполковника В. Кулькова и 525-й полк подполковника И. Николаева.

По всему видно было — здесь шли горячие бои: много разбитой техники, взъерошенное, перепаханное снарядами поле, трупы, вырванные с корнями вербы и дымок над землей, уставшей от боев и теперь тяжело дышавшей. Нас остановили у шлагбаума. Здесь был расположен командный пункт 171-й дивизии.

Комдив полковник Алексей Игнатьевич Негода встретил нас прохладно. Леня Коробов пытался ему что-то объяснить, ссылался на Букштыновича, но полковник — высокий, несколько грузный человек с утомленным лицом и красными глазами — смотрел куда-то мимо нас и твердил: «Не вовремя, ребята, не вовремя... Горячий бой... Не до вас».

Мы молчали.

Затем Алексей Игнатьевич вдруг сказал:

— Не боитесь? Поезжайте к окраине Панкова в 380-й полк к Василию Феоктистовичу Кулькову... Там знамя водружают над пригородом.

— Какое знамя?

— Как какое? Знамя № 4, выданное нам Военным советом армии... Сегодня-то день рождения Ленина, вот мы и решили отметить. Давайте, езжайте... Дам вам офицера связи...

Мы поблагодарили, откозыряли и направились к окраине Панкова. Дым его мы видели уже давно, а здесь явственно стала слышна стрельба.

На командный пункт Кулькова мы прибыли около десяти часов утра. Василий Феоктистович — кадровый офицер, в прошлом — пограничник, опытный, храбрый командир. Его наблюдательный пункт всегда находился в непосредственной близости от передовых позиций.

Вот и сейчас мы сидим в полуподвальном помещении на окраине Панкова и едва слышим его рассказ из-за орудийной стрельбы, которая, как нам кажется, доносится отовсюду. Василий Феоктистович встает.

— Поднимемся по лестнице и увидите знамя, водруженное на самом высоком здании Панкова.

Мы поднялись. Городок был покрыт дымом, накрапывал дождь. В разрывах дыма видно было знамя дивизии.

Нам рассказали, что его водрузили сначала над старым замком, а затем подняли на самый высокий дом. Парторг полка капитан Магомет Умаханов [1], разведчики А. Булатов, Г. Полупанов и Р. Минин совершили этот подвиг под огнем.

Вскоре мы распрощались с подполковником В. Кульковым, надеясь на скорую встречу.

Кто из нас мог тогда знать, что Василий Феоктистович через несколько часов будет смертельно ранен.

Много позже капитан Григорий Самойлов рассказал мне:

— Кульков снова менял свой НП. Окруженный связистами и солдатами охраны, спокойно шел он по середине широкой улицы. Был теплый вечер, немного стихла стрельба. Я и начальник штаба полка майор Шаталин вышли на улицу подышать свежим воздухом. Мы увидели Кулькова и его группу, и почти в тот же момент раздались взрыв фаустпатрона и автомат-

[1] Ныне секретарь Дагестанского обкома КПСС.

ная стрельба со второго этажа углового здания. Группа пыталась спрятаться в доме, но безуспешно. Тяжелораненого Кулькова немедленно отправили в госпиталь, но спасти его не удалось...

В середине дня с трудом нашел я КП дивизии Шатилова, а затем Горбатова. Хотя пригород был уже освобожден, но тревога витала над улицами, площадями. Кругом виднелись обугленные деревья, закопченный камень, развороченный бетон. И над всем — облако кирпичной пыли и дыма. Жителей не было видно.

Мы шли молча и вскоре оказались у копировальной фабрики, которая очень интересовала Бориса.

Мы прошли на фабрику. Она была разбита артиллерией и начала гореть. Но огонь погасили рабочие, оставшиеся здесь в ожидании наших войск.

Мы шли по щебню, по кускам отвалившейся штукатурки, битому стеклу. Директор фабрики повел нас в пустые комнаты, где в ваннах с проявителем еще мокла пленка, а на контрольном столике лежал ролик готовой ленты. Это был последний выпуск кинохроники «Новости недели».

Мы посмотрели пленку на свет: парад войск, поднятая рука какого-то гауляйтера (позже мы узнали, что это был Артур Аксман, который провожал новый отряд молодых фольксштурмистов, идущих на передовые позиции).

— А что проявляется? — спросил Борис.

— Не знаю. Эта пленка лежит с позавчерашнего дня, с момента, когда начали обстрел Берлина. Она, естественно, испорчена.

— Самой главной новости в вашей хронике нет,— сказал Горбатов.

Директор удивленно посмотрел на него.

— Вхождения наших войск в Берлин... Вот это действительно новость.

Директор тут же ответил:

— И эти новости будут... Они снимались нашими молодыми операторами... История...

— И еще какая! — улыбаясь, сказал Горбатов.

Знакомый офицер из штаба корпуса рассказал, что после маленькой стычки в переулке одно из подразделений овладело шоколадной фабрикой. При появле-

нии первых советских солдат из подвала вылез пожилой немец и предложил ключи от конторы, цехов, складов. Комбат приказал шоколад не трогать: «Может быть, отравлен».

В глубине двора я увидел Максима Чубука. Он сидел на пустом перевернутом ящике. В руках у него был обрывок газеты.

Он только что вышел из боя, был возбужден, а тут еще кто-то принес ему обрывок газеты, напомнивший ему и Малиновую Слободу, и родные края, и Маринку.

— Вот, товарищ майор, интересно получается... Наша Галя из Малиновки где-то тут воюет, герой...— Чубук протянул обрывок газеты.

Оказывается, землячка Максима Галина Олещенко совершила подвиг, дважды ходила в атаку, убила одного фашиста, на передовой позиции под огнем оказывала медицинскую помощь раненым. Далее в газете сообщалось, что Галина Олещенко сравнительно недавно была освобождена нашими войсками из концентрационного лагеря.

— Это она,— уверенно сказал Максим.— Вот бы ее найти, она наверняка знает о Маринке... Их же вместе угоняли...

Распрощались с Чубуком, пожелав ему удачи. Парень этот меня заинтересовал, и я на сей раз записал его координаты: полк, батальон, роту.

Мы вновь пошли по улицам Вайсензее. У афишной тумбы увидели толпу местных жителей. Они вылезли из своих убежищ, прослышав, что новый комендант района расклеил по заборам, домам и тумбам первое объявление.

Подошли ближе. Люди сгрудились у тумбы, толкались, становились на цыпочки, чтобы увидеть ярко-зеленый лист бумаги, на котором на немецком языке было напечатано первое обращение к жителям. Люди шумно обсуждали его текст и снова и снова, словно не веря своим глазам, перечитывали:

«В связи с ложным утверждением гитлеровской пропаганды о том, что Красная Армия имеет целью истребить весь немецкий народ, разъясняем: Красная Армия не ставит себе задачей уничтожение и порабощение немецкого народа. У нас нет и не может быть идиотских целей...»

Эти листовки внесли большое успокоение. Теперь уже из окон стреляли только фанатики-эсэсовцы, отлично понимавшие, что им пришел конец.

А на другой тумбе я увидел обрывок поблекшей бумаги — остаток приказа генерала Реймана об обороне имперской столицы:

«Оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона... Борьбу войска должны будут вести с фанатизмом, фантазией, с применением всех средств введения противника в заблуждение, военной хитрости, с коварством...»

Отвоеванные районы сдавали комендантским взводам, и войска шли дальше.

Сегодняшний день был насыщен событиями не только на северо-западных участках фронта, где армия Ф. Перховоровича развернула наступление с севера на юг, на соединение с танками генерала Д. Лелюшенко, спешившими с юга на север. Гитлеровцы принимали все меры, чтобы не дать замкнуться кольцу. Они повернули 12-ю армию генерала Венка на 180 градусов. Первоначальное задание — сдерживать американцев — было заменено приказом срочно прорываться в Берлин с юга-запада в район Потсдама. Такие попытки Венк делал неоднократно.

Ударная армия генерала Н. Берзарина продвигалась к центру столицы. На левом ее фланге хорошо действовал корпус генерала И. Рослого. Он штурмом овладел пригородом Карлсхорст, частью пригорода Кепеник и с ходу форсировал Шпрее.

Шпрее! Это река, которая в туманном детском прошлом называлась на уроках географии и которую забывали тотчас же после него, вновь явственно напомнила о себе. Без малого двести лет назад донские казаки поили из нее коней. На ее берега всеми своими лапами оперся Берлин, и потому о ней думал каждый воин, еще будучи на Днепре, на Дону или на Волге... Думал и верил, что он придет на Шпрее. И пришел.

230-я дивизия, которой командовал Шишков, подходила к Шпрее в районе Карлсхорста.

Шишков опытный командир. Он участвовал в сражениях под Москвой, на Курской дуге, форсировал Днепр, за что получил звание Героя Советского Союза. И вот весной сорок пятого он командует дивизи-

ей, сражается за плацдарм за Одером в районе Кюстрина, выдерживает крайне тяжелые бои на Зееловских высотах и наконец подходит к Шпрее.

Ему 38 лет. Он устал, это видно по его глазам, по впалым щекам, по движениям. Он изучает по карте местность своей «разграничительной полосы». Телефонный звонок отвлекает его. Адъютант Щепанов докладывает:

— Товарищ командир, у телефона член Военного совета генерал Боков.— Шишков подходит к телефону, слышит:

— Даниил Кузьмич, ты подошел к Шпрее и стоишь у электростанции Клинкенберг...

— Именно так.

— Необходимо любой ценой оставить станцию неповрежденной... Ты понял? Взять нужно целехонькую. И завтра Берлину нужен будет ток... Ты, конечно, сумеешь это сделать?

— Слушаюсь, товарищ генерал...

Он вновь углубляется в карту. Теперь нужно менять задачу, ибо появилось новое обстоятельство — станция должна остаться «целехонькой».

Вскоре план был готов. В операции должны были принять участие три стрелковых полка и один артиллерийский.

К этому времени разведка дивизии, связанная с антифашистами, донесла, что гитлеровские солдаты проложили на станции взрывной кабель. Нужно было торопиться.

...Дежурный Альфред Вюле сидел в машинном зале и ждал своей судьбы. Он тоже знал, что̀ станция должна быть взорвана, и с тревогой прислушивался к приближавшейся артиллерийской канонаде.

Альфред Вюле — антифашист. После того как ему стало известно о решении гитлеровцев взорвать Клинкенберг, он создал малочисленный «кружок сопротивления», каждый член которого носил при себе комбинированные щипцы.

Сейчас он сидел в темноте, отрезанный от мира и прислушивался к стрельбе.

Тридцать лет он работает на этой станции, знает все машины, механизмы. Неужели все это взлетит на воздух?

В зал входит его друг Роберт Еркиш:

— Это не может тянуться долго... Русские рядом... Внимательно смотри за командой подрывников.

Тем временем два полка дивизии Шишкова обошли электростанцию с севера и юга, а 986-й полк, при слабом сопротивлении, овладел электростанцией Клинкенберг. В полдень в комнате дежурного Альфреда Вюле появляются директор предприятия, полковник Шишков и советские офицеры.

Шишков, обращаясь к Вюле, говорит:

— С помощью немецких рабочих нам удалось перерезать подрывной кабель. Клинкенберг спасен! — Шишков протягивает руку Вюле. Дежурный не понимает русских слов, но он увидел улыбку советского командира, кислую мину на лице своего начальника, и ему все стало ясно.

Так суждено было, чтобы немецкий рабочий и русский шахтер, а ныне командир, пожали друг другу руки в момент самой жестокой борьбы за Берлин.

Через несколько часов полковник Шишков был ранен и до отправления в госпиталь, уже с забинтованной головой, докладывал:

— Товарищ генерал, приказ выполнен: электростанция спасена, перешли Шпрее, дивизия ведет наступление дальше.

...Наметился успех и у гвардейцев В. Чуйкова на направлении главного удара. Мюнхеберг пал, и генерал М. Дука, только что вступивший в командование дивизией, сразу же повел ее в атаку, сбил врага с последних позиций в лесу перед Шпрее и приказал немедленно ее форсировать. Гвардии майор Репин развернул дивизион, открыл огонь по домам, которые высились на противоположном берегу. Именно оттуда непрерывно били пулеметы, и река становилась непроходимой. Репин заставил их замолчать. К полудню переправились два батальона.

Плацдарм был захвачен, батальоны двинулись дальше.

...9-я гитлеровская армия под командованием Буссе с боями отступала на юго-запад. В эту армию входило много разного рода войск. Кого только тут не было! И горнострелковый корпус, и танковый корпус, и моторизованная дивизия, и истребительная бригада,

и множество запасных и охранных частей, эсэсовские особые полки.

Сейчас уже не было эшелонированных рубежей — фронт тянулся по улицам и площадям. Бои шли в городе, который не сдавался. Правда, из окон все чаще и чаще жители вывешивали простыни — знак капитуляции, прекращения огня.

Иными были действия на 1-м Украинском фронте. Там, наоборот, широкое предполье давало возможность совершать маневры больших групп войск. Маршал И. Конев приказал усилить танковую армию Рыбалко артиллерийским корпусом прорыва. Он, находясь от танковой армии в 150—200 километрах, стремительным маршем двинулся на север, показав при этом отличные образцы самого сложного маневра.

Армия Рыбалко приближалась к южным окраинам Берлина, корпуса генералов И. Сухова и В. Митрофанова форсировали канал Нотте, прорвали внешний оборонительный обвод, затем танки И. Сухова перерезали автостраду Берлинринг в районе Юнсдорфа. К вечеру пригороды Бланкенфельде, Малов, Лихтенраде были в наших руках. Дела шли отлично. Армия П. Рыбалко вышла на Тельтов-канал на протяжении 12 километров. Один корпус танковой армии генерала Д. Лелюшенко обошел Луккенвальде, выдержал бои с армией генерала Венка и двинулся на север... Кольцо сжималось.

...Ночь застала нас в Карове. Генерал Шатилов дал нам офицера связи. Мы пошли по разбитой улице, а затем свернули в переулок и остановились у парадного входа отличного двухэтажного особняка. Офицер нажал кнопку звонка. Все это нас удивило: в разбитом, дымящемся Карове, где еще днем шли бои на юго-западной окраине, сохранился дом с целыми дверями и стеклами в окнах. Как он уцелел?

Дверь открыл пожилой худой человек. При виде офицера он почтительно склонился и просил зайти. Мы вошли. Хозяин предложил нам расположиться в большом зале на первом этаже. Это была хорошо обставленная комната, разделенная стеклянными раздвижными дверями. При легком прикосновении ее половины расходились и исчезали в стенах.

Дверь нас так забавляла, что и я, и Борис без

нужды ходили друг к другу — только бы еще раз посмотреть, как она мягко, бесшумно движется.

Пришел хозяин и на ломаном русском языке начал жаловаться на жизнь в Берлине.

— Подумайте,— говорил он,— снабжение уже давно нарушено. Установлены нормы: в день 115 граммов хлеба, 115 граммов картофеля, 21 грамм мяса и 10 граммов жира. Причем и эти продукты можно получить, лишь простояв в длинной очереди, часто под снарядами и бомбами...

Не найдя у нас сочувствия, хозяин, кряхтя, поднялся, пожелал нам спокойной ночи и ушел. Я слышал, как скрипели под его ногами ступени лестницы, ведущей на второй этаж.

По сравнению со вчерашним ночлегом этот ничем не напоминал фронтовую жизнь. И только уханье пушек и треск пулеметов напоминали о войне... Под эти звуки мы и уснули.

* *
*

22 апреля, как и все последние дни, в комнате совещаний собрались генералы и адмиралы для очередного «обсуждения ситуации». Появились и фельдмаршал Кейтель, и генерал Йодль, прибывшие в бункер из главной штаб-квартиры. Прилетел с севера и гроссадмирал Дениц. Кроме них — постоянные обитатели бункера Кребс, Фосс, Фегелейн, Борман, Хевель, адъютанты.

В ожидании «фюрера» обсуждался вопрос о бегстве из Берлина. Как уговорить Гитлера? Ведь пока еще есть возможность!

В городе и на дорогах, которые ведут на запад,— безотрадная картина. Сегодня среди беженцев появились солдаты.

По приказу генерала Детлевсена блокированы озерные дефиле юго-западнее и северо-западнее Потсдама у Гельтова, Вердера и Маркварда. Штаб-квартира будет перенесена в Рейнсберг.

С приходом Гитлера началось совещание. Генерал Кребс подробно рассказал о наступлении советских войск уже в пределах Берлинринга и закончил доклад бодрым обещанием остановить противника у ка-

нала Берлин-Шиффартс, а также на западе и юго-западе, у Потсдама.

В это время послышался разрыв тяжелого снаряда.

Все встали, младшие офицеры выбежали из комиаты. Генералы молча подошли к «фюреру». Вот-вот кто-нибудь сделает решительное предложеиие бежать иа юг, в Альпы, в Швейцарию, куда глаза глядят.

Но Гитлер, как бы в ответ, заявляет, что война проиграиа, надежд на спасение иет и что повинны в том генералы, предавшие интересы новой Германии. Позже, когда остался узкий круг приближенных, он, потрясенный событиями дня, говорит:

— Если мие суждено погибиуть, то пусть погибиет и немецкий народ, потому что ои оказался иедостойным меия [1].

Все молча слушали. Окружающие привыкли к этим припадкам истерии и знали, что лучше всего на них не реагировать...

Фельдмаршал Кейтель предложил снять все войска западного фроита и перебросить иа север, восток, юг для защиты столицы. Он напомнил, что 12-я армия геиерала Венка уже движется к Берлину, но скрыл, что в этой армии остался только один корпус.

С появлением Геббельса настроение меняется. Этот красиобай произносит «зажигательиую» речь о том, что западные державы готовы... вступить в переговоры с гитлеровским правительством.

Эта новость посеяла некоторые иллюзии. Значит, нужно продержаться несколько дней, ие пустить Советскую Армию к цеитру Берлина, а если возможно, потеснить ее за пределы города, подальше к Одеру...

Кейтель, Йодль, Кребс, привыкшие к прожектам Геббельса, согласно кивают головой.

Гитлер приказывает все войска западного фроита оттяиуть иа защиту столицы.

— Это нужио сделать,— добавил Геббельс.

Вновь возник вопрос о переезде в так иазываемую Альпийскую крепость...

Мысль о создании этой крепости родилась еще в 1943 году, после поражения под Сталинградом.

---

[1] См. *Г. Розанов.* Крушение фашистской Германии, стр. 114—115.

Осенью 1944 года в Тюрингии начала строиться огромная база — последний бункер главарей рейха. Для строительства туда сгоняли узников Бухенвальда, Дахау, Заксенхаузена, Освенцима.

Строительство велось быстрыми темпами. Штольни облицовывались бетоном. От них отходили боковые отсеки, где оборудовались столовые, комнаты для развлечений и отдыха. Стены обшивались досками и белым пластиком. В горах строили водопровод, электростанцию, хлебозавод, фабрику копченых колбас; создавался склад для пищевых продуктов. Сюда начали прибывать вагоны, груженные дорогой мебелью, посудой. Оборудовалась мощная радиостанция.

Уже слышались выстрелы приближавшихся войск, а строительство все еще продолжалось. Вокруг лагеря сооружался массивный металлический забор, по которому проходил ток высокого напряжения.

Именно туда, в спасательные уголки Альп, торопились создатели и строители «оружия возмездия особого назначения» — ФАУ-I и ФАУ-II: доктор Вернер фон Браун, генерал-лейтенант Дорнбергер и специалисты-ракетчики. Они эвакуировали все «ракетное хозяйство» с острова Уздом.

Их поезд мчится на юг, к границам Швейцарии, Австрии и Германии. Там, на высокогорном курорте Хинделанг, они останавливаются в ожидании прихода американских войск.

К отелю «Ингебург» подкатил американский джип, в котором находились профессор из Вашингтона Гентц Энтони Брифс и два офицера американской армии.

Ракетчики вышли им навстречу. Профессора Брифса интересовал лишь один вопрос:

— Есть ли среди вас доктор Браун?

— Да, есть!

Американцы тут же... увезли Вернера фон Брауна в США.

Он и до сих пор там работает, обновляя, конструируя и совершенствуя ракеты «последнего типа»...

...Весь день 22 апреля Геринг разрабатывал меры по захвату власти. Не дремал и Гиммлер. Он тоже пытался выйти из гитлеровской игры и возглавить империю. Он, как и многие вожаки третьего рейха, пред-

полагал, что стоит только заикнуться, как союзники — США и Англия — пойдут ему навстречу.

Попытки найти связь с Эйзенхауэром, Монтгомери, де Голлем не удались. Но Гиммлер на этом не успокоился. Он несколько раз посылал своего начальника штаба Карла Вольфа в Рим для переговоров с различными подставными лицами.

Он проявлял большую активность, желая найти контакты с представителями ОСС — Управления стратегических служб американской разведки (предшественница Центрального разведывательного управления). После долгих и осторожных поисков, в которых участвовали и священнослужители, удалось найти лазейку, которая привела к самому шефу ОСС — Аллану Даллесу.

На границе Швейцарии и Италии, на озере Маджоре, в неприметной двухэтажной вилле, с трех сторон закрытой густой зеленью, встретились генерал Вольф и Аллан Даллес.

Сначала шеф американского ОСС держался в тени, дав инициативу переговоров своим сотрудникам, а после того, как они «прощупали» Вольфа, Даллес начал задавать свои вопросы — осторожные, но важные. Речь шла о возможных формах капитуляции германских войск, находившихся в северной Италии.

Все это делалось за спиной Советского Союза. Именно тогда антисоветские круги США и Англии попытались пойти на сговор с германскими генералами, чтобы убедить их в том, что англо-американские войска должны захватить как можно бóльшую часть Германии.

Вмешательство СССР сорвало эти замыслы. В самый разгар сговора Даллесу, как снег на голову, пришла из Вашингтона телеграмма с пометкой «срочно, совершенно секретно». Из-за «осложнений, возникших с русскими», в телеграмме предписывалось немедленно прекратить все контакты с германскими эмиссарами. В конце значилось: «Дело следует считать закрытым». И хотя все было «на мази», Аллану Даллесу пришлось дать «задний ход».

Между тем, не зная о новой директиве, Вольф добился у главнокомандующего немецкими войсками в северной Италии генерал-полковника Витенгофа со-

гласия на капитуляцию армии. Уполномоченные для ведения переговоров и подписания капитуляции вместе с Вольфом ехали в Швейцарию, в Люцерн, к Аллану Даллесу, чтобы договориться о деталях поездки в штаб союзников.

Даллес их не принял.

Вольф вернулся в Рим и имел... даже тайную аудиенцию у папы Пия XII. Эта комическая встреча тоже не принесла результатов. Посланец Гиммлера сказал духовному вождю: «Вы, великий владыка, видите, как проливается кровь европейской людской силы. Конфликт цивилизованных наций с Востоком, с коммунизмом неизбежен». Папа выслушал Вольфа, осенил его крестным знаменем и молча ушел в свои покои...

И вот теперь Гиммлер делает последнюю попытку договориться, на сей раз без ведома и согласия «фюрера». Он знает, что это будет расценено как предательство, и все же решился на этот шаг. Он и Шелленберг летят в Любек.

23 АПРЕЛЯ

Корпус Переверткина сворачивает к рейхстагу.— Советские танкисты на окраинах Берлина.— Первые встречи с жителями Берлина.— Чубук рассказывает.— «Я ненавижу Гитлера».— У врага в подземелье

Как бы ни было коварно и жестоко сражение, как бы оно ни пылало в огне трассирующих пуль, минометов, гаубиц и ракетных снарядов, ночь, спускаясь на землю, глушит его, охлаждает.

Сколько раз я наблюдал, что с наступлением темноты реже слышались перестрелка, свист снарядов, летящих где-то над головой. Бой по приказу ночи утихает.

Поднималось новое утро войны. По неписаным ее законам в этот час просыпался и огонь. Был ли то огонь ураганный, либо беглый, была ли то редкая или, как говорили солдаты, «ленивая» перестрелка,— все равно: с рассветом начинался бой.

Мы снова заехали к генералу Переверткину, с которым наладили хорошие, деловые отношения. Он нам доверял, и этим многое определялось.

Семен Никифорович как никто умел приоткрывать перед нами завесу секретного, но только в той мере, которая могла быть полезна для нашей работы. Не больше. Мы старались укрепить эту веру генерала в нас и всегда делали вид, что не интересуемся его телефонными разговорами, а он делал вид, что не видит, как мы то и дело беремся за карандаш. Вот и сейчас, когда мы вошли, он, улыбаясь, сказал:

— Вовремя пришли.

— Что случилось?

— Очень важное. Только что звонил начальник штаба армии генерал М. Букштынович и сказал, что мне приказано перегруппировать корпус и продолжать наступление, теперь уже с задачей овладеть районом Сименсштадт и выйти на реку Шпрее... Понятно?

— Не очень.

— Мы пойдем не мимо Берлина, а будем брать его, так сказать, за глотку... Сейчас я еду к Шатилову. Поехали...

Генерал быстро надел плащ, и через несколько минут мы осторожно пробирались по разбитым пригородам, мимо горящих домов и машин.

Но Шатилова не так легко было найти. Он менял свой наблюдательный пункт так же часто, как часто менялась ситуация городского боя. Нашли его в подвале одного разбитого дома. Он сидел на перевернутом ящике и говорил по телефону. Лицо его вытянулось, глаза покраснели: сказывались бессонные ночи.

Закончив телефонный разговор, он подошел к генералу Переверткину и доложил обстановку. Генерал его обрадовал:

— Задача меняется...

— Как?

— А вот как,— Переверткин вынул карту, на которой были уже прочерчены пути всех трех дивизий корпуса.— Вы пойдете южнее, в районе Плетцензее... Вот сюда: южная оконечность пригорода Рейникендорф, рубеж восточного колена канала Берлин — Шпандауэр — Шиффартс... Левее вас пойдет 171-я дивизия Негоды.

Шатилов воспринял это известие с нескрываемой радостью и тут же начал отдавать приказания командирам двух своих полков — Зинченко и Плеходанову, пообещав им артиллерийское усиление...

Дела явно шли на лад. В штабе армии генерал М. Букштынович рассказал нам о событиях дня. Он говорил спокойно, поглядывая на карту.

— О действиях нашей армии вам известно,— сказал он и поглядел на нас поверх очков...— Из остального следует отметить стремительный марш наших соседей-берзаринцев. На соседнем фронте армия Рыбалко готовится к форсированию Тельтов-канала.

— А широкий он?

Генерал посмотрел на карту.

— Метров сорок... У противника сильные укрепления. На помощь Рыбалко подошел корпус генерала Батицкого... Там предстоят горячие бои.

— А где армия Лелюшенко?

— Его танкисты успешно продвигаются на северо-запад. Между ними и передовыми частями армии Перховича осталось 25 километров.

— Выходит, что Берлин скоро будет в кольце.

— Очень скоро,— сказал генерал.

Мы попрощались. Хотелось пройти по городу, увидеть его жителей, поговорить с ними, узнать, кто же вывешивает спасительные белые простыни, а кто стреляет с чердаков...

Но на улицах — ни души. Вдруг в подворотне большого дома показались женщины. Пожилые немки. Некоторые смотрели на нас испуганно.

— Что вы здесь делаете?

— Дышим,— отвечают они,— дышим воздухом...

Есть два Берлина. Мы это увидели теперь своими глазами. Один — нанесенный на карту, с которой мы каждое утро знакомимся в оперативном отделе штаба,— вот этот, в котором мы деремся сейчас, разбитый американскими бомбами и русскими снарядами. Другой — подземный Берлин, в котором многие месяцы жили, спасаясь от бомбардировок, обитатели столицы. Мы побывали и в этом Берлине.

Подвалы и бункеры. Подземелья. Пещеры. Темно, сыро, душно, тесно... Как сельди в бочке,— люди. Они сидят, скорчившись, поджав ноги, прикорнув на табуретке, прижавшись друг к другу. Молодые женщины, дети, грудные младенцы и престарелые люди, которые все еще хотят жить.

— Это нам дал Гитлер,— усмехнувшись, сказал Вилли Вестфаль, ресторатор.— Он обещал нам весь мир, а дал эту пещеру...

В этих подземельях и жил обыватель Берлина в долгие часы частых бомбардировок. Постепенно с верхних этажей перекочевывали сюда подушки, матрацы, детские кроватки, примусы, сковородки, кастрюли. Вместо постели с пуховиками — теперь узкие нары, вместо деревянных полов — сырой цемент, вместо электричества — коптилки.

Несколько месяцев назад асы английской авиации разбомбили водокачку и электростанцию. Исчез свет, нет газа, нет воды, нет отопления.

Немцы теперь поняли, что такое война. Она пришла на их землю, в их столицу. Война разворотила их

быт, их квартиры, обжитые отцами и дедами, целыми поколениями приобретателей и стяжателей.

Ограбив всю Европу, Гитлер подкармливал своих верноподданных. Они жили в чаду и дурмане побед. Они называли себя нацией солдат. Почти в каждой квартире на почетном месте две большие фотографии. На одной — глава фамилии с будущей женой в подвенечном платье, на другой — он же в солдатском мундире — кайзеровском, рейхсверовском или эсэсовском. В золоченых рамках висят снимки парадов, смотров, учений. В них обязательно присутствует член семьи, господин ефрейтор, а то и офицер.

И вспомнился рассказ Максима Чубука.

— ...Мне повезло,— сказал он,— наш полк шел как раз по направлению Фогельзанга — родины коменданта Малиновой Слободы — лейтенанта, который — помните, я вам рассказывал — издевался над нами. Ну, я подумал: доберусь я до тебя!

И действительно, вышло так, что не только полк, но батальон, в котором служил Максим Чубук, атаковал небольшой городок Фогельзанг. Когда огонь притих, Максим обратился к командиру батальона:

— Товарищ капитан, разрешите мне и моему другу Андрею Коже пройти по местечку... Нужно найти улицу Весселя, где живет лейтенант — комендант.

— Тот самый? — понимающе спросил комбат.— А где же ты его найдешь? Ты и фамилии не помнишь.— Подумав, офицер добавил: — Ну, иди, только не дури, знаешь приказ...

Максим и Андрей с трудом нашли нужную улицу. Освещая фонариком, высматривали двенадцатый номер. Адрес этот они знали еще в Малиновой Слободе. Слышалась беспорядочная стрельба, доносился крик, где-то звенели разбитые окна.

— Вот,— сказал Андрей Кожа, остановившись около дома со стеклянной верандой.

Наружная дверь, выходящая на улицу, была раскрыта. Стекла веранды разбиты, а ставни наглухо заколочены. Казалось, что в доме давно уже никто не живет.

Андрей подошел к внутренней двери и несколько раз ударил прикладом автомата. Глухой звук разнесся по веранде... Но в доме никто не отвечал.

Тогда Максим крикнул.

— Кто там? Откройте!..

И снова никто не ответил.

Андрей Кожа подошел к заколоченной ставне, приложил ухо к окну и прислушался.

— Кто-то разговаривает,— сказал он тихим голосом.

Друзья стояли в раздумье. Затем Андрей повторил:

— Откройте!

Из дома никто не ответил.

— Ломай! — крикнул Максим.

В помещение, освещенное коптилкой, первым вбежал Максим. Он увидел посреди комнаты двух женщин, стоящих на коленях с поднятыми руками. К одной из них, сравнительно молодой, прильнул мальчик.

— Майн гот... Майн гот...— бормотали немки.

Максим опешил. Затем крикнул:

— Вставайте!

— Майн гот... Майн гот...— шептали немки и продолжали стоять на коленях. Мальчик заплакал.

Максим, указав на молодую женщину, спросил:

— Жена Вальтера?

Она кивнула головой. В глазах застыл страх и изумление.

Максим спокойно вынул из кармана серенькую книжку «Русско-немецкого разговорника», долго его перелистывал, а затем спросил:

— Во ист лейтенант Вальтер?

— Вальтер? — почти в один голос спросили женщины.

— Да, да... Вальтер,— подтвердил Чубук.

— Вальтер капут... Варшава... капут...

— Жалко! — сказал Кожа.— Мы бы ему дали чертей...

Чубук еще раз посмотрел на женщин, резко повернулся и сказал:

— Идем, Андрей.

Я вспомнил рассказ Чубука, когда мы находились в берлинских пещерах. Фашизм воспитал этих лейтенантов. Теперь война жжет их землю, их города и дачи, их квартиры. Плачут их матери и жены. Теперь они не хотят войны. Они вывесили детские пеленки, белые простыни и скатерти: сдаемся!

Война проиграна, гитлеровская армия разгромлена, советские войска в Берлине.

Мы беседовали со многими жителями. Чего они хотят? Жить, жить, просто жить. Только бы скорее конец ужасу.

Медленно, но уже начинает рассеиваться гитлеровский дурман. Горечь разочарования, позор поражения, ненависть к зло обманувшему народ Гитлеру и страх за свою жизнь, за свое будущее — вот что испытывал в те дни «средний немец».

Но и среди них нет единства. Одни еще сопротивляются, другие сдаются в плен, одни поднимают белые флаги, другие переодеваются в штатское платье и стреляют в нас из-за угла.

Только что на одной улице выстрелом в спину убит наш майор. Кто стрелял? Немец. Фашист. Но вот подходит к нам старик и поднимает над головой сжатый кулак: «Рот фронт». Его зовут Карл Вентцель, и он только что освободился из тюрьмы, где сидел за попытку «ниспровергнуть нацистский строй». Он показывает нам документы. Он немец.

Подходит шестнадцатилетний парень Гарри Хикс.

— Я ненавижу Гитлера,— говорит он. Этот мальчик тоже немец. А другие мальчишки по подпольному телефону сообщают гитлеровским офицерам данные о наших КП. Все перемешалось сейчас в немецком народе, в сознании и в душе каждого немца: он потрясен, раздавлен, перепуган, взбудоражен.

Одна женщина сказала нам:

— Немец любит приказы.

Наши приказы и листовки дошли до сознания испуганных горожан. Берлинские немцы знают теперь, что их никто не тронет.

* *
*

— Нужно спасать Германию,— изрек Герман Геринг и поторопил генерала Коллера с самолетом на Париж. Радиограмма Гитлеру ушла, и Геринг ждал ответа. Долгое молчание его беспокоило.

...А в этот момент в бункере все еще заседали. Гитлер собрал Бормана, Геббельса, переселившегося в бункер Аксмана. Тут же военные: Кребс, Фегелейн, Бургдорф, Фосс, офицеры.

Канцлер слушал доклад Кребса. А тот сообщал, что армия Венка пытается прорваться к Потсдаму. Она помогла некоторым малочисленным отрядам выбраться из окружения. Штейнер успеха не имеет.

Именно в этот момент Борман, который выходил из комнаты совещания, а теперь вернулся, передал Гитлеру радиограмму и голосом, полным иронии, сказал: «От преданного вам Геринга».

Гитлер долго, словно бы по слогам, читал послание и неожиданно для всех перечитал вслух: «Чтобы я немедленно взял на себя в качестве вашего преемника... общее руководство рейхом с полной свободой...» «Фюрер» положил радиограмму на стол и оглядел всех. Но тут словно что-то взорвалось. Все начали наперебой кричать: «Позор, предательство!», «Где же честь?», «Это кощунство», «Он потерял разум, он лжет о своей верности...», «Фюрер, обратите внимание на ультимативный тон».

По мере того как верноподданные изливали свои чувства, глаза Гитлера наливались кровью, и он наконец, явно сдерживая себя, приказал Фегелейну немедленно арестовать Геринга и истерически стал кричать: «В тюрьму его! В тюрьму, в тюрьму!..»

Несколько успокоившись, он велел распустить частную армию Геринга в Карин-Холле, сжечь его архивы, а также срочно вызвать в бункер генерала Риттера фон Грейма.

Все молча соглашались.

В этот же день произошло еще одно событие.

Командующий 9-й германской армией генерал Буссе приказал генералу Вейдлингу — командиру 56-го танкового корпуса занять определенные позиции, чтобы обеспечить северный фланг армии.

Однако этот приказ вызвал тревогу в штабе управления оборонительного района Берлина. Там испугались, что переход корпуса на новые позиции осложнит оборону Берлина. Какие после этого пошли доклады, телефонные донесения, рапорты, неизвестно, однако во второй половине дня генерал Вейдлинг узнал, что Гитлер отдал приказ расстрелять его за якобы самовольный перенос командного пункта корпуса в Дебериц.

Но Вейдлинг не успел никуда перенести свой КП, и все время сам находился в двух километрах от пере-

довой позиции. Вейдлинг помчался в имперскую канцелярию и там после беседы с Кребсом и Бургдорфом выяснилось, что «очевидно, произошло какое-то недоразумение». Но тут же генералу было внушено, что он не должен выполнять приказа своего командующего армией, а обязан отдать все силы на оборону Берлина...

Вейдлинга пригласили к Гитлеру.

По подземным переходам после бесконечных проверок документов, после того как у генерала были отобраны пистолет и портупея, он наконец попал в приемную Гитлера.

Позже в своих записках о последних днях третьей империи он писал:

«Кребс и Бургдорф немедленно ввели меня в комнату фюрера. За столом с картами сидел фюрер Германии. При моем появлении он повернул голову. Я увидел распухшее лицо с глазами лихорадочного больного. Фюрер попытался встать. При этом я, к своему ужасу, заметил, что его рука и одна нога непрестанно дрожали. С большим трудом ему удалось подняться. С искаженной улыбкой он подал мне руку и едва слышным голосом спросил, встречал ли он меня прежде. Когда я ответил, что год тому назад, 13 апреля 1944 года, в Оберзальцберге я принял из его рук «Дубовый лист к рыцарскому кресту», он сказал: «Я запоминаю имена, но лиц уже не могу запомнить». Вслед за этим фюрер с усилием снова уселся в свое кресло. Даже когда он сидел, его левая нога была в непрестанном движении, колено двигалось, как часовой маятник, только намного быстрее...

После моего доклада генерал Кребс посоветовал фюреру ни в коем случае не допускать движения на юго-восток, так как это откроет брешь на востоке Берлина, через которую сумеют пройти русские. Фюрер одобрительно кивал головой, а потом начал говорить. В длинных предложениях он изложил оперативный план выручки Берлина. При этом он все более уклонялся от темы и перешел на оценку боеспособности отдельных дивизий»... [1]

Общие черты плана намечали соединение армии Венка, которая должна была двинуться с юго-запада,

[1] «Совершенно секретно». М., 1967, стр. 604.

от Потсдама, навстречу 9-й армии Буссе. Их соединение южнее Берлина, по замыслу авторов плана, могло уничтожить правый фланг 1-го Украинского фронта, вклинившего уже свои танки в южные окраины столицы.

Одновременно план предусматривал движение «группы Штейнера» из Фюрстенберга, а 7-й танковой дивизии из Науэна, чтобы сковать войска 1-го Белорусского фронта, действовавшие севернее Берлина.

Гитлер рисовал планы, абсолютно не зная реальной обстановки на фронтах, которые проходили по улицам Берлина.

«Все с большим и большим изумлением слушал я разглагольствования фюрера,— продолжал Вейдлинг.— Что мог знать я об обстановке в целом. Я, с моим узким кругозором командира корпуса, который с 15 апреля вел тяжелые бои и в последние дни был предоставлен самому себе! Только одно было ясно: до окончательного поражения остались считанные дни, если не произойдет какого-нибудь чуда. Свершится ли это чудо в последнюю минуту?..

Прежде чем я пришел в себя, генерал Кребс отдал мне приказ принять оборону восточного и юго-восточного сектора Берлина... Меня отпустили. Снова фюрер попытался встать, но не смог. Сидя, подал он мне руку. Я покинул комнату, глубоко потрясенный тяжелым физическим состоянием фюрера. Я был как в тумане! Что здесь затевалось? Есть ли еще верховное командование вооруженных сил или главное командование сухопутных войск? Вопрос возникал за вопросом, но я не находил на них ответа» [1].

...Поздним вечером в городе Любеке в небольшом помещении общества Красного Креста на Эшенбургштрассе вели беседу граф Бернадотт, Гиммлер и Шелленберг.

Это была последняя попытка наладить контакты с руководителями англо-американского командования. Как известно, Бернадотт уже не раз встречался с Гиммлером и Шелленбергом, и в каждой последующей беседе он становился менее сговорчивым. Объяснялось это крупными победами Советской Армии, которые

[1] «Совершенно секретно», стр. 605.

резко меняли политическую и международную обстановку. Бернадотт это понимал, но главари рейха, все еще жившие в атмосфере иллюзий, лелеяли несбыточные мечты.

Гиммлер недвусмысленно заявил шведскому графу, что необходимо сохранить оставшуюся часть Германии от большевистского вторжения. Для этого, по его мнению, необходимо прекратить военные действия на западе, перебросить войска на восток и разбить Советскую Армию.

Так, не сговариваясь, Геринг в Берхтесгадене, Гитлер и его приближенные в бункере имперской канцелярии и Гиммлер в Любеке пришли к единой позиции — капитуляции перед англо-американскими войсками, причем каждый из инициаторов этой акции пытался обогнать своего соперника, а потому совершал ее в тайне.

Гиммлер ждал ответа.

Шведский дипломат поставил это в зависимость от капитуляции германских войск не только в Германии, но и в Дании и Норвегии.

Гиммлер согласился. Он был почти убежден в успехе переговоров шведских дипломатов и готовился к встрече с Эйзенхауэром. Его, как и прочих руководителей рейха, всегда волновала внешняя сторона всякого дела — от парадов на Нюрнбергском стадионе до костюма, в котором они должны предстать перед народом, до позы.

Вот и сейчас его заботил вопрос: в каком мундире явиться к Эйзенхауэру, во всех ли регалиях; как приветствовать — вытянутой рукой, как это принято у фашистов, или обычным рукопожатием.

Откуда же у Гиммлера была такая уверенность в успехе переговоров Бернадотта?

Он уже знал о телеграмме Черчилля командующему английскими войсками в Западной Европе.

Впоследствии Черчилль признался:

«...Еще до того, как кончилась война, и в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая тщательно собирать и складывать германское оружие, чтобы его легко можно было снова раздать германским солда-

там, с которыми нам пришлось бы сотрудничать...» [1].

Аудиенция у шведского посредника была закончена. Граф распрощался и вышел из комнаты. В целях конспирации его никто не провожал, и он сразу же направился в аэропорт. Гиммлер и Шелленберг оставались еще в темной комнате, освещенной огарком свечи, и толковали о дальнейших возможных действиях. Они решили «прощупать» де Голля — главу временного правительства Франции.

Гиммлер приготовил послание генералу де Голлю, которое после войны было опубликовано. Вот оно:

«Готов признать: вы победили! Но что вы станете делать теперь? Собираетесь положиться на англосаксов? Они будут обращаться с вами как с сателлитом и растопчут ваше достоинство. Или, может быть, вы вступите в союз с Советами? Они установят во Франции свои законы, вас же ликвидируют... В самом деле, единственный путь, который может привести ваш народ к величию и независимости,— это путь договоренности с побежденной Германией. Заявите об этом немедленно! Вам необходимо безотлагательно вступить в контакт с теми деятелями рейха, которые еще располагают реальной властью и готовы направить свою страну по новому пути. Они готовы к этому. Они просят вас об этом...» [2]

...Когда Гиммлер и Шелленберг обсуждали это послание, где-то рядом на улице разорвалась фугасная бомба, а затем послышались выстрелы зенитных орудий. Вскоре раздался второй взрыв, третий. Это была реальность...

---

[1] *В. Г. Трухановский.* Уинстон Черчилль. М., 1968, стр. 373.

[2] *Г. Розанов.* Крушение фашистской Германии, стр. 157.

24 АПРЕЛЯ

Бои в Трептов-парке.— Героическая смерть комбата Оберемченко.— Войска Перхоровича подошли к Потсдаму.— Танкисты 1-го Украинского фронта начали форсировать Тельтов-канал.— Встреча с генералами Берзариным и Рослым.— У врага в подземелье

Берлин в пламени. Тяжелый багровый дым закрыл его. Ночью наши самолеты бомбили скопища войск на площадях. Сейчас война полностью вошла на улицы города. Война стала городской, квартальной, уличной. Огню тесно, он стал прицельным, но малогабаритным: иной раз танку негде развернуться, пушку негде поставить. Изменился «пейзаж», на фоне которого происходят бои: высокие кирпичные дома, металлические столбы электропередач, афишные тумбы, рекламные щиты баварского пива и парижского крема, крикливые лозунги Геббельса, среди которых чаще всего встречались утверждающие: «Берлин останется нашим».

На одной из тумб эти слова были зачеркнуты мелом, а над ними: «Я в Берлине. Сидоров».

Бои на улицах. Яростные, упорные. По-прежнему огрызались вражеские пушки, установленные на вторых и третьих этажах, бешено лаяли пулеметы, с чердаков били автоматы.

В расположении корпуса генерала Переверткина наступила кратковременная пауза. Конечно, это слово не полностью отражает картину, точнее было бы сказать, что бои носили «умеренный характер». Это не помешало, однако, дивизии В. Асафова захватить мост через канал Шпандауэр-Шиффартс. Бойцы кричали: «Даешь Шиффар!..» — и бросались в воду. Ночью солдаты из полков Чекулаева и Кавязина, используя любые подручные средства, переплывали канал и под огнем строили паромы и наводили понтонные мосты. Раненые продолжали работать, оставляя на досках парома кровь.

Первые батальоны двинулись по мосту на южный берег канала навстречу огненной метели к сильно укрепленным позициям. На другом участке были взяты Розенталь и Недер.

...Река Шпрее причудливо виляет между улицами, парками, каналами. И всюду, на разной отдаленности от центра, она — последняя водная преграда: десятки мостов через реку взорваны, а каменные бетонированные высокие берега усложняют ее форсирование.

Войска, действовавшие южнее Берлина, уже перешагнули реку, а ночью в районе Трептов-парка ее форсировали воины армии Берзарина. Раньше других это сделал корпус генерала И. Рослого, в котором отличился 1050-й полк И. Гумерова. Мы помчались туда.

...Командир батальона Герой Советского Союза капитан Н. Оберемченко не спал. Он думал о предстоящем бое. Капитану точно были известны силы противника, число пушек и пулеметов, линии траншей, изрезавших вековой парк Трептов. Людей своего батальона он знал хорошо. Оберемченко прошел с ними через русские, белорусские и литовские села и деревни, с ними форсировал много рек, штурмовал города и поселки. И теперь перед ним лежала серая лента Шпрее — последнее препятствие на пути к центру Берлина — к рейхстагу, Тиргартену, Бранденбургским воротам и имперской канцелярии.

Атаку капитан представлял себе реально и был уверен в ее успехе, ибо знал, что солдаты пойдут по его зову в самый жаркий бой. Ночью он пошел в траншеи, чтобы поговорить с бойцами и проверить готовность к бою.

Настали минуты, когда взлетели ракеты и на всех артиллерийских позициях — в лесочках, в садах, в ложбинах, где под сетками стояли пушки — прозвучало короткое грозное слово «огонь». Среди них была гаубица лейтенанта Е. Какашвили. В ноябре 1941 года она участвовала в параде войск на Красной площади и оттуда двинулась прямо на фронт.

Команда неслась по телефонным проводам ко всем батареям, и оттого огонь крепчал, как крепчает ветер на море в штормовую погоду. Все слилось в общий гул, сотрясавший землю.

Батальон Оберемченко стремительно бросился в атаку. Первым переправил свою роту на западный берег старший лейтенант Зотов. Это позволило и остальным ротам перешагнуть через Шпрее. Батальон в парке вступил в жаркую схватку. Противник перешел в контратаку. Силы были неравны. Гитлеровцы атаковали двумя батальонами при поддержке самоходных орудий и бронетранспортеров. Оберемченко увидел, что солдаты приникли к земле, не шевелились. И тогда он встал во весь рост и пошел вперед: «За мной, ребята!» Он бежал, не оглядываясь, и все время кричал: «Вперед, вперед!» Через минуту он услышал топот бегущих солдат и рвущееся «урр... ра... а».

Именно в этот миг вражеская пуля сразила комбата. Он упал, а рота за ротой вступали в бой...

К вечеру плацдарм в Трептов-парке остался за нами. Все попытки отбросить полк Гумерова к исходным позициям, на восточный берег реки, потерпели крах.

Здесь мы узнали, что войска корпуса Фирсова овладели крупным оборонительным узлом — Силезским вокзалом.

Накануне произошел эпизод, о котором хочется упомянуть.

На командный пункт дивизии неожиданно прибыли заместитель командующего фронтом генерал В. Соколовский, командарм Н. Берзарин и член Военного совета армии Ф. Боков. Берзарин обратился к комдиву — полковнику С. Фомиченко с вопросом:

— Ну, как, генерал, будете брать Силезский вокзал?

Фомиченко удивился, что его, полковника, назвали генералом, но быстро отрапортовал планы штурма огромного вокзала, состоящего из множества зданий, депо, складов, пакгаузов, подземных ходов и наземных переходов.

Выслушав доклад комдива, Берзарин подал Фомиченко генеральские погоны и фуражку и поздравил с присвоением высокого звания.

— Имейте в виду, Савва Михайлович, мы на финише. Через сколько смертей прошли наши люди. Берегите их. Не жалейте ни снарядов, ни мин. Подавили огонь — вперед!

...Мы приехали в расположение полка в момент,

когда хоронили Оберемченко. У свежей могилы стояли солдаты и офицеры. Многие плакали. Кто-то произносил надгробные слова, и слезы катились по его лицу.

Поздно вечером мы узнали, что армия генерала Перхоровича продолжала успешно обходить Берлин с запада и двигалась в район Потсдама, окруженного многими озерами и каналами. Все они входили в систему обороны Берлина, подготовленную генералом Рейманом. Атака Потсдама была поручена уральской дивизии под командованием генерала З. Выдригана. Она находилась уже в 10 километрах от войск 1-го Украинского фронта.

На соседнем фронте события развивались бурно и на нескольких направлениях. Тревогу вызывала и армия генерала Венка, которая настойчиво пыталась двигаться на восток, и армия генерала Буссе, мечтавшая вырваться из замыкавшегося кольца и соединиться с Венком. Им казалось, что это спасет Берлин, разрядит обстановку, создаст перелом. Насколько это было важно, можно судить хотя бы по тому, что сам Кейтель руководил «соединительной операцией».

Днем их дивизия «Теодор Кернер» предприняла несколько атак, пытаясь вклиниться в расположение войск генерала Д. Лелюшенко. Но корпус генерала И. Ермакова успешно отбил все атаки и отбросил немецкую дивизию на исходные позиции.

В то же время танковая армия генерала П. Рыбалко сегодня должна была начать форсирование Тельтов-канала. Подготовка к этой операции прошла хорошо. На южном его берегу было сосредоточено много войск, танков и 650 орудий на километр. Рано утром все они заговорили во весь голос, и под их прикрытием началась операция. Но в районе Ланквица контратака гитлеровцев была стремительна и не только остановила продвижение наших войск, но и вынудила их с потерями уйти назад, на южный берег. Зато на другом участке канала гвардейцы мотострелковой бригады на лодках, прячась за быки разрушенного моста, форсировали канал, захватили плацдарм и отбили попытки врага восстановить свои позиции.

Маршал И. Конев наблюдал за боями с крыши высокого дома. Живая карта лежала перед ним. Впоследствии он писал в своей книге «Сорок пятый»:

«С высоты восьмого этажа открылась панорама Берлина, в особенности ее южной и юго-западной части. Левый фланг был виден так далеко, что даже чуть-чуть просматривался вдали Потсдам. В поле обозрения входил и правый фланг, где предстояло на окраине Берлина соединиться войскам 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов...

На моих глазах происходило форсирование Тельтов-канала... В общем-то оно шло успешно» [1].

Маршал видел, как инженерные части наводили понтонные мосты, как по ним под огнем двигались передовые отряды, а затем пошли и танки. Это убедило его в том, что задача будет решена. И действительно, после многочасового жаркого боя, во время которого нужно было отстаивать каждый дом и каждый его этаж, танкисты Рыбалко углубились более чем на 2 километра, и это обеспечило надежность захваченного плацдарма. Отличилась танковая бригада Д. Драгунского, получившего за берлинскую операцию вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Вечером стало известно, что войска Д. Лелюшенко вышли к реке Хавель и захватили юго-восточную часть Потсдама, а затем одной бригадой ворвались в центральную часть города. На юге армия А. Жадова, передовым корпусом генерала Г. Бакланова, уже стояла на Эльбе, а гвардейцы — кавалеристы генерала Баранова форсировали реку и обошли с северо-запада город Мейсен. Предстояла встреча советских и американских войск в районе Торгау.

Наступали решающие дни. Большая победа складывалась из побед на Шпрее, у Трептов-парка, на Тельтов-канале, у Потсдама, в Босдорфе, где войска Рыбалко соединились с войсками Чуйкова и танками Катукова и изолировали группировку генерала Буссе от берлинской группировки и от армии Венка.

Вечером мы решили зайти к командующему 5-й ударной армией генералу Н. Берзарину. Военные корреспонденты хорошо знали этого обаятельного человека, талантливого полководца еще по Ясско-Кишиневской и Висло-Одерской операциям. Теперь же, когда его армия успешно продвигалась к центру Берлина

---

[1] *И. С. Конев.* Сорок пятый. М., 1969, стр. 171—172.

и в полосе ее действий лежали Александерплац, дворец Вильгельма и имперская канцелярия, когда она перешагнула через Шпрее, разговор с ним представлялся очень интересным.

Командарм только что вернулся в штаб, расположенный в полуразрушенном доме близ Карлсхорста, и сразу же принялся за дела. В ожидании приема мы видели, как ежеминутно входили и выходили из его комнаты озабоченные, торопливые офицеры. Здесь не было слышно стрельбы — то ли потому, что толстые стены дома гасили грохот переднего края, ушедшего за Трептов-парк, то ли потому, что наступила ночь и стрельба затихала.

Встретил нас плотный, с седыми висками генерал Берзарин улыбкой. Он тут же заявил, что с удовольствием прочел «Непокоренные» Горбатова.

На столе командарма лежала большая карта Берлина — коричневый чертеж города, на котором кварталы были обозначены цифрами, написанными карандашами разных цветов, и только он знал значение каждого цвета. И все же очень ясно на карте проходила жирная ломаная линия, отметившая сегодняшний успех армии, и в частности корпуса генерала И. Рослого.

Генерал Берзарин с воодушевлением рассказывает нам о действиях корпусов и дивизий армии. Он тепло говорит о командирах и солдатах, которые вместе с ним прошли длинный, тяжкий боевой путь.

Я слушаю его и вспоминаю нашу встречу с Рослым в 1942 году под Моздоком. Мы тогда вместе наблюдали за боем, происходившим в долине Терека. А вечером он устроил меня на ночлег в селе Верхние Ачалуки вместе с капитаном Бобровым — командиром батальона, который только что был выведен в резерв после кровопролитной схватки в Чеченской балке. Капитан оказался человеком уравновешенным и откровенным. Я заметил, что он необыкновенно спокойно относился ко всем событиям на фронте. Прикрыв один глаз и лукаво улыбаясь, он говорил: «Вот когда мы с вами встретимся в Берлине...» Откровенно говоря, мне его обещания казались слишком далекой перспективой, но я молчал. Как-то на рассвете я проснулся от какого-то шороха. В комнате было еще тем-

но, но капитан уже не спал. С коптилкой в руках он стоял на коленях и что-то рассматривал. На полу лежала карта, не похожая на наши полевые. Это был простейший план Берлина.

В 1942 году Бобров изучал главные улицы и площади германской столицы. Меня тогда поразила уверенность, которая жила в нем в тяжелые дни боев на Тереке. Эта вера в нашу победу помогла тысячам таких, как он, дойти до Берлина... О них и говорит генерал Берзарин.

— Трептов-парк — это уже центр Берлина,— продолжает он.— Пройдет время, и мы поставим там памятник нашим героям. Не забудем и Оберемченко...

Берзарина срочно вызвали в штаб фронта, и мы распрощались.

Позже стало известно, что командование 1-го Белорусского фронта назначило Николая Эрастовича Берзарина комендантом и начальником гарнизона Берлина. Выбор был сделан не случайно: Берзарин был человеком исключительно душевным, в его глазах всегда теплилась улыбка, он умел сочетать в себе организованность и дисциплину с удивительной отзывчивостью.

Один из офицеров штаба рассказал, как Николай Эрастович, увидев в подъезде одного из разрушенных домов беременную женщину, подошел к ней и спросил: «Что вы так бледны?», а она ответила: «У меня, кажется, начинаются роды...» Генерал усадил ее в машину и отправил в ближайший госпиталь. На другой день, узнав, что немка родила, послал ей в госпиталь цветы...

Таким был командарм Берзарин — комендант чужого города, бывшей столицы фашистской Германии.

* * *

Гитлер и его окружение доживали последние дни в ожидании каких-то событий, которые, по их мнению, должны в корне изменить ход войны. Больше всего они уповали на возможные контакты с западными державами.

Генералы отлично понимали настроение «фюрера», а потому старались по-прежнему подробно доклады-

вать об успехах роты и скороговоркой об отступлении армии.

Но сегодня трудно было умолчать о разгроме войск и на севере, и на востоке, и на юге. Доносившаяся орудийная стрельба все время корректировала сообщения генералов и дорисовывала тревожную картину.

На очередном «обсуждении ситуации» присутствовали обычные представители «родов войск» и один из адъютантов Кребса ротмистр Герхардт Больдт.

В дневнике он записал:

«...Дверь слева открывается, и на пороге появляется Гитлер в сопровождении хромающего Геббельса и Бормана. Он пожимает руку Кребсу, здоровается с нами и проходит в комнату совещания. Он еще больше сгорбился и еще сильнее волочит ногу, чем раньше. Неестественный блеск глаз исчез, и это особенно заметно. У него обрюзгло лицо, и он действительно производит впечатление больного старика. Гитлер садится, Кребс становится по его левую руку, а Геббельс — напротив Гитлера. Этот маленький, тощий человек тоже как-то поник, он очень бледен, щеки ввалились. Он только изредка вставляет какой-нибудь вопрос, больше молчит, слушая доклад, не отрывает глаз от карты. Выражение его лица и глаз, всегда горевших фанатизмом, свидетельствует о внутренней мучительной тревоге. Как комиссар обороны Берлина, он вместе со своей семьей прикован к городу. Теперь он сам стал жертвой собственной пропаганды... Меня вызывают к телефону, и я принимаю телефонограмму. Когда я возвращаюсь, Гитлер все еще беседует с Кребсом. Геббельс, обойдя стол, тихо подходит ко мне и еле слышно спрашивает, что нового. Он, видимо, не ждет ничего хорошего. Я отвечаю ему тоже шепотом, что наступление русских южнее Штеттина грозит катастрофой для сражающихся там армий. Русским удалось ударом бронетанковых сил продвинуться на 50 километров на запад. Наша оборона очень слаба.

Кребс кончил свой доклад. Гитлер смотрит на меня снизу вверх, в его глазах вижу вопрос. Я колеблюсь, так как Кребс сам хотел представить рапорт, но он кивает мне, и мне приходится самому передать Гитлеру донесение. Но меня смущает то, что у него так сильно трясется голова. Мне приходится как следует взять

себя в руки, чтобы окончательно не потерять самообладание, когда он протягивает дрожащую руку к карте и начинает водить по ней пальцами. Я кончаю, он с минуту молчит, а потом с раздражением оборачивается к Кребсу. Он сильно наклонился вперед, пальцы впились в ручки деревянного кресла. Он говорит запинаясь, отрывисто: «Так как река Одер представляет собою большое естественное препятствие, то весь успех русских объясняется бездарностью германских полководцев на этом участке». Кребс пытается осторожно возразить... Но Гитлер сердитым движением руки отмахивается от этих возражений. «Атака в районе севернее Ораниенбурга должна быть начата не позднее завтрашнего дня. 3-я армия пойдет в атаку, собрав все наличные силы и оголив для этой цели те участки, где противник не атакует. К завтрашнему вечеру сообщение с Берлином с северной стороны должно быть восстановлено. Передайте это сейчас же». Он подчеркивает свои слова жестами, указывая на карту» [1].

Гитлер поинтересовался, где Геринг.

— Он в тюрьме,— ответил генерал Фегелейн.

...Оторванный от событий, происходивших в Берлине, Геринг мог только строить зыбкие гипотезы и на их основе мечтать о встрече с Эйзенхауэром.

Но мечты неожиданно были прерваны.

Ночью в его спальню ворвалась группа эсэсовцев и объявила ему об аресте. Был арестован и генерал Коллер, уже приготовивший рейхсмаршалу самолет на Париж...

В эти последние дни Гитлер все еще продолжал снимать командующих армиями, корпусами, командиров дивизий, продолжал назначать новых малоизвестных, но «вселяющих надежду» военачальников. Так было и с Вейдлингом.

Впервые имя Вейдлинга было услышано в боях под Москвой, когда его танковая часть была разбита и, поджав хвост, отступала.

Затем в июле 1943 года он появился в дни битвы на Курской дуге с «тиграми» и «фердинандами» и сам видел, как они горели подобно огромным кострам.

---

[1] См. «Правда», 31 декабря 1947 г.

Еще через год 9-я танковая армия Вейдлинга попала в бобруйский котел, затем весной сорок пятого его корпус прекратил существование в Восточной Пруссии и, наконец, вновь сформированный, потерпел поражение на Одере.

И если Гитлер выбрал Вейдлинга в качестве спасителя Берлина, то это не от хорошей жизни.

Всего мог ожидать этот немолодой генерал, уже не раз битый высшим начальством, только не того, о чем ему сообщил генерал Кребс.

— Вы произвели на фюрера благоприятное впечатление,— сказал Кребс,— и он назначает вас командующим обороной Берлина.

Вейдлинг ответил:

— Вы бы лучше приказали меня расстрелять, тогда меня миновала бы чаша сия.

Но ослушаться значило тут же быть расстрелянным. И генерал Вейдлинг, прежде чем дать согласие (которого, кстати, у него никто не спрашивал), обусловил свое назначение:

— Все приказы об обороне города впредь могут быть отданы только через меня, в противном случае я немедленно буду просить о моем освобождении.

В комнате совещаний тихо.

Дежурный офицер, которому нужно было готовить утреннюю сводку, досадовал, не имея никакой информации, кроме данных об отряде генерала Монке, расположенном на территории имперской канцелярии.

Офицер взял телефонную книгу Берлина и начал звонить знакомым.

— Скажите, сударыня, русские уже были у вас?

— Да,— робко отвечал женский голос.

— Давно ли и сколько человек вы видели?

В трубке слышалось дыхание, но женщина молчала.

— Это говорят из штаба обороны столицы.

— Полчаса назад здесь я видела двоих... Это танкисты с танков, которые стояли на перекрестке...

— А давно они прошли?

— Утром... Минут пятнадцать назад я видела из окна, как эти танки двинулись дальше.

— Спасибо!

Затем офицер звонил в другой район, в третий... Эти случайные разговоры были единственным источником, к тому же более правдивым, чем редкие официальные донесения войск или комендатур.

День заканчивался. В подземелье было по-прежнему тихо. Только в одной из комнат слышались голоса. Это спорили за бутылкой вина оруженосцы Гитлера. Собственно, спора никакого не было, а просто Бургдорф кричал на Бормана, а Кребс его успокаивал.

Раньше этого не могло быть. Никто не мог не только кричать, но и спорить с Мартином Борманом, тем более Бургдорф, хорошо знавший, как иной раз фюрер слепо слушался этого человека. А теперь Борман выслушивал генерала и только шумно возражал. Знамение времени!..

Впрочем, и то, что эти трое — «образцовые нацисты» много пили, высказывали вслух свои мысли, стало возможно тоже только в последние дни.

«Бургдорф кричал:

— Надо же хоть раз все высказать. Может быть, через двое суток будет уже слишком поздно. Наши молодые офицеры шли на фронт... Сотни, тысячи их умирали... Но ради чего? Ради любимого отечества, нашего величия, нашего будущего?.. Нет! За вас умирали они, за ваше благополучие, за вашу жажду власти... а вы, партийные руководители, вы наживались на народном добре. Вы весело жили, копили огромные богатства, хапали имения, воздвигали дворцы, утопали в изобилии, обманывали и угнетали народ... Человек был для вас только орудием вашего ненасытного честолюбия. Нашу многовековую культуру и германский народ вы уничтожили. И в этом ваша чудовищная вина...

Последние слова генерала прозвучали как проклятие. Наступила тишина. Слышно было, как тяжело он дышал. Затем размеренно и вкрадчиво заговорил Борман. Вот все, что он сказал:

— Зачем, же, милый, ты переходишь на личности? Если другие и обогатились, так ведь я-то здесь ни при чем. Клянусь тебе всем, что для меня свято... За твое здоровье, дорогой!

Всем, что для него свято... всем, что для него свято... Но ведь все же знали, что он приобрел большое

имение в Мекленбурге и еще одно в Верхней Баварии, что у озера Химзее он построил роскошную виллу...»[1]

Бургдорф разошелся и разоблачал и Геринга, и Геббельса, и новоиспеченного фюрерика Артура Аксмана.

Телефонный звонок оборвал Бургдорфа. Кребс взял трубку, и, слушая чье-то донесение, повторял: «Понятно, понятно». Затем он сообщил, что русские танки подходят к Потсдаму и с севера, и с юга.

После этого все умолкли и разошлись по своим комнатам.

Только Кребс ходил по мрачным коридорам, заглядывал в комнаты и искал, с кем бы поделиться новостью. Он понимал, что практически выхода нет. Но как убедить в этом Гитлера, который ни разу с 20 апреля не покидал бункера, боялся услышать близкий артиллерийский грохот, увидеть ближайшие улицы, превращенные в передний край фронта.

Кребс зашел к доктору Мореллю — главному врачу «фюрера», но оказалось, что тот уже сбежал. Генерал двинулся дальше. Аксмана он увидел спящим на скамейке. Адмирала Фосса застал в кресле. Он сидел, опустив голову. На другом конце коридора, в пресс-бюро, Кребс обратил внимание на Лоренца, уснувшего с пустой бутылкой, прижатой к груди. Не спали только телефонистки. Они забросали генерала вопросами: «Когда появится армия Венка?», «Когда с ним соединится Буссе?», «Когда можно ждать в Берлине Шернера?..»

Кребс на все вопросы ответил коротким: «Никогда» и ушел в свою комнату. Как всегда, он должен был приготовить для «фюрера» доклад. Сегодня в нем надо смягчить последнее донесение об окружении Берлина и подходе советских войск к Эльбе.

---

[1] См. «Правда», 1 января 1948 г.

25 АПРЕЛЯ

Встреча на Эльбе.— В Кетцине соединились танки генерала Д. Лелюшенко с войсками генерала Ф. Перховоровича.— Кольцо вокруг Берлина замкнулось.— Наши ворвались в Плетцензейскую тюрьму.— У врага в подземелье

Во второй половине дня лейтенант американской армии У. Робертсон, осторожно ступая по мосткам, перебирался по разрушенному мосту через Эльбу. Навстречу ему шли советские офицеры. Остановились, поглядели друг на друга, улыбнулись и крепко пожали друг другу руки. Американский лейтенант пригласил идти за ним и, так же осторожно ступая, направился к западному берегу Эльбы. Там они уселись в машины и помчались в штаб дивизии. Американец неожиданно расхохотался, а за ним рассмеялись и русские. Они не разговаривали, но смеялись, и всем было ясно, что они рады встрече, которую ждали давно...

А до этого произошло любопытное событие, о котором У. Робертсон, ныне известный нейрохирург Лос-Анджелеса, рассказал 29 лет спустя корреспонденту «Правды» Б. Стрельникову.

Оказывается, в тот памятный день, нарушив приказ своего командования, Робертсон с группой разведчиков на джипе въехал в город Торгау на Эльбе. Колеся по узким улицам города, Робертсону удалось уйти от огня. Но тут же начали рваться снаряды советской артиллерии, стрелявшей с противоположного берега Эльбы. Гитлеровцы стали разбегаться. Тогда Робертсон, въехав во двор брошенного лагеря военнопленных, сорвал простыню, висевшую на веревке, начал рисовать на ней знаки американского флага. Делал он это с помощью различных лекарств, которые нашел в лагерной аптеке. Вскоре «американский флаг» развевался на башне городского замка, его увидели советские артиллеристы, и огонь прекратился.

По возвращении в свою дивизию лейтенант Робертсон был арестован за «нарушение приказа». Но весть о его поступке быстро долетела до командования армии, и генерал Ходжес по военному телеграфу поздравил Робертсона за успешные действия в сложной обстановке.

Телеграмму генерала Робертсону зачитали в карцере, где он просидел всего несколько часов.

А спустя неделю приказом командующего 1-го Украинского фронта маршала И. Конева лейтенант 1-й американской армии У. Робертсон был награжден орденом Александра Невского.

Генерал Ходжес позвонил со своего командного пункта в городе Марбурге командующему американской группой войск генералу Омару Брэдли:

— Разведывательный дозор нашей армии встретился с авангардом маршала Конева в почти безлюдном городе Торгау на Эльбе.

— Спасибо за приятную весть,— сказал Брэдли.

Обнажив фронт на западе, немцы открыли путь к Эльбе. Американцы достигли ее 13—14 апреля, но имели плохое представление о том, что происходит по ту сторону реки. По признанию самого Брэдли, он слышал, что советские войска ворвались в Берлин, а Гитлер забаррикадировался вблизи имперской канцелярии. Известно было также, что войска 1-го Украинского фронта наступают к Эльбе. Однако все сообщения были отрывочными и неофициальными.

Не исключено, что внимание разведки и сотрудников отдела прессы и психологической войны, который находился в Висбадене, было отвлечено находкой в деревне Меркерс. В этой деревне был открыт подземный тайник, в котором хранились огромные золотые запасы гитлеровского рейха. Военные полицейские с помощью местных жителей в одном из рудников обнаружили золотые слитки на сумму 100 миллионов долларов, 3 миллиарда рейхсмарок и ассигнаций на 2 миллиона долларов...

...В тот день маршал Конев был крайне загружен. 1-й Украинский фронт действовал в нескольких направлениях. Сообщение о встрече на Эльбе он принял как должное и коротко сообщил в Ставку Верховного Главнокомандующего:

«25 апреля сего года в 13.30 в полосе 5-й гвардейской армии, в районе Стрела, на реке Эльба, части 58-й гвардейской дивизии встретились с разведгруппой 69-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 1-й американской армии.

Того же числа в районе Торгау на реке Эльбе головной батальон 173-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской дивизии встретился с другой разведывательной группой 69-й пехотной дивизии 5-го американского корпуса 1-й американской армии» [1].

На Эльбе была рассечена гитлеровская армия. Теперь окруженные и полуокруженные армии продолжали сопротивление, главным образом контратакуя наши части, продвигавшиеся к центру Берлина, а на юге осталась группа армий под командованием новоиспеченного фельдмаршала Шернера, который, по мнению Гитлера, должен был вместе с Венком и Буссе спасти фюрера, столицу и Германию. Но Шернеру путь к столице был прегражден.

В эти теплые апрельские дни происходили радушные, откровенные встречи советских и американских солдат и офицеров. Позже на командном пункте штаба 1-го Украинского фронта — в 40 километрах северо-восточнее Торгау — встретились командующий группой войск американской армии генерал Омар Брэдли и командующий фронтом маршал И. Конев.

После недолгих переговоров, во время которых затрагивался вопрос об освобождении Чехословакии, а в связи с этим и о ходе действий против армий Шернера, состоялся обед. Произносились тосты, командующие взаимно отдавали должное солдатам и офицерам, совершившим воинский подвиг, военачальникам и государственным деятелям.

Генерал Брэдли объявил о решении правительства Соединенных Штатов наградить маршала Конева высшим американским орденом. Затем командующие обменялись подарками: Брэдли получил отлично выезженного донского жеребца, на седле которого была вышита звезда, и пистолет. Коневу подарили новый джип, присланный из Антверпена.

---

[1] *И. С. Конев.* Сорок пятый, стр. 192.

Во время ответиого визита маршал Конев по поручению Советского правительства вручил генералу Брэдли орден Суворова.

25 апреля состоялась еще одна ие менее знаменательная встреча. Западнее Потсдама, в районе Кетцина, одна из стрелковых дивизий, наступавшая с севера на юг, вела бои с передовыми отрядами армии генерала Венка, просочившимися в деревню Гельтов. Они рвались в Потсдам, в Берлин, на соедииение с группировкой генерала Буссе, не зная, что она схвачена в кольцо и обречена. Вскоре, однако, гитлеровцы отступили, а затем, поспешно бросая оружие, бежали на запад. Они услышали мощный рокот советских танков, двигавшихся с юга на север и тоже отбивавших контратаки отрядов Веика.

Офицеры стрелковой дивизии, наблюдавшие в бинокль за бегством противника, увидели танки с красными флажками и взмахами рук приветствовали их. Они шли довольно быстро, и грохот их гусениц висел над болотистой долиной. Несколько передних машин остаиовилось. В одной из них открылся люк, офицер в черном шлеме огляделся, вылез из танка и, подойдя к берегу озера, крикнул:

— Какой вы части?

— 328-й стрелковой дивизии. Армия Перхоровича, 47-я.

— 1-й Белорусский?

— Да. А вы?

— Мы 6-й гвардейский корпус армии Лелюшенко...

— 1-го Украинского?

— Да.

— Значит, немцы в кольце?

— В последнем кольце... Давайте пальнем.

Оглушительный выстрел прозвучал как салют новой победы.

Накануне Уральско-Ковельская дивизия генерала Выдригаиа после тяжелых боев при форсировании канала Гогенцоллерн получила приказ выйти к Потсдаму. Пришлось круто разворачивать боевые порядки. Ночью полки дивизии обошли Шпандау, перерезали все рельсовые и шоссейные дороги, идущие из Берлина иа запад в разных направлениях, а утром ворвались в город Дальтов, приютившийся среди озер и каналоз

близ Потсдама. Предстояла сложная операция по форсированию озера Юнгферн...

...Кроме этих двух примечательных встреч мирного характера во всех остальных районах Берлина шли жестокие бои. Кольцо сжималось. Еще в ранние часы начался интенсивный обстрел центральных кварталов столицы, продолжавшийся более часа. Весь город содрогался от ударов нашей артиллерии, словно предупреждавшей о бессмысленности дальнейшего сопротивления. Но фашисты продолжали упорствовать.

Мы вновь вернулись в полосу действий 3-й ударной армии. По пути к каналу Шпандауэр — Шиффартс в тихом лесочке встретили генерала Переверткина, возвращавшегося в штаб. Улыбаясь, он сказал нам:

— Опять новость: корпус нацеливается на центр. Теперь мы будем наступать не на запад, а на юг и даже на юго-восток... Вот видите, как нас повернули! Мы должны очистить Моабитский район, а там и Шпрее рядом...

...У канала Шпандауэр — Шиффартс шло долгое сражение. Дивизия В. Асафова захватила плацдарм. Саперам пришлось под сильным огнем устанавливать и скреплять понтоны.

К ночи на противоположный берег прошли части 171-й дивизии. Завязался рукопашный бой.

Гитлеровцы отступали к Плетцензейской тюрьме, толстые стены которой служили хорошей защитой и позицией. Но командир 171-й дивизии принял правильное решение: он приказал продолжить атаку, не дать вражеским войскам выиграть время и укрепиться. И вскоре солдаты одного, а затем и другого батальона 525-го полка ворвались во двор тюрьмы.

Несколько солдат быстро вбежали по широкой лестнице главного корпуса тюрьмы и обнаружили, что двери камер раскрыты настежь, а из темного коридора слышатся стоны. Там находились тяжело раненные, умирающие солдаты — фашисты приспособили главный корпус тюрьмы под госпиталь.

Пойманные в ловушку, загнанные в тюремные камеры и подвалы, осознавшие безнадежность своего положения, немецкие солдаты — все, кто мог двигаться, выходили во двор с поднятыми руками.

Плетцензейская тюрьма! Тогда никто из нас еще не знал, что это та самая тюрьма, в которой был казнен антифашист Х. Шульце-Бойзен и где встретил свой последний час Муса Джалиль. Именно здесь на специальных крюках были повешены генералы, покушавшиеся на Гитлера в июле 1944 года. Здесь расстреливали всех, подозреваемых в покушении, и тех, кто, по мнению гестапо, «не проявлял достаточной лояльности».

Среди них был и германский посол в Москве граф фон Шуленбург. Гитлер, как известно, презрительно относился к дипломатическим работникам, считая, что они, оторванные от рейха, от дел национал-социалистской партии, не могут правильно смотреть на вещи. К их докладам он относился критически, а их послания чаще всего не читал. И несмотря на то что он готовился к войне с Советским Союзом и не раз беседовал с фон Шуленбургом на эту тему, все же к словам своего посла не прислушивался.

За два месяца до нападения на Россию Шуленбург был в Берлине и уговаривал «фюрера» не начинать войны на Востоке. Гитлер молча выслушал посла, затем протянул ему руку в знак того, что аудиенция уже закончена, и тихо сказал:

— Я все уже продумал и решил...

А спустя три года он его казнил, предполагая, что тот соучастник покушения.

Повторяю, тогда мы этого не знали, но зато и в районе Плетцензее, и на подступах к Моабит мы видели трупы солдат и даже офицеров, повешенных на деревьях и фонарных столбах с табличкой на груди: «Он предал рейх, он опозорил нацию», «Трус», «Дезертир». Это был акт бессилия.

Характерно, что среди этих табличек больше не назывался Гитлер и не упоминалось слово «фюрер». Пропагандисты Геббельса хотя и продолжали лгать, но понимали, что «фюрер» потерял всякое доверие и его именем уже ничего нельзя изменить.

День был горячий, и мы торопились в Ландсберг на свою квартиру, чтобы написать корреспонденцию. По дороге нам встречались наши войска, торопившиеся в сторону Берлина. Бойцы были веселы. Их песни заглушали даже грохот танков.

* *
*

Гитлер стоял над картой, утыканной разноцветными флажками. На каждом из них были обозначены номера, по которым он определял местонахождение своих армий.

Где только не побывали эти флажки! На огромном глобусе, который некогда стоял в кабинете Гитлера в имперской канцелярии, такими флажками была утыкана вся Европа, Африка, Азия. Небрежным движением он касался земного шара, и тот плавно поворачивался, показывая разные государства, моря и океаны. Свободно, без задержки шагала германская пехота, громыхали танки, плыли надводные и подводные корабли. Над ними летали самые быстрые самолеты.

Теперь глобус был уже не нужен. Достаточно одной карты, на которой обозначен лишь Берлин, к тому же не весь. Флажки перемещаются к центру. Адъютант — «заведующий глобусом» — нехотя менял их позиции, а иной раз не трогал их, чтобы обмануть фюрера, хоть на день оттянуть неумолимое приближение к имперской канцелярии.

Внимание Гитлера обращено на западную окраину Берлина — в район Шпандау. Еще вчера Артур Аксман обещал ему направить туда несколько сот хорошо вооруженных молодцов, фанатически сражающихся на улицах Берлина.

Именно там с криком «За фюрера, за великую Германию» бросались они под танки. Некоторые же, испугавшись, при первом же приближении танков поднимали руки и плакали, звали на помощь матерей.

...Началось обычное совещание.

Но прежде чем генерал Кребс собрался докладывать, слова попросил пресс-референт при фюрере Лоренц. Он сказал:

— Мне удалось принять сообщение радиостанции нейтральной страны. В нем говорится, что при встрече американских и русских войск на Эльбе между командующими обеих сторон возникли разногласия.

Последние слова Лоренца воодушевили «фюрера».

— Господа,— вопил Гитлер,— это новое блестящее доказательство разлада наших врагов! Разве герман-

скнй иарод н история не сочли бы меия преступником, если бы я сегодня заключил мир, а завтра иаши враги моглн бы поссорнться? [1]

Отрезвлеиие наступнло вечером, когда Вейдлинг доложил о положеиии дел в Берлние. Ои говорнл, иичего ие утаивая.

В этой «притершейся» к Гитлеру компаини — от Геббельса и Бормана до Аксмаиа и геиерала Моике — он был малоизвестиым генералом, а потому им иепоиятиа была его «наивная прямота».

В своих записках потом Вейдлинг писал:

«Я иачал с положения противника, каким оио стало нам известио в последиие дни... Я сопоставил чнсло иаступавших иа нас дивизий с численностью, вндами и осиащением частей, иаходящнхся в распоряженнн обороиительного района... Линия иашего фронта медленио, ио верно оттесиялась к цеитру города...

Вслед за мной стал говорить фюрер. В длииных, повторяющнхся фразах он изложнл причииы, которые заставляют его оставаться в Берлнне и либо победить здесь, либо погибиуть.

Все его слова так или нначе выражали одну мысль — с падеинем Берлнна поражение Германии иесомнеио. Во время речи фюрера доктор Геббельс все время вставлял слова н фразы. Часто фюрер схватывал сказаиную Геббельсом фразу и развнвал ее. Бормаи и доктор Науман также чувствовали себя обязаииыми сказать что-то в тех случаях, когда фюрер допускал длнтельную паузу.

Я, простой солдат, стоял здесь, на месте, откуда раньше иаправлялась н где определялась судьба иемецкого народа. Я иачал кое-что поиимать. Мие становилось все более ясио, почему мы должны пережнть конец Германин. Никто нз этой компаиии ие осмеливался высказать собствеиного мнения. Все, что исходнло из уст фюрера, прииималось с полиым согласнем. Это была камарилья, ие нмеющая себе равиых. Или онн боялнсь быть вырваииыми нз этой обеспечениой и все еще роскошиой жизнн в случае, еслн будут защищать свое собственное мненне?

---

[1] См. *Г. Розанов*. Крушение фашистской Германии, стр. 169.

Должен ли был я, не известный здесь, крикнуть этой компании: «Мой фюрер, ведь это сумасшествие! Такой большой город, как Берлин, с нашими силами и с малым количеством имеющихся у нас боеприпасов защищать нельзя. Подумайте, мой фюрер, о бесконечных страданиях, которые должно будет вынести в этих боях население Берлина!»

Я был так возбужден, что с трудом сдержал себя, чтобы не прокричать эти слова. Но нужно было найти другой путь...

После меня дополнительно доложил общую обстановку генерал Кребс. В этот вечер он обрисовал ее еще в сравнительно оптимистическом виде» [1].

Но даже в этом «оптимистическом докладе» на вопрос «фюрера» о местонахождении армии Венка, Кребс ответил, что она приблизилась к Потсдаму и помогла некоторым малочисленным отрядам выбраться из окружения, но танкисты Конева теснят ее.

Когда Кребс сообщил о захвате русскими частями Темпельхофского аэродрома, все присутствующие невольно переглянулись. Может быть, впервые они окончательно поняли, что им никуда не уйти.

Далее сообщалось о пожарах, которые нечем тушить, ибо не работает водопровод, о плохом снабжении берлинских войск, так как тюки с продовольствием, сброшенные с самолетов, попадают к русским или сгорают среди развалин.

После нерадостных сообщений Кребса наступила тягостная тишина. Никому больше не хотелось задавать вопросы — и так было все предельно ясно. И уж, конечно, никому не хотелось комментировать события. Все уже понимали, что надежды на соединение Венка и Буссе таяли, как снег под мартовским солнцем, а о Шернере, после того как армии Конева и Брэдли соединились, и думать было нечего. Но все же одна лазейка была: переговоры с англичанами и американцами. И кто-то напомнил о ней.

Почувствовав неминуемый крах фашистской империи, англичане подгоняли события. Испугавшись быстрого и решительного движения советских войск на запад, они потребовали усиления английских армий

[1] «Совершенно секретно», стр. 610—611.

фельдмаршала Монтгомери американскими войсками, торопили движение на восток, протестовали против телеграммы Эйзенхауэра, адресованной Сталину, в которой командующий союзными войсками в Европе наметил движение американских армий до Эльбы, английских войск на северо-восток к берегам Балтийского моря, а американо-французских — на юг, к австрийской границе, к Вене. Уже в самом этом плане чувствовалась тревога. Союзники пытались как можно раньше занять территорию от Балтики до Альп.

Но и это не устраивало английского премьер-министра Черчилля. Он давно мечтал о захвате Берлина, а потому открыто выразил свое беспокойство и несогласие с планом Эйзенхауэра, а его обращение к Сталину расценил как «вмешательство военного в политические проблемы».

Черчилль исходил из того, что документы, принятые антигитлеровской коалицией, не могут служить препятствием для его вожделений. Он даже как-то заявил: «Было бы катастрофой, если бы мы твердо соблюдали все свои соглашения»[1]. А потому, забыв о решениях Ялтинской конференции, он за неделю до смерти Рузвельта писал ему: «Особенно важно, чтобы мы соединились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если позволят обстоятельства, вступили в Берлин».

Теперь, когда встреча на Эльбе состоялась самым мирным образом, когда армия генерала Паттона быстро двигалась на юг по Дунаю, а советские войска вели бои в центре Берлина, американцы уступили Черчиллю.

Воздушнодесантный корпус Риджуэя был переброшен на север, с тем чтобы двинуться через Эльбу южнее Гамбурга и выйти к балтийскому порту Любеку.

---

[1] См. *В. Г. Трухановский.* Уинстон Черчилль, стр. 376.

26 АПРЕЛЯ

«Самодеятельность американских генералов».— «207» — на красных флажках.— Вокзал Бойсельштрассе в наших руках.— Солдаты смеются.— Психическая атака юнцов.— У врага в подземелье

Генерал М. Букштынович водил указкой по карте Берлина, висевшей на стене, и спокойно, медленно, словно желая, чтобы мы усвоили каждое его слово, рассказывал о действиях 3-й ударной армии, теперь уже нацеленной на центр города с севера на юго-восток, к мосту Мольтке, Кенигсплатцу, рейхстагу.

— Тиргартен,— сказал он,— это уже зона 5-й ударной и 8-й гвардейской армий...

В это время раздался телефонный звонок. Генерал поднял трубку и некоторое время, глядя в потолок, слушал молча. На его обветренное, открытое лицо, высокий лоб сразу же легла печать удивления, а может быть, беспокойства. Он изредка отвечал односложными словами: «да», «нет», «есть».

Когда он положил трубку, нам было не по себе, мы чувствовали, что попали в неловкое положение и своим присутствием стесняли генерала.

Между тем, поглощенный мыслями и думающий явно не о нас, генерал вдруг, словно очнувшись, обратился к нам и с мягким прибалтийским акцентом сказал:

— Американцы перешли Эльбу и движутся к Берлину.

— Американцы?

— Да, именно они.

— Но ведь они дальше Эльбы не должны идти,— сказал Борис Горбатов.

— Верно,— рассеянно ответил генерал.

— Что же будет?

— Приказано предупредить их по радио.

Уже после войны я рассказал об этом эпизоде Маршалу Советского Союза Г. Жукову. Он ответил:

— Американцы вышли на восточный берег Эльбы, чтобы интернировать бегущие гитлеровские войска и забрать их оружие, то самое, которое, по словам Черчилля, могло им пригодиться для борьбы с нами.

— А как вы реагировали?

— Я позвонил Сталину, но он спокойно мне ответил: «Это самодеятельность американских генералов. Несерьезно. Я поручу Антонову позвонить Эйзенхауэру».

И действительно, американские танки вскоре ушли.

...Разузнав у генерала М. Букштыновича о действиях корпуса генерала С. Переверткина и будучи ориентированными по карте, мы двинулись в дивизию В. Шатилова, которая вела бои в районе Моабита. Этот большой рабочий район, расположенный в центре Берлина, распространялся на юг до Шпрее, отделяющей его от большого парка Тиргартен, шоссейной дороги Восток — Запад, Кенигсплатца и рейхстага.

В этом районе находилась известная тюрьма «Моабит», в которой томились тысячи узников, и среди них — вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман.

Хотя до Шпрее было и не так далеко, но путь к реке лежал через каналы, узкие улицы, небольшие площади и парк Клейн Тиргартен. По дороге мы заехали в дивизию полковника В. Асафова. Она двигалась во втором эшелоне. После боев на канале ее полки понесли потери и теперь на ходу пополнялись.

В одном из уцелевших домов, куда мы зашли попить воды, увидели двух связисток. Они разрезали ножницами на небольшие лоскуты красные перины. Пух летел по комнате, садился на мебель, окна, на самих девушек.

— Что это вы делаете?

— Кроим флажки,— ответили они, не смущаясь. А третья, сидевшая в углу и не замеченная нами сразу, подшивала готовые лоскуты и писала на них чернилами «207» — цифру дивизии. Они раздавали эти флажки солдатам и те прятали их под гимнастеркой на груди до того времени, когда их можно водрузить то ли над Моабитом, то ли над кирхой, а может быть, и над рейхстагом.

Я спросил девушек, не знают ли они Максима Чубука. Одна из них с грустью сказала: «Он ранен».

— А где он?

— В медсанбате, недалеко отсюда.— И она назвала адрес.

Я пошел по пустынной улице, прижимаясь к разбитым домам. Было ветрено. Звуки далекого боя у станции Бейсельштрассе то доносились отчетливо, то утихали.

Когда я прошел улицу, пустырь и небольшой бетонный мост через канал, передо мной вырос часовой у ограды. Проверив документы и показав движением руки на дом, с которого свисал белый флаг с красным крестом, он пропустил меня.

Комната, где лежал Чубук, была пропитана запахами лекарств и карболки, на стенах висели дешевые литографии и гобелены. Чубук не сразу заметил меня, а когда увидел, оживился, привстал, а на его бледном лице появилась улыбка. Не ожидая моего вопроса, он сказал:

— Да я совсем здоров... Завтра выписываюсь.

— А что случилось?

...Максим проснулся до «петухов». Всю ночь ему мерещился бой на подступах к каналу. И даже во сне им владело нервное напряжение, как это бывало перед всяким, даже самым незначительным боем. Оно напоминало волнение, которое охватывало его перед школьными экзаменами. И как ни старался Чубук взять себя в руки, тревога покинула его лишь в минуту, когда над головой зашуршали артснаряды.

Сверх ожиданий бой был кратким, и вскоре определился перевес наших подразделений. Взвод проскочил через большое кладбище, напоминавшее парк, ворвался в узкую улочку и стал продвигаться от дома к дому. Из окон, с чердаков, из подвалов раздавались автоматные очереди.

— Идти дальше! Не обращать внимания на стрельбу,— передал Чубук команду солдатам своего взвода, который подкрадывался к площади, где по приказу должен был занять несколько домов и ждать подхода других отделений штурмового отряда. Но когда солдаты Чубука вышли к площади, окруженной большими домами, они увидели солдат соседнего отделения.

— Вот так здорово! — воскликнул Максим,— а мы-то думали, что первые... И вдруг он крикнул: «Ребята, за мной!» И все бросились за ним к большому четырехэтажному дому.

Молодой азарт толкал его занять самое большое здание, которое господствовало над площадью. С гранатой в руке бежал Максим впереди всех.

Фасад дома был изъеден пулями и осколками, стекла окон выбиты, квартиры, видимо, покинуты недавно. Отделение Чубука ворвалось в одну из них, на двери которой блестела медная дощечка с фамилией хозяина. Комнаты большие, обставлены дорогой мебелью, стены украшены картинами в толстых золоченых рамах. Некоторые из них были прострелены пулями. «Вот куда пришел передний край войны — от тихой Малиновой Слободы до берлинской квартиры»,— подумал Чубук.

После рукопашной схватки в комнатах фашисты бежали на нижний этаж, но на лестничной клетке бой продолжался. Здесь-то и был Максим ранен в руку. Рана оказалась не очень серьезной, но требовала хирургической обработки, а потому Чубука, против его воли, увезли в госпиталь.

— Я завтра выписываюсь,— повторил Чубук, закончив свой рассказ.

— А что слышно о Марине?

— Слышно, слышно! — радостно откликнулся Чубук.— Она где-то под Берлином, бежала от своих хозяев. Я еще не знаю точно, где она, но я знаю людей, которые видели ее... Галя Олещенко — помните, я вам читал заметку о ней? — работает в нашем медсанбате и завтра пойдет на ее поиски... На днях мы увидимся...

...Вечерело, когда мы добрались до КП генерала В. Шатилова, но его там не нашли. Он был на новом наблюдательном пункте в трамвайном парке и следил за боем на станции Бойсельштрассе. Солнце уже садилось; его оранжевые лучи падали на густой слой дыма, повисшего над городом, и делали его то рыжим, то бурым.

Офицеры штаба дивизии рассказали, что в железнодорожном пакгаузе захватили немецкую роту. Она отстреливалась, но была уничтожена.

Бой на Бойсельштрассе не утихал. Но после налета «катюш» вокзал запылал большими, рвущимися из окон и дверей языками огня, послышался взрыв, и густой черный дым пополз по земле, словно нехотя поднимаясь к небу. Когда артиллерия закончила свою работу и пожар немного приутих, батальоны рванулись вперед и захватили станцию.

Все это рассказал нам генерал В. Шатилов ночью, за ужином, когда вернулся на свой командный пункт. Он устал, но был оживлен. На генерала сильное впечатление произвел не бой за вокзал, после которого для его дивизии открывались манящие перспективы выхода на мост Мольтке у рейхстага, а встреча с людьми из лагеря близ Бойсельштрассе, только что освобожденными. Все они обступили генерала — оборванные, грязные, худые,— плакали, просили дать им оружие. Один из узников умолял дать ему хоть самое захудалое ружьишко или на крайний случай гранату: «Я должен рассчитаться с ними... Они пытали меня, издевались».

— Ну и что же вы, Василий Митрофанович?

— Приказал помыть его, одеть и дать автомат... Мы еще долго беседовали и легли поздно.

Позже мы узнали, что две дивизии — В. Шатилова и А. Негоды — участвовали в форсировании Фербиндунгс-канала.

Обе дивизии на протяжении всего периода наступления от Одера на Берлин почти всегда соседствовали и выполняли схожие операции. Иной раз их полки, батальоны, роты действовали совместно, подчиняясь сложившейся ситуации.

Форсирование канала они тоже производили почти одновременно. Шатиловцы действовали на северных его берегах — двумя полками, а негодовцы — восточнее, одним полком, которому активно помогал 137-й саперный батальон.

Ни той, ни другой дивизии с ходу форсировать водную преграду не удалось.

Новая попытка была назначена на вечер, и каждая из дивизий выполнила задачу. Полки обеих дивизий сражались и за Бойсельштрассе.

Так части корпуса С. Переверткина вошли в район Моабита. Отсюда путь открывался к Шпрее.

В тот день и на других участках фронта танки с грохотом двигались по трамвайным рельсам к центру, за ними шла пехота, втиснутая в узкие для нее улицы и переулки. Квартал за кварталом отвоевывались у гитлеровцев, медленно отходивших к сердцу Берлина — Бранденбургским воротам.

И как ни были сосредоточены и бдительны бойцы, как ни гуляла вокруг них смерть, они не могли не смеяться, когда политрук перевел им воззвание Геббельса, расклеенное чуть ли не на каждом доме:

«Браво вам, берлинцы!

Берлин останется немецким! Фюрер заявил это миру, и вы, берлинцы, заботьтесь о том, чтобы его слово оставалось истиной: браво, берлинцы! Ваше поведение образцово. Дальше так же мужественно, так же упорно, без пощады и снисхождения боритесь, и тогда разобьются о вас штурмовые волны большевиков... Вы отстоите, берлинцы, подмога движется!»

Солдаты смеялись.

Армия Н. Берзарина шла на северо-запад, корпус генерала И. Рослого овладел Герлитцским вокзалом и взял курс на Александерплатц. Гвардейцы В. Чуйкова двигались несколько левее к южной кромке Ландвер-канала и тоже нацеливались на центр города. Их передовые части вчера овладели аэродромом Темпельхоф с его наземными и подземными ангарами. Под землей находились полностью заправленные самолеты и их экипажи, дежурившие у машин круглые сутки: «готовность номер один» на случай бегства фашистских главарей.

Темпельхоф отныне не может быть их надеждой.

Но вдруг на КП командира полка раздался звонок.

Комбат докладывал, что по Колоненштрассе движется в стройном порядке около 400 юнцов, одетых в черные школьные кители с золотыми пуговицами и в черные брюки. Мальчики выросли в богомольном трепете перед танками, самолетами, фаустпатронами. Они произносили имена Гитлера, Геббельса, Геринга, как произносят имена святых, воздев руки к небу. Они шли, отбивая шаг и держа наготове фаустпатроны... Это смертники Артура Аксмана, фанатики, решившие отдать жизнь за «фюрера», шли в «психическую атаку», полагая, что они напугают советских солдат.

— Как быть? — спрашивал комбат. — Пропустить их в тыл или открыть по ним огонь?

— Воздержитесь,— ответил командир полка,— найдите способ обезоружить...

Тем временем юнцы приближались. Комбат выпустил несколько желтых ракет — сигнал, обозначающий передний край фронта. Но в ответ юнцы, подойдя вплотную, начали бросать фаустпатроны. Появились раненые, убитые. Мальчишки с обезумевшими глазами бросились в рукопашный бой. Пришлось открыть огонь. Несколько минут из-за дыма и беспорядочной стрельбы ничего нельзя было понять, а затем юнцы, метнув фаустпатроны, пустились бежать в свой тыл.

Раненые школьники, плача, на допросе рассказывали, как их вел в бой руководитель районного комитета, который уверял, что Темпельхоф легко взять обратно... Так захлебнулась «психическая атака» аксмановских молодцов...

1-й Украинский фронт продолжал бои на южных окраинах города. Кроме того, укреплялись позиции у Потсдама, сжималось кольцо вокруг Франкфуртско-Губенской группировки вражеских войск.

Наши летчики-разведчики вот уже несколько дней доносят, что в самом центре шоссе Восток — Запад, в Тиргартене, с обеих сторон от Колонны Победы немцы рубят так называемый «королевский лес», каждое дерево которого занумеровано и занесено в особую книгу. Теперь эти деревья сносились под корень на довольно широких полосах справа и слева от шоссе. Это нужно было для того, чтобы немецкие транспортные самолеты могли доставлять горючее для танков и боеприпасы для артиллерии.

Колонна Победы хотя и была хорошим ориентиром, становилась помехой для посадки.

Все же две машины «юнкерс-52» благополучно приземлились, но при взлете одна из них — с ранеными офицерами — разбилась.

Этот наскоро сооруженный Тиргартеновский аэродром все время находился под обстрелом нашей дальнобойной артиллерии.

* *
*

Обстановка в бункере оставалась гнетущей, хотя появившаяся вдруг связь с генералом Рейманом внесла оживление. Он находился все еще в Потсдаме. И хотя его войска были окружены, генерал знал, что некоторые отряды армии генерала Венка достигли пункта Ферх у озера Швиловзее юго-западнее Потсдама.

Этого было достаточно, чтобы в сегодняшнем докладе генерала Кребса выпятить именно прорыв к Ферху и приглушить сообщение о боях в районе Моабита, Герлитца и на южных окраинах Берлина.

Доклад прошел сравнительно благополучно. «Фюрер» проявил явный интерес к Ферху, долго рассматривал район озера Швиловзее на карте, советовался с Кребсом, как лучше пройти к Потсдаму и тут же давал распоряжения, которые офицеры штаба записывали в свои блокноты.

В бункер доставили раненого генерал-полковника авиации Риттера фон Грейма...

Под прикрытием десяти истребителей он и его жена, летчица Хана Рейч, вылетели из Рехлина, кое-как дотянули до аэродрома в Гатове, который уже обстреливался, а отсюда на легком самолете «Физелер Шторх» взяли курс на центр Берлина. Самолет вела Хана. Недалеко от Шарлоттенбурга осколок зенитного снаряда повредил самолет и ранил генерала. Хана Рейч довела машину до бетонной дорожки у самых Бранденбургских ворот и посадила ее в двухстах метрах от имперской канцелярии.

Тут же генералу перевязали рану и он, опираясь на плечи двух дюжих офицеров, проковылял до подземного госпиталя в бункере, где был уложен в постель.

Вскоре у его кровати появился Гитлер в сопровождении Бормана, Аксмана и посланника Хавеля.

Хана Рейч, женщина лет тридцати, в военной форме, в кожаном шлеме, стояла у изголовья постели и не спускала глаз с Гитлера, о котором так много знала, которого часто слышала по радио и ни разу не видела. И вот теперь этот сгорбленный, усталый, бледный человек сидел на краешке кровати и заискивающе

разговаривал с генералом, которого еще три месяца назад подолгу держал в приемной. Он просил его принять командование разбитыми военно-воздушными силами.

Генерал вел беседу осторожно, отвечал нерешительно. Но предложение принял.

Возвращаясь в свои покои, Гитлер на ходу приказал адъютанту Вейсу приготовить закон о присвоении звания фельдмаршала генерал-полковнику Риттеру фон Грейму и приказ о награждении летчицы Ханы Рейч железным крестом.

Теперь канцлеру не терпится, чтобы фон Грейм скорее улетел из Берлина. Он увидел в нем новую надежду на спасение, как в свое время возлагал такую надежду на Гиммлера, назначая его командующим группой армий «Висла», на генерала Буссе, на фельдмаршала Моделя, затем на Шернера, а теперь на армию генерала Венка, в которой остался один неполный корпус, и на фон Грейма, у которого не было авиации.

Между тем в бункер доходили рапорты и донесения, теперь уже очевидцев.

Один из офицеров сообщил, что некоторые части Советской Армии достигли станции метро «Лейпцигштрассе», которая соединяется со станцией на Унтер ден Линден, в непосредственной близости от имперской канцелярии.

При этом сообщении все присутствующие в комнате совещания пришли в оцепенение. Теперь их жизнь в бункере может исчисляться не днями, а часами.

И тут Гитлер принимает одно из ужаснейших решений в цепи зверств, перед которыми он не останавливался. Он приказывает открыть шлюзы на Шпрее и затопить тоннель, надеясь тем самым преградить путь советским частям. На все объяснения, что там находятся жители Берлина, укрывающиеся от огня, он, как одержимый, твердил: «Открыть шлюзы». И шлюзы были открыты, вода хлынула на станцию метро, в тоннель и заполнила его с быстротой, которая не оставляла надежд для раненых, для женщин, стариков, детей.

Тысячи людей погибли в мутных водах, и никто не мог прийти им на помощь.

27 апреля

Наши войска занимают Моабитский район.— Корпус генерала С. Переверткина вышел к Шпрее в районе рейхстага.— Дивизия генерала З. Выдригана ворвалась в Потсдам.— Представитель бургомистра вручает ключ от города.— Горечь утраты.— У врага в подземелье

Чем теснее сжималось кольцо вокруг Берлина, чем быстрее наши войска приближались к центру, тем отчаяннее становилось сопротивление. Если раньше горожане вывешивали в окнах белые простыни в знак капитуляции, а смертники стреляли с чердаков, то теперь большие дома огрызались всеми этажами и подвалами. Отступать гитлеровцам было некуда. Борьба на улицах Берлина осложнилась. Каждый метр площади, изъеденный тысячами мин и снарядов, простреливался во всех направлениях автоматным и пулеметным огнем, и своеобразный, свистящий звук пуль стоял на улицах и площадях.

Именно поэтому генерал Вейдлинг, комендант Берлина и начальник его гарнизона, широко использовал подземные сооружения города, бомбоубежища, метро, коллекторы, водосточные каналы. Все опорные пункты обороны связывались между собой подземными ходами, при выходе из которых устанавливались железобетонные колпаки.

27 апреля наши войска овладели десятками таких колпаков в районе Моабита и Сименсштадта. Гитлеровцы по подземным переходам уходили в тылы, а затем целыми отрядами появлялись на улицах и в переулках и вновь начинали бои за дома, принадлежавшие уже нам. Автоматчики, снайперы, гранатометчики и фаустники превращались в диверсионные группы, которые устраивали засады, вели огонь по автомашинам, танкам, пушкам, рвали связь.

Тем не менее наступление продолжалось. Артиллерия сопровождения находилась в боевых порядках

штурмовых групп и прямой наводкой уничтожала все препятствия, помогая продвижению пехоты.

Утром мы были на командном пункте генерала С. Переверткина в Плетцензейской тюрьме. Он был радостно возбужден. Ежеминутно в комнату входили и выходили офицеры, беспрерывно зуммерил телефон, и на сей раз мы не почувствовали себя лишними. Больше того, генерал движением руки пригласил нас сесть и, не стесняясь, без условных выражений, говорил по телефону с В. Шатиловым:

— Василий Митрофанович! Есть приятные твоему сердцу новости. Снова меняется твое направление... Что?.. Слушай, слушай... Теперь пойдешь на восток, к Малому Тиргартену. Оттуда виден рейхстаг. Понял? Они мечтали о Кремле, а мы пришли к рейхстагу... Уяснил? То-то. Для этого твоей дивизии и нужно овладеть тюрьмой Моабит, выйти к Клейн Тиргартену и к Шпрее в районе моста Мольтке. Понятно? Да, да, дивизия Асафова движется во втором эшелоне, за тобой. Слева у тебя дивизия Негоды, ты чувствуешь его? Нет? Странно. Я приму сейчас меры.

Тут же генерал связался с комдивом Негодой:

— Алексей Игнатьевич!.. Что ты молчишь?.. Чего тебе не хватает? Огня? Почему же молчишь? Огня сейчас подбавим, желаю...

Генерал снова крутит ручку полевого телефона:

— Васильков? Обрати внимание на дивизию Негоды. Поинтересуйся. Нужно подавить огонь противника. Ясно?

Но как только генерал закончил разговоры, из которых мы в общих чертах представили картину операции, тут же раздался телефонный звонок. Подняв трубку, Семен Никифорович ответил одним словом: «Есть!»

Обращаясь к нам, сказал:

— Извините, срочно вызывает командарм,— надел плащ, фуражку, окликнул адъютанта Бондаря и вышел.

Мы направились в оперативный отдел, чтобы «усвоить» то, о чем только что слышали. Офицеры оперативного отдела корпуса хорошо нас знали и охотно «расшифровали» на карте приказы С. Н. Переверткина.

Красные стрелы окружали Моабитскую тюрьму, а южнее нацелены были на берег Шпрее.

В районе же Симменсштрассе на север направлены были синие острые стрелы: они говорили о пяти контратаках немцев, которые понимали решающее значение этого района и всеми силами старались восстановить утерянные позиции.

— Все контратаки отбиты,— сообщил нам офицер... К вечеру у нас будут подробности боев. Заходите.

Мы направились в район Моабит, но дальше станции Бейсельштрассе нам ехать не рекомендовали. Небольшой вокзальчик городской железной дороги был разбит и сожжен, а в его разрушенных комнатах лежало много трупов. Среди них были солдаты в серозеленых шинелях с медными пуговицами, люди с подсумками в штатском платье, перехваченном военным ремнем. Они сжимали в руках автоматы. Это были фольксштурмисты. В последнее время мы их встречали часто, но больше всего среди пленных. Один из них нам признался:

— Я взял винтовку только для того, чтобы скорее стать пленным и спасти свою жизнь.

Корпус С. Переверткина полками дивизии В. Асафова очистил юго-восточную часть района Сименсштадта и вышел на северный берег Шпрее. Тяжелые бои за овладение районом Моабит вела дивизия А. Негоды. Одним полком она пробивалась по улицам сквозь баррикады, груды рельсов, бетонных брусьев, стальные ежи. Для того чтобы облегчить путь танкам, вновь вперед бросились саперы 137-го батальона. Они отлично выполнили свою задачу.

Мы все же решились поехать в глубь Моабитского района, осторожно «маневрируя» на «виллисе», зная, что в последние дни и эсэсовцы, переодетые в штатское платье, и юнцы из аксмановских отрядов бойко пользуются фаустпатронами.

Ко многим виденным уже нами картинам уличных боев и пожарищ мы привыкли, но улицы Моабита поразили нас смесью летающего белого пуха из перин и подушек с черными хлопьями сажи, огненными языками, рвущимися из труб, окон, дверей разбитых домов.

Кто не видел, как рушится многоэтажное горящее здание, кто не слышал этого нарастающего грохота, погасившего даже артиллерийскую канонаду, тому трудно представить картину, которую лейтенант И. Иванников, пораженный этим зрелищем, назвал «гибель Помпеи».

На одной из улиц мы встретили командира саперного батальона А. Лебедева. Вид у него был усталый, а форма вся измазана сажей и мазутом.

Он рассказал нам:

— Гитлеровцы занимают верхние этажи. Сейчас только из углового дома выбросили фаустпатрон. Ранили многих солдат, но ранили и ребенка. Вон видите,— Лебедев показал на пролом дома,— рядовой Новиков перевязывает рану немецкому мальчонке. Малыш от ужаса даже не плачет. Лицо его бледно как мел. Он мертвой хваткой обнял шею своего спасителя и не разжимает рук...

Мы видим, как солдат унес ребенка куда-то в подвал...

В этот же день Горбатов остался на КП у станции Бейссельштрассе, а я на попутной машине направился в район Плетцензее, где во втором эшелоне двигался 380-й полк дивизии Негоды.

Здесь я впервые увидел майора Виктора Дмитриевича Шаталина, который после гибели В. Кулькова принял командование полком. Это был еще молодой человек, с правильными чертами лица, с густой шапкой волос и, как мне показалось, с очень внимательным, сосредоточенным взглядом. Его, видимо, редко беспокоили корреспонденты, и он отвечал на вопросы сдержанно, односложно. Все же мне удалось выяснить, что командир полка — сибиряк, по профессии — бухгалтер, но его молодость была беспокойной: пришлось воевать и получить тяжелое ранение в дни советско-финского вооруженного конфликта, потом новое ранение под Демянском в октябре сорок второго. Шаталин прошел «военные университеты», командуя взводом, ротой, на курсах усовершенствования офицерского состава сначала в группе комбатов, а затем в группе начальников штабов.

Теперь он командует полком, который сегодня движется во втором эшелоне. Но завтра ему нужно выхо-

дить в район Моабита и драться за крупный узел сопротивления — тюрьму.

Возвращались мы на ночлег, когда уже стемнело. Пушки, как обычно вечером, постепенно утихали, но огромное зарево над улицами Моабита становилось с каждой минутой все ярче и ярче. Наступавшая темнота его подчеркивала.

В этот день дивизия генерала В. Шатилова, а точнее, ее полки под командованием Зинченко и Мочалова выдвинулись вперед и к вечеру перерезали Штромштрассе — в одном квартале от Моабитской тюрьмы. Вскоре полк Зинченко вышел одним батальоном к восточной окраине Клейн Тиргартена, а другим — к западной и ворвался на широкую улицу Альт-Моабит, которая вела к мосту Мольтке и к Кенигсплатцу. Но здесь пришлось приостановить движение. Моабитская тюрьма оставалась в тылу, нужно было разведать позиции гитлеровцев, подтянуть огневые средства и тылы.

Апрельская ночь наступила незаметно, а вместе с ней пришло и некоторое успокоение, если вообще это слово применимо в условиях передовых позиций фронта. Так или иначе, а по улицам загрохотали кухонные двуколки.

Именно в это время политработники 150-й дивизии раздавали маленькие флажки для укрепления их на правительственных зданиях и рассказывали о рейхстаге и о Моабитской тюрьме. Среди них были и Берест, и Матвеев, всегда, в любой обстановке, в любой час дня и ночи находившиеся с солдатами; вместе ходили в бой, ели из одного котелка и спали у батарей, в траншеях и подвалах под резкие орудийные выстрелы. Кто-то из них острил: началась «колыбельная-артиллерийская». Но все же на час-два засыпали...

В эти длинные весенние дни и короткие ночи время было взято на строгий учет и командовало действиями людей. Стремление скорее разгромить врага, теперь уже в «его доме», близкая реальность окончательной победы стали доминирующими. Это чувствовалось в разговорах командира дивизии с командиром полка, когда он, постукивая пальцем по стеклышку наручных часов, определял тактические задачи в минутах. Это чувствовалось и сейчас, когда капитан Неустроев ходил из подвала в подвал, из отряда в отряд.

В те дни я впервые увидел Степана Неустроева — худощавого человека среднего роста, с серыми глазами, совсем еще молодого капитана, у которого на груди было пять орденов. Он прошел трудный путь войны, командовал взводом, ротой, теперь командовал первым штурмовым батальоном, ворвавшимся 27 апреля в Клейн Тиргартен. Он не раз водил солдат в атаку, шел в рост с наганом в руке и, как говорят, «не кланялся пулям». Пять раз он был ранен. И эти ранения не изменили его характера, не запугали, а сделали еще более мужественным, закалили волю.

И сейчас он все еще не мог успокоиться после боя. На наших глазах влез на самый верхний этаж углового дома на Штромштрассе и долго смотрел в бинокль в даль таинственного горящего, дымного города, который освещался только вспышками редких разрывов и огнем пожарищ.

С зарей ему предстояло начинать новый бой и вновь идти в атаку. Но куда? Этого он еще не знал.

Генерала Шатилова беспокоила, однако, Моабитская тюрьма. Василий Митрофанович тогда еще не знал, что в этой тюрьме некогда томились политические заключенные. Большие здания, отмеченные на карте черным пятиугольником, были для него сильным укрепленным районом, который еще предстояло взять. Кто-то сказал ему, что обороной тюрьмы командует сам Геббельс и что там сосредоточены отборные эсэсовские части.

— Что касается отборных эсэсовцев, то мы их уже видали и бивали, а вот захватить живого прохвоста Геббельса — заманчиво,— заметил генерал.

Парень из села Калмык Воронежской области, ученик земской школы, летом работавший в поле, а зимой помогавший отцу-леснику, теперь генерал Красной Армии, штурмует тюрьму Моабит.

Он закончил сначала Ленинаканскую и Закавказскую пехотные школы, затем был командиром взвода, роты, батальона.

Военное искусство он постигал в стенах Военной академии имени Фрунзе. Перед самой войной Василий Митрофанович стал начальником штаба стрелковой дивизии. На фронте с первых дней войны — в Прибалтике, в Померании и вот — в Берлине.

Он собрал командиров полков и некоторых комбатов и планировал завтрашнее наступление. Главным объектом оставалась тюрьма. Пока она не будет взята, о дальнейшем наступлении не могло быть и речи. И как ни хотел Неустроев сразу же двинуться по Альт-Моабит к мосту, его просили поохладить страсти.

— Я уже видел в бинокль Шпрее,— сказал Неустроев,— рукой подать.

— И я видел,— ответил генерал,— а все же нужно думать не об одном батальоне, а обо всем полке, о дивизии.

В штабе всю ночь не спали. Не спал и Шатилов, не спали начподива Артюхов, начхим Мокринский, начальник артиллерии Сосновский, начальник разведки Гук и другие офицеры. Перед ними лежала карта района рейхстага. Все улицы, переулки, площади, мосты, каналы — как на ладони. Можно ли передать воинское счастье людей, на долю которых выпала историческая миссия — водрузить знамя над рейхстагом! А знамя уже находилось в 756-м полку, у Федора Матвеевича Зинченко.

В тот же день на правом фланге 1-го Белорусского фронта, уже соединившегося с 1-м Украинским, шли бои за Потсдам. Хотя он находился внутри берлинского кольца и был окружен, все же гарнизон генерала Реймана защищал столицу прусских королей до последней возможности. Накануне некоторые части армии генерала Венка просочились в район юго-западнее Потсдама и через Швиловзее вывезли на лодках незначительный отряд окруженных. Весь же гарнизон города оказался в прочном кольце.

Вокруг Потсдама с трех сторон — с юга, востока и севера — лежали озера и каналы, город как бы забаррикадировался водными преградами. Вот почему командир 175-й Уральско-Ковельской дивизии генерал З. Выдриган приказал строить переправы через канал, протекающий севернее Потсдама, и в то же время сосредоточивал лодки, машины-«амфибии» и другие средства переправы у северного берега озера Юнгферн.

Уже в ночь на 27 апреля один из батальонов был посажен на «амфибии» и под покровом темноты благополучно высадился на противоположном берегу. Это

была первая победа. На рассвете наша артиллерия открыла огонь у канала и вызвала ответный. Один за другим батальоны пересекли озеро Юнгферн на «амфибиях» и специально сбитых плотах. Плацдарм, занимаемый ими, непрерывно увеличивался и по фронту, и в глубину. С первым батальоном высадился и принял командование боем генерал З. Выдриган.

К 10 утра за озером сосредоточились почти вся дивизия, истребительно-противотанковый дивизион и части артиллерийского полка. Как только была переправлена последняя пушка, генерал приказал начать атаку города.

Часы показывали 10 часов 30 минут. Мимо фольварков, мелких озер, через сады батальоны подошли к городу, захватили Мраморный дворец и завязали бои на улицах и площадях. Несмотря на сильное сопротивление, к полудню центр Потсдама был в руках дивизии. Ее батальоны ворвались в расположение дворца Сан-Суси, Нового дворца Цицилианхоф, гарнизонной церкви, в которой были похоронены прусские короли Фридрих Вильгельм I и его сын Фридрих II Великий. Надежды гитлеровцев превратить Потсдам в город-крепость не оправдались. Они считали, что имеют для этого достаточное количество войск — около корпуса, много оружия и боеприпасов. Рассчитывали они и на то, что генерал Венк вновь появится в районе Швиловзее. Но не получилось. Гарнизон города частью был уничтожен, остатки его сдались в плен или бежали на юг, где уже были к тому времени танкисты генерала Д. Лелюшенко.

К полудню на башне фамильного замка прусских императоров развевался красный флаг. Захарий Петрович Выдриган покинул свой наблюдательный пункт в Вильдпарке и приехал в этот замок. Тут же генералу доложили:

— С вами просят свидания представители магистрата города.

— А что им нужно? Мы мирных граждан не трогаем.

— Они очень возбуждены.

— Пусть войдут.

В темный тихий зал вошли два человека в черных костюмах. Захарий Петрович, положив обе руки на

подлокотники большого кресла, пристально смотрел на вошедших.

Крестьянский сын из села Казацкого на Херсонщине, солдат-разведчик в годы первой мировой войны, а теперь генерал — командир дивизии в столице прусских королей принимал посланцев города.

Еще в марте 1942 года, когда Выдриган командовал запасным стрелковым полком, он узнал, что оба его сына погибли на фронте. Эти известия, которые он получил почти одновременно, потрясли его. Тогда же он подал рапорт командиру бригады, в котором писал: «Точно так же, как рыба рвется из аквариума в широкие речные пространства, так и солдат рвется в бой, тем более солдат, участвовавший в трех войнах — империалистической, гражданской и отечественной... На войне погибли оба мои сына, Александр и Николай — молодые командиры Красной Армии... Прошу направить меня в действующую армию».

Теперь генерал принимает представителей бургомистра.

— Я вас слушаю...

Один из вошедших, низко склонившись, подошел к генералу и преподнес ему ключ от города. Когда-то этим ключом пруссаки открывали ворота Потсдама-крепости. Теперь он им был не нужен. Итак, ключ, предназначенный для открытия ворот, окончательно закрыл кольцо вокруг Берлина.

Радость близкой победы совпала с получением известия от сына Николая, который считался погибшим. Сын, тоже ничего не знавший об отце, услышал по радио информацию о том, как генерал Выдриган принимал ключи от Потсдама. Николай сообщал, что был тяжело ранен, но выжил, вновь встал в строй, совершил около семисот вылетов и сбил 19 самолетов.

Но радость была печально короткой...

Герой Советского Союза Николай Выдриган погиб при исполнении задания вскоре после парада Победы, участником которого он был.

* * *

Снаряды уже рвались на территории имперской канцелярии. Ротмистр Герхард Больдт писал в тот день в своем дневнике:

«Удушливый запах серы и известковая пыль наполнили комнату... Наверху начиналось настоящее пекло. Снаряд за снарядом взрывался на территории канцелярии. Все бомбоубежище ходило ходуном, как при землетрясении. Минут через пятнадцать огонь как будто стал ослабевать и, судя по грохоту, переместился в направлении Потсдамской площади...

Я старался уснуть, но не мог. В половине шестого русская артиллерия открыла огонь более сильный, чем раньше. Обстрел превратился в непрерывный раскат грома, какого я еще не слыхал за всю войну. Вентиляторы неоднократно приходилось выключать больше чем на час. Самый верхний слой бетона был пробит в нескольких местах, и нам было слышно, как сыпалась известка на второй его слой. Среди грохота орудий все чаще раздавались глухие, тяжелые взрывы бомб. Ураган огня и стали обрушился на имперскую канцелярию и правительственный квартал. Антенна нашей радиостанции на 100 ватт рухнула... Нам несколько раз казалось, что обстрел достиг уже своего предела, но мы ошибались. Недостаток воздуха становился невыносимым. Головная боль, затрудненное дыхание к концу дня усилились. Люди в убежище впали в состояние апатии»[1].

Именно поэтому обычное «обсуждение ситуации», несмотря на крайне печальные «донесения с мест», никого, и даже «фюрера», не взволновало. Все сидели молча. И только сообщение о том, что войска генерала Буссе — огромная двухсоттысячная группировка, окруженная в лесах юго-восточнее Берлина,— частично прорвали кольцо, двинулись в район Барута и пошли на соединение с войсками генерала Венка, словно очередная доза камфары, внесло некоторое оживление. Но Кребс умолчал о том, что эта прорвавшаяся и вновь окруженная войсками 1-го Украинского фронта группировка, двигаясь на запад, постепенно уничтожалась.

В дневнике объединенного командования в тот день было записано: «В Берлине идут ожесточенные бои на внутреннем обводном кольце... Несмотря на все приказы и мероприятия по оказанию помощи Бер-

[1] См. «Правда», 1 января 1948 г.

лину, этот день явно свидетельствует о том, что приближается развязка битвы за столицу Германии»[1].

Еще накануне Гитлеру потребовался генерал Фегелейн. Однако найти его смогли только на другой день к вечеру. Эсэсовцы захватили его на западной окраине Берлина: он собирался отбыть в неизвестном направлении, прихватив с собой чемодан со слитками золота и деньгами в различной валюте. Его доставили в бункер и заперли в комнате начальника обороны правительственного квартала генерала Монке.

По приказу Гитлера генерал Монке и два офицера должны были допросить Фегелейна и предъявить ему обвинение в измене фюреру и Германии. Но Фегелейн, обнаружив в комнате у генерала вино, напился. Ни на какие вопросы он не желал отвечать, требовал свидания с женой, с Гиммлером или с Гитлером.

Вся эта сцена напоминала дешевый водевиль: головорезы в генеральских мундирах обвиняли в предательстве такого же предателя немецкого народа, какими были они сами. Гитлер приказал его расстрелять.

В тот же день в бункере появилось покаянное письмо Геринга, написанное им из тюрьмы. Но это письмо Гитлеру не показали. Радио передало следующее коммюнике:

«Рейхсмаршал Герман Геринг уже длительное время страдал болезнью сердца, которая теперь вступила в активную стадию. Поэтому он сам просил, когда требуется напряжение всех сил, освободить его от руководства военно-воздушными силами и связанных с этим задач. Фюрер удовлетворил эту просьбу. Новым главнокомандующим военно-воздушными силами назначен генерал-полковник Риттер фон Грейм, который одновременно произведен в генерал-фельдмаршалы»[2].

Вечером в бункере появился Вейдлинг. Он говорил о катастрофическом положении с доставкой снарядов и питания по железной дороге и по воздуху. С потерей аэродромов Гатов и Темпельхоф оно еще больше ухудшилось. Генерал хотел убедить Гитлера в безнадежности положения.

Ничем не мог утешить своего «фюрера» и генерал

[1] «Совершенно секретно», стр. 582.

[2] См. *Г. Розанов*. Крушение фашистской Германии, стр. 147.

Кребс: от Венка никаких сведений не было, от «группы Штейнера» — тоже. В довершение всего заместитель министра пропаганды доктор Науман сообщил, что иностранное радио передало о вступлении Гиммлера в переговоры с англо-американским командованием и о том, что его предложение о капитуляции союзниками отклонено...

Вейдлинг записал в своем дневнике:

«Потрясенный фюрер долго смотрел на доктора Геббельса и затем тихо, невнятно пробормотал что-то, чего я не мог разобрать. С этого часа в имперской канцелярии на Гиммлера смотрели как на изменника.

Особое значение в общей обстановке, о которой Кребс продолжал докладывать, имел глубокий прорыв русских в направлении Нойштрелиц на участке группы армий «Висла». Командующий этой группой армии генерал-полковник Хейнрици в своем донесении объяснял быстрое продвижение русских тем, что боевой дух подчиненных ему частей непрерывно падал.

Вскоре после этого меня отпустили, однако до поздней ночи я ожидал генерала Кребса, который вместе с Геббельсом оставался у фюрера...

Во время ожидания я подсел к Борману, Бургдорфу, Науману, Аксману, Хевелю и адъютантам фюрера. За нашим столом сидели также две женщины — личные секретари фюрера... Во время беседы я высказал свои соображения по поводу обороны Берлина и заявил, что следует прорваться из окружения, пока еще не поздно. Я сослался на большой опыт последних лет, свидетельствующий о том, что прорыв из «котла» только тогда увенчивается успехом, когда одновременно ведется наступление извне на выручку окруженной группировки. В заключение я назвал эту безнадежную борьбу за Берлин безумием. Со мной были согласны все, даже рейхслейтер Борман... Когда позднее появился генерал Кребс, я высказал ему те же соображения и завоевал его настолько, что он поставил мне задачу — доложить завтра вечером фюреру мой план прорыва»[1].

---

[1] «Совершенно секретно», стр. 616—617.

28 АПРЕЛЯ

Комкор Семен Переверткин.— Бои за мост Мольтке.— Первые отряды на северном берегу Шпрее.— Максим и Марина встретились.— У врага в подземелье

Фашистскому Берлину стало трудно дышать. У него больше не было окраин, он весь съежился между Шпрее и каналами. Не было и тыла. Войска лишены были возможности маневрировать на улицах и площадях: они были под прямой наводкой нашей артиллерии. Фашисты маневрировали между... этажами.

Бессмысленность сопротивления была очевидна, однако гитлеровцы не только продолжали борьбу, но довели свой фанатизм до безумия. Некоторые, боясь возмездия за преступления перед своим народом, кончали жизнь самоубийством в своих квартирах на глазах у близких.

Мне приходилось бывать в таких домах и в районе Карова, и Панкова, и вот теперь в районе Моабита.

Наступление наших войск шло со всех сторон. Теперь уже ни одна вражеская воинская часть не могла вырваться из берлинского кольца, а части генералов Буссе и Венка не могли проникнуть в столицу. Войска фронта вели наступление на центр Берлина. Главные события развивались в районе действий корпуса С. Переверткина. Потому мы решили держаться поближе к нему и к командирам дивизий. На их картах — мы это видели — появились жирные красные стрелы, острия которых упирались в рейхстаг. Один из офицеров штаба рассказал мне, что Семен Никифорович Переверткин с такой силой чертил эту стрелу, что сломал два красных карандаша. Стрела проходила через Шпрее, по мосту Мольтке. Это была последняя водная преграда.

Сколько их было на пути наших войск? Терек, Дон, Днепр, Неман, Висла, Одер — широкие, быстро-

ходные реки. А эта? Ширина около 40 метров, гранитные берега, а взять трудно, может быть, труднее, чем широкие и полноводные.

Мы договорились с Горбатовым, что один из нас будет находиться на корпусном, а другой на дивизионном командном пункте, а вечером, встречаясь на своем КП, поближе к узлу связи, обмениваться впечатлениями и писать очередную корреспонденцию в «Правду». Борис выбрал командный пункт Шатилова, а я — Переверткина.

28 апреля мы проснулись поздно, и штабные офицеры подзадорили нас: «Проспали... Вот-вот Моабитская тюрьма падет, а ведь там Геббельс...» Мы переглянулись и поехали по разбитым улицам, «ближе к огню». По дороге, конечно, заехали на НП Переверткина, в районе вокзала Бейсельштрассе. Генерал был занят, и нам пришлось подождать.

Время от времени, когда открывалась дверь в его комнату с разбитыми окнами, оттуда доносился басовитый голос, слышались обрывки телефонного разговора, в котором несколько раз упоминалось слово «Моабит».

За последнее время мы ближе узнали комкора, восхищались его решительностью, скромностью, душевностью. Узнали и его биографию. Семен Никифорович — крестьянский сын из воронежской деревни. Был батраком. В годы гражданской войны белогвардейцы расстреляли его отца и сестру. Подросток рано понял сущность классовой борьбы. В то неспокойное время юношей он вступил в части особого назначения — «ЧОН» и выполнял различные приказы по охране железнодорожных объектов.

Затем пехотная школа, военное училище, академия. Войну он начал в чине майора. За долгие ее четыре года многое он повидал и перечувствовал. Не раз сам командовал боем, не раз был ранен. Солдаты видели и его простреленную фуражку, и его опаленную огнем шинель.

В первый месяц войны командный пункт его части оказался окруженным. Все уже уехали, остался только Семен Никифорович, собиравший в планшетку бумаги, приказы, донесения. Когда он вышел на улицу, слева из леса выходило несколько вражеских

танков, прямо по дороге двигались мотоциклисты, а справа и сзади слышалась автоматная стрельба...

Переверткин сел в броневик и двинулся было в сторону автоматчиков, но снарядом из танка машина была подбита. Тогда он вышел из броневика, сел в «эмку», дал «полный газ» и на глазах ошеломленных мотоциклистов проскочил по дороге в лес. Снаряды из танков, пущенные ему вслед, не достигли цели, а вмятины от автоматных пуль он обнаружил на «эмке» значительно позже...

И вот теперь крестьянский сын в чине генерала ведет целое воинство на штурм рейхстага. В его биографии — суть и мудрость нашего советского времени.

Когда мы вошли к нему, он сказал:

— Сейчас приведут «ростокского морячка» из отряда, который адмирал Дениц направил Гитлеру для спасения рейхстага. Вчера этот отряд спустился с парашютами в парке Тиргартен, близ имперской канцелярии...

Батальон был составлен из отчаянных моряков, фанатично преданных фюреру. Но тот, кого мы увидели, не был похож на фанатика. Он все время плакал, проклинал Гитлера и Деница, умолял о пощаде...

Невольно вспомнился эпизод, происшедший в городе Ландсберге. Назначенный комендантом кубанский казак подполковник Ковтюх издал там приказ: «Немедленно явиться членам национал-социалистической партии, имея на руках партийные билеты». В Ландсберге было 200 нацистов, из них в точно назначенный час пришли 199 и хором объяснили, что двухсотый болен и явиться не может. Помнится мне, как Ковтюх, рассматривая их коричневые книжонки, усмехнулся: «Хороша же эта партия, которая сдается оптом!», и, обращаясь ко мне, спросил:

— Как думаешь, майор, сколько бы коммунистов явилось по приказу немецкого коменданта? — И рассмеялся так заразительно, что все мы, присутствовавшие в комнате, тоже засмеялись...

Начался допрос пленного гитлеровца. Высокий, широкоплечий, в офицерском мундире, небритый, с красными испуганными глазами, он все время поглядывает на переводчика, словно прося его передать, что

он не верил и не верит Гитлеру и готов на все, лишь бы ему сохранили жизнь. Генерал смотрел на него с нескрываемым презрением.

— Когда вы оказались у имперской канцелярии?

— Вчера в 12 часов дня.

— Что было дальше?

Пленный опускает глаза...

— Нам сказали, что моряков примет Гитлер и даст напутствие. Еще в Ростоке обещали, что мы будем охранять фюрера и имперскую канцелярию, о рейхстаге же не было и речи... Но нас выстроили во дворе имперской канцелярии, которая обстреливалась из орудий. Нужно сказать, что в Ростоке мы жили спокойно.— Пленный замолчал.

— А Гитлер с вами беседовал?

— Нет. Из бункера к нам поднялся генерал Монке и передал нам приказ фюрера умереть, но не отдать рейхстага.

— Ну, а дальше?

— Нас провели через Бранденбургские ворота, через Кенигсплатц, и тут у моста Мольтке я поднял руки...

— Знаете ли вы о числе войск, охраняющих рейхстаг?

— Нет, нам говорили, в Берлин должна прийти армия генерала Венка.

— Не придет,— усмехнулся генерал.— А что вы видели на Кенигсплатце?

— Рейхстаг укреплен. На площади много пушек, у здания — танки, зенитные батареи...

Но это мы знали и без него. Кругом все ощетинилось, вооружено до зубов и в предсмертном оцепенении ждало схватки.

Немца увели. Тут же раздался звонок, и повеселевший генерал сказал нам:

— Тюрьма Моабит взята!.. Хорошо!

...С утра батальон Неустроева был повернут на север, на тюрьму Моабит. Туда же направили и батальон А. Блохина, а одна рота пошла в обход через улицу Ратеновер.

Окруженная тюрьма сопротивлялась отчаянно. Успех сражения решили действия батальона А. Блохина.

Танк, подавив крупнокалиберный пулемет, протаранил массивные чугунные ворота тюрьмы. Это помогло ворваться пехоте 525-го полка дивизии А. Негоды.

Один из участников штурма рассказывал нам:

— Первое, что мы увидели,— красные лоскутки, которыми через решетки окон размахивали узники. Откуда они их взяли?..

Охрана тюрьмы быстро сдалась. Пехотинцы и саперы бросились в корпуса, сбивали камерные запоры, освобождали узников. Их были тысячи. Среди них много пленных солдат английской и американской армий. Можно представить радость освобожденных, которых чудом не успели уничтожить. Части вернулись на Альт-Моабит и с боями пробивались к мосту Мольтке — ближайшему пути на Кенигсплатц. Однако сильный огонь заставил приостановить наступление.

— Нет, нет,— кричал до хрипоты комбат Неустроев,— отходить нельзя, держитесь за дома. Улицы справа занимают мочаловцы, немцы там не пройдут... Держитесь!

На лбу его появилась испарина, заросшее лицо было утомлено, глаза покраснели от бессонницы. Три дня и три ночи Неустроев, как он говорил, «спал на ходу». Три дня и три ночи, то утихая, то вновь вскипая огнем пушек и автоматов, шел бой батальона с эсэсовской дивизией. И теперь, когда одна из его рот — рота Панкратова — вклинилась во вражескую оборону и острие ее было направлено на мост Мольтке, гитлеровцы открыли огонь из дивизиона тяжелых пушек в районе Кенигсплатца — тех самых, о которых говорил пленный моряк.

Наблюдательный пункт Неустроева находился на третьем этаже разрушенного дома по Альт-Моабит. Оттуда ему хорошо видно было серое небо Берлина, тяжело повисшее над площадью Кенигсплатц, где часто вспыхивали огни, и длинная широкая улица с горящими домами. Сюда ежеминутно прибегали связные из рот, взводов, батарей; сюда взбирались санитары с ранеными солдатами, бегали телефонисты, чинившие то и дело рвущиеся провода, радисты. Неустроев сидел на краю опрокинутого ящика из-под патронов,

слушал донесения, отдавал короткие приказания и все всматривался в сторону Кенигсплатца, где сквозь дым вырисовывались контуры большого дома у самого моста Мольтке, но по ту сторону Шпрее. Это было швейцарское посольство.

Гитлеровцы продолжали вести интенсивный огонь теперь уже не только с Кенигсплатца, но и из этого дома у моста, с третьего этажа, куда, по всей видимости, они подняли пушки и поставили их на прямую наводку на улицу Альт-Моабит.

Именно в этот момент командир роты позвонил Неустроеву и попросил разрешения отойти на следующую улицу.

— Нет, нет, нет,— ответил Неустроев. Он знал, что отход этой роты может поставить в тяжелое положение соседнюю, а главное — плохо подействует на настроение бойцов всего батальона, которые, конечно, заметят движение назад.

Звонок командира роты смутил Неустроева, заставил спуститься с третьего этажа и пойти по горящей улице в грохот боя. Под свист пуль он шел по Альт-Моабиту и, когда оказался в расположении роты, успокоился. Панкратов встретил его с улыбкой. Рота «зацепилась» за три больших дома и отбила атаки фашистов.

Ни одного дома, ни одного метра гитлеровцам не удалось взять обратно. Но и батальон приостановил наступление: нужно было оглядеться, привести роты в порядок, подтянуть огневые средства, передохнуть. Тем временем к Шпрее подошли остальные батальоны полка и другие полки: справа — Мочалова, овладевший целым кварталом, во втором эшелоне — Плеханова, а левее — дивизия полковника Негоды.

Тюрьма Моабит стала ближним, но все же тылом.

На наблюдательный пункт генерала Шатилова с утра непрерывно звонили Зинченко, Мочалов. Генерал спокойно выслушивал их донесения, давал новые распоряжения, а в конце обязательно добавлял: «Постарайтесь захватить Геббельса живым».

Вечером, когда мы находились на КП генерала Шатилова, генерал перед отъездом на наблюдательный пункт полка успел нам рассказать, как он обходил несколько групп пленных, захваченных в Моабит-

ской тюрьме, всматривался в лицо каждого и спрашивал: «Среди вас нет Геббельса?»

Шатилов уехал, а мы в сопровождении двух офицеров штаба решили пробраться к Моабитской тюрьме. Машина медленно двигалась по заваленной щебнем улице Вильгельмс-Хафенер. Оттуда, прижимаясь к стенам, мы медленно шли пешком. Пересекли Штромштрассе, прошли мимо маленького садика и увидели в тумане большую красно-коричневую задымленную стену, в нескольких местах которой зияли дыры. Было еще светло, и мы, подойдя ближе, могли рассмотреть один из корпусов. Он не был похож на здание тюрьмы: красивое двухэтажное сооружение старой архитектуры с двумя башнями, с многофигурной скульптурой между ними, с лоджиями, портиками, лепными украшениями. Перед ним — сухой фонтан со скульптурой льва, терзающего своими лапами змею. Поразила нас свежая зелень вокруг фонтана.

Тут же мы встретили заместителя командующего артиллерией корпуса полковника А. Смирнова, который рассматривал результаты работы орудийных расчетов. Он только что облазил тюремные помещения.

— Вы, наверное, знаете,— сказал он,— что здесь томился Тельман... Сейчас только старый сторож тюрьмы, бог весть как оставшийся в живых, показал мне камеру Тельмана в подвальном этаже. Площадь не больше шести метров, с каменным полом и маленьким зарешеченным окном наверху. У стены — откидная железная кровать и табурет. Стены покрыты плесенью.

Еще раньше — в 1933 году — здесь ждал суда Георгий Димитров.

Пока мы осматривали Моабитскую тюрьму, в двух километрах от нас происходило сражение за мост Мольтке. Он был полуразрушен, забаррикадирован и со стороны улицы Альт-Моабит, и со стороны набережной Кронпринца. Кроме того, мост находился под многослойным перекрестным огнем пулеметов и орудий, установленных в швейцарском посольстве, и с нескольких этажей здания министерства внутренних дел, названного «домом Гиммлера».

Ночью мы встретили начальника политотдела 3-й армии Федора Яковлевича Лисицына, который всегда

с вниманием и доверием относился к нашему брату корреспонденту.

Мы частенько заглядывали к нему, когда нужно было прояснить обстановку, пока еще скрытую от нас военачальниками. К тому же полковник всегда знал больше нас и посвящал в последние события.

Мне нравилось и то, что Федор Яковлевич в своих рассказах никогда не «лакировал» обстановку и старался дать объективную картину войны. Он не раз говорил: «Если мы не покажем всей суровости сражения, как же мы объясним, что разбили страшную машину фашистской армии».

Вот почему он не скрывал ни побед, ни потерь. Я аккуратно записывал его рассказы.

Ночь на 29 апреля была поистине героической. О ней стоит вспомнить. Теперь уже наш рассказ пойдет не только об армиях, корпусах и дивизиях, но больше о батальонах, штурмовых отрядах, ротах, взводах.

События тех дней, словно через увеличительное стекло, показывают нам новых героев, детали боев за мосты, рвы, баррикады. Здесь уже трудно углядеть за точными разграничительными линиями. Подразделения разных полков действовали совместно, синхронно, и, решая общую задачу, все младшие командиры и политработники осуществляли никем не предписанное и заранее не предусмотренное. Анализ этих многочисленных «микробоев», из которых складывалось большое сражение, показывал воинскую зрелость, опытность, находчивость нашего младшего командного состава, блестяще выдержавшего экзамен.

К вечеру к мосту подошли и укрылись за разрушенными домами полки 150-й и 171-й дивизий. Снова они вместе.

Перед ними лежал почти нетронутый мост. Почему? Никто этого не знал. А может, он заминирован? На мосту видны были надолбы, стальные ежи и две баррикады: одна примыкала к северному берегу реки, а вторая — к южному.

Мост простреливался противником с разных сторон — с Лертерского вокзала, с Тиргартена и с ближайших домов набережной Кронпринца. Посланная еще засветло разведка пыталась подойти к мосту, но

имела потери и вернулась ни с чем, хотя и обнаружила проход в первой баррикаде. Видимо, под ударами артиллерии образовалась пробоина.

Когда стемнело, к разным укрытиям поблизости от моста стали подтягиваться подразделения батальонов С. Неустроева и К. Самсонова. Громыхая, подходили танки и самоходки, орудия устанавливали дула для ударов прямой наводкой, появились связисты, радисты, саперы.

Готовился бой. Плацдарм боя — мост длиною в 50 метров, а шириной менее 30. Всего! Но этот мост вел к главной цели — Кенигсплатцу, на котором было множество правительственных зданий, а среди них — рейхстаг.

За несколько часов до этого мы слышали телефонный разговор Семена Никифоровича Переверткина со своими комдивами. Каждого он выслушивал, приговаривая «так, так», и карандашом делал пометки на карте. Затем он ставил задачу комдивам, называя номера полков и батальонов, танковых бригад, артиллерийских соединений, и снова делал пометки на карте. Несколько раз он сказал: «Сами понимаете, разглагольствовать не буду». Почти все разговоры он заканчивал пожеланием успеха и словами: «Жду хороших вестей».

— Вот вы смотрите на карту и на мои красные закорючки как на плотную бумагу, раскрашенную в несколько красок... Так ведь?

Борис ответил:

— Почему же?

— Ну в лучшем случае,— продолжал генерал,— как на говорящую бумагу...

Мы молчали.

— А для меня каждый знак на ней движется... Вот я вижу, как подходит батальон Самсонова, а вот — Борисовца, а вот — Неустроева, а туда дальше двинулись пушки Гладких, впереди пошли танки...

Генерал встал, заходил по комнате и сказал:

— Ну, ребята, все. Начинается!..

В этом деловом, немного суховатом разговоре комкора с комдивами, по сути дела, был четкий план начала решающего наступления. Хотя раньше и ставилась общая задача корпусу и определялись сроки дви-

жения частей, все же конкретный план с наименованием дивизий, полков и даже батальонов рождался сейчас, когда войска были еще на северном берегу Шпрее, а в оперативном отделе оформляли приказами задания комкора.

Деловитость и расчет замысла, не подкрашенные ложным пафосом, были стилем нашего высшего командования и прекрасно выражались и командармом В. Кузнецовым, и комкором С. Переверткиным.

Все, конечно, понимали и историческое величие этих дней, и значение боя за мост. Понимали, что это последний мост. Но это не могло нарушить привычного стиля управления войсками, сложившегося давным-давно в недрах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и не изменившегося до великих победных дней.

...В сумерках группа человек в двадцать с автоматами в руках стремительно бросилась из разрушенного дома прямо на мост Мольтке...

Оставшиеся в укрытии видели, как автоматчики, пригибаясь, миновали трещину первой баррикады и, несмотря на сильный огонь, пробежали по мосту мимо второй баррикады и очутились на том берегу. Оттуда доносились стрельба и взрывы гранат... Кто же это?..

Смельчаками оказались солдаты взвода лейтенанта М. Крутых из батальона Самсонова. Они ворвались в первое же здание и завязали бой с гитлеровскими солдатами. Бой был неравным. Вслед за ними двинулась многочисленная рота Н. Гончаренко. Противник усилил огонь, желая отсечь Крутых и уничтожить его взвод. Но на мосту уже были рота Е. Панкратова, рота А. Коршуна, рота А. Сочивка, группа капитана Г. Самойлова. Все они перебежками, укрываясь за баррикады, двигались к южному берегу. Здесь каждый метр был отмечен кровью. Панкратов был ранен в живот.

Между тем положение Крутых было критическим — в его взводе оказалось много раненых и несколько убитых. Гитлеровцы выдвинули на мост самоходку, открывшую огонь по смельчакам, идущим на помощь Крутых. Неизвестно, чем бы кончилась эта операция, если бы рядовой Медведев не подбил вражескую машину из противотанкового ружья. Она не

только умолкла, но и загорелась. Это помогло группе Самойлова прорваться к взводу Крутых. Но Крутых был уже мертв. Он своим подвигом открыл путь через мост Мольтке. Тяжело ранило в бедро и капитана Г. Самойлова.

Тем временем капитан А. Лебедев с саперами из дивизии А. Негоды и группа саперов под командованием старшего лейтенанта Червякова из дивизии В. Шатилова под огнем обезвреживали мины, растаскивали балки и рельсы баррикад, расчищали проходы для танков. Широко двинулась по мосту пехота, вразвалку пошли танки, пушки катились на прицепах. Лебедев приказал лейтенанту Гетманцеву спуститься и проверить левую опору моста. Лейтенант сразу же обнаружил два фугаса, которые должны были взорвать мост, но электропроводка, ведущая к ним... оказалась перебитой осколком снаряда... Вот почему уцелел мост!

— Бог войны на нашей стороне! — крикнул кто-то.

Позже переправились другие подразделения. Они шли, ползли, перебегали последние метры моста, не обращая внимания на раны, вступая в рукопашную схватку. С ними был и начальник штаба неустроевского батальона Кузьма Гусев. Около Гусева разорвался снаряд, его подбросило в воздух, и он упал в Шпрее...

На мосту был убит командир медсанбата Бойко.

Ночью стало известно, что в полку Плехаданова убит командир батальона М. Твердохлеб и его тут же в бою заменил В. Давыдов. В тот же вечер был тяжело ранен командир роты Иван Гусельников, которого заменил парторг роты старший сержант Илья Сьянов.

Вот что рассказали нам полковник Ф. Лисицын и офицеры оперативного отдела.

Ночью, когда мы увиделись с Василием Митрофановичем Шатиловым, он был подавлен известиями о гибели отличных командиров и больше ни о чем другом говорить не мог.

— Как же так,— говорил он,— за несколько дней до победы!.. Как же это нелепо, как жестока эта трижды проклятая война!..

Военные пути и судьбы поистине неисповедимы. Надо же было случиться, что именно в тот день Чубук встретился со своей Мариной. После жаркой схватки

его взвод был выведен для пополнения во второй эшелон. Максим остановился в доме на одной из прифронтовых улиц, зашел в какую-то квартиру, повалился на широкую кровать и уснул мертвым сном. Обветренное молодое лицо его зарумянилось, а рыжеватый чуб упал на вспотевший лоб.

Марину разыскала и привела Галина Олещенко. И вот теперь она стоит над кроватью и сквозь слезы смотрит на родной и такой изменившийся облик брата.

— Максимка... Максимка,— беззвучно шепчет она.— Какой стал...

Она не заметила, как к кровати подошли солдаты и сержанты. Все были глубоко взволнованы этой сценой и молча смотрели на Марину. И когда Марина рванулась было к Максиму, кто-то из солдат взял ее за руку и тихо сказал:

— Пущай поспит, две ночи мытарился... Теперь он никуда не уйдет... Я извиняюсь, а вы кто ему будете, а то слышу все Марина да Марина...

— Сестра...

— Ага, понятно, но не похожа на Максима...

Чубук простонал во сне и приоткрыл глаза.

— Максимушка,— тихо позвала Марина.

Чубук открыл глаза, увидел стоящих рядом Андрея Кожу, отделенного командира Корнея Орехова, а затем уж Марину. «Мерещится, что ли?» — мелькнула мысль. И снова закрыл глаза.

Послышался сдержанный смешок.

— Максимушка, это я,— сказала Марина.

Чубук вскочил, не веря, что все это явь, а не сон. Марина бросилась к нему, и они крепко обнялись.

Рассказам не было конца. Марина всплакнула, узнав о тяжелом ранении отца, дважды перечитала письма матери к Максиму. Особенно запомнились строчки: «Люся Демидова выходит замуж за Мишу Федорова, он вернулся из госпиталя, очень славный, хороший парень...»

«Совсем мирная жизнь... Свадьба,— подумала она,— а тут стрельба, кровь, смерть...»

А через несколько часов Максим Чубук повел взвод к Шпрее. Марину направили в комендантскую роту.

* *
*

В подземелье царили хаос и сумятица. Никто не отдавал отчета в происходивших событиях. И в этой обстановке Ева Браун заявила, что если ей суждено уйти из жизни, то она хотела бы это сделать, будучи женой Адольфа Гитлера.

Так родилась идея этой трагикомической брачной церемонии. Для ее проведения, после долгих поисков, был найден некто Вальтер Вагнер, который знал все формальности брачных актов. В присутствии Геббельса и Бормана он совершил акт бракосочетания.

С утра 28 апреля генерал Вейдлинг вместе с начальником штаба танкового корпуса полковником фон Дюффингом разрабатывали план прорыва из Берлина. В их распоряжении находилось еще 40 танков и штурмовые орудия, которые должны были прорываться тремя эшелонами.

Генерал Кребс, хотя и знал о нетерпимом отношении Гитлера и Геббельса ко всяким планам эвакуации, все же проявил большой интерес к акциям Вейдлинга, не раз звонил ему и интересовался степенью обеспеченности операции.

Бои продолжались в непосредственной близости от правительственных учреждений. Надежд на спасение не оставалось.

Вейдлинг записал в своем дневнике.

«Снова мы, солдаты, были одурачены планами фантазера, который, несмотря на многочисленные поражения последних трех лет, не научился учитывать прежде всего истинное положение и силы противника. Был ли фюрер только фантазером, или же он был душевнобольным? Или же он был настолько разрушен морально и физически, что мог поддерживать себя только морфием или другими ядами и в таком состоянии приходил к своим сумасбродным идеям? Для каждого здравомыслящего человека все более становилось ясно, что дальнейшая борьба будет делом бесполезным и безнадежным»[1].

[1] «Совершенно секретно», стр. 618.

В 22 часа началось очередное «обсуждение ситуации». Вейдлинг еще раз напомнил о передвижении крупных сил русских на юго-запад, что совершенно лишало единственный корпус так называемой армии Венка возможности пробиться в Берлин. Резервов больше не было. Склады боеприпасов, продовольствия, санитарного имущества были захвачены Советской Армией.

Вейдлинг сделал вывод, что войска могут сопротивляться не более двух дней, а потому предложил свой план прорыва из «берлинского котла» и представил карту с обозначением районов, улиц, мостов, по которым должны были пройти группы прорыва, а также число и наименование каждой воинской единицы.

Еще не ознакомившись с планом и картой, Геббельс в резких выражениях отвергал возможность ухода из столицы. Наступило молчание.

«Фюрер долго размышлял. Он расценивал общую обстановку как безнадежную,— писал Вейдлинг.— Это было ясно из его длинных рассуждений, содержание которых вкратце можно свести к следующему: если прорыв даже и в самом деле будет иметь успех, то мы просто попадаем из одного «котла» в другой. Он, фюрер, тогда должен будет ютиться под открытым небом или в крестьянском доме, или в чем-либо подобном и ожидать конца. Лучше уж он останется в имперской канцелярии. Таким образом, фюрер отклонил мысль о прорыве. Снова доктор Геббельс льстиво поддакивал фюреру. Я вновь и вновь убеждался в том, что бороться против этой клики было напрасным трудом» [1].

Гитлеровцы под ударами частей Советской Армии отступали к имперской канцелярии и механически попадали в подчинение к генералу Монке, который командовал группой, находившейся на участке, названном «Цитаделью».

Под утро Гитлер вызвал Монке и просил его заготовить бензин. «Я должен заблаговременно уйти из жизни,— сказал он,— чтобы успели сжечь мой труп...»

Артиллерийская стрельба отчетливо слышалась в бункере. Все подземелье не спит, многие пьют, многие собираются бежать, даже ближайшие офицеры Кребса.

[1] «Совершенно секретно», стр. 619.

Ротмистр Гергард Больдт и некоторые его друзья решили не ждать «конца света». Они хотят бежать под предлогом пробраться в штаб генерала Венка и оттуда доложить подлинное состояние дела. Они привлекли на свою сторону Бургдорфа и даже получили поддержку Бормана. Но нужно было еще попросить разрешения у Гитлера, а то не вышло бы, как с Фегелейном (его расстреляли во дворе имперской канцелярии накануне).

...А что же происходит на остальных участках фронтов, которыми командуют Кейтель и Йодль? Иногда им еще удается связаться с бункером, и тогда они получают новые приказы, смысл которых заключается в том, что никаких других задач, кроме деблокирования Берлина, верховное командование не имеет.

Кребс говорит:

— Фюрер требует, чтобы ему как можно скорее оказали помощь. В нашем распоряжении, самое большее, 48 часов. Если к этому моменту помощь не будет оказана, то будет уже поздно. Фюрер просит еще раз сказать вам об этом.

— Мы сделаем все, чтобы Венк и Буссе наступали,— отвечает Кейтель.— Там можно достичь успеха в результате удара на север...

После этого от Кребса поступает новый приказ, смысл которого тот же: все войска, действующие в районе между Эльбой и Одером, должны, не теряя времени, идти на Берлин.

Фельдмаршал Кейтель, покинув штаб, направляется на передовые позиции, чтобы лично проверить выполнение приказов, но, к своему великому удивлению, он встречает на дорогах части дивизий, которые движутся в направлении, обратном тому, что он приказал. Он ошеломлен. У него происходит стычка с командующим группой «Висла» генерал-полковником Хейнрици.

Вечером генерал Йодль связывается по телефону с Хейнрици и пытается уговорить его приостановить отход, но командующий группой «Висла» заявляет, что под влиянием обстановки он вынужден часть войск вывести за канал Хафель — Фосс и за реку Хафель. Йодль отдает приказ остановить войска. Но Хейнрици отвечает, что приказ невыполним...

Это было характерной картиной тех дней. Окруженные части 9-й армии Буссе получали приказы от своего командарма, затем — противоречащие приказы от Кребса, а после того — от Кейтеля или Йодля. То же было и с другими армиями. Командармы не знали, что им делать, и принимали решение «согласно обстановке».

Ночью, однако, Кейтель отстранил от должности генерала Хейнрици, а вместо него назначил командовать группой «Висла» генерала Штудента.

Кейтель получил от Венка телеграмму: «Армия на всем фронте подвергается такому нажиму, что наступление на Берлин далее невозможно...»

День 28 апреля ушел в историю.

29 АПРЕЛЯ

Встреча в лесу.— У генерала Берзарина — первого советского коменданта Берлина.— Бои за Александерплатц и за городскую ратушу.— Корпус И. Рослого приближается к имперской канцелярии.— Сражение за «дом Гиммлера».— «Интернационал» под аккомпанемент орудий.— У врага в подземелье

Поздно ночью мы вернулись в свою штаб-квартиру в Штраусберг. Маленький уютный городок на берегу озера. Мы не были здесь несколько дней. Утром Горбатов пошел в штаб фронта, а я с корреспондентом «Известий» Леонидом Кудреватых помчались в Берлин.

Дружба с Кудреватых у нас началась еще в Восточной Пруссии, когда мы работали в войсках 3-го Белорусского фронта. Мы и сейчас любим вспоминать, как, бывало, напевали понравившуюся шуточную песенку на слова К. Симонова:

Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать,
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное наплевать.

Мы понимали, что соревноваться нужно не в быстроте «получения оперативных сводок» и донесений (здесь все мы были в одинаковых условиях), а в быстроте осмысливания их, в быстроте написания корреспонденции или очерка, а главное — в качестве.

Вот и сейчас мы ехали вместе в Берлин, оставив «последние новости» у дежурной узла связи.

На нашем пути показался лес — Бухенфорст, тоже знакомый нам и каждый раз вызывающий тревогу и вынуждавший браться за автоматы. Он был тих, спокоен и словно бы гасил отдаленную стрельбу орудий. Такая тишина на фронте всегда настораживает.

Так было и на сей раз. Наш водитель Гриша Мирошниченко резко затормозил «эмку» и тихо сказал:

«Немцы». И действительно, впереди на правой обочине мы увидели большую группу солдат н одного офнцера, который, подняв руку с автоматом, как бы предлагал нам остановиться. «Попалнсь»,— мелькнула у всех одна и та же мысль. Нужно было удирать, ибо нас было трое, а их в десять раз больше. Но мы этого не сделалн, то ли потому, что растерялись, то лн испугались залпа в спнну. Я смотрел на Кудреватых, он на меня. Между тем немец что-то крнчал н размахивал автоматом.

— Чего они от нас хотят? — спросил Кудреватых.

— Они хотят нас убить и просят, чтобы мы подъехали ближе,— горько пошутил Гриша.

Немцы начали кричать хором и нестройно двинулнсь по шоссе к нам.

Тут мы решили разворачиваться — что будет, то будет, но, оглянувшнсь, увидели нагонявшую нас грузовую машнну, в кузове которой сидело человек пятнадцать солдат. Онн пели «Катюшу». Заметив нас и немцев, замолкли и притормознлн. Из кабины выскочил капитан, подошел к нам и откозырял.

— Вон, видите, немецкие солдаты,— сказал Кудреватых.

Капитан, недолго раздумывая, вынул из кобуры револьвер, взял с собой двух автоматчиков и двинулся вперед. Вскоре мы услышали, как он крикнул: «Штеен!» — и колонна немцев остановилась. Из нее вышел офнцер. Отпечатывая шаг, он подошел к нашему спасителю.

Мы наблюдали за переговорами двух офицеров. Оказалось, наш страх был напрасным: немцы хотели сдаться в плен и, увидев легковую машину с офицерами, вышлн из леса на обочнну.

Капитан предложил им сложнть оружие в кузов грузовой машины, н вскоре мы услышали грохот падающнх туда автоматов. Немцев же он направил в Бух, в советскую комендатуру.

Мы двинулись дальше, поглядывая, однако, в лесную чащу. Солнце стояло сравнительно высоко, но его лучи не могли пробиться сквозь чадный дым, кирпичную и каменную пыль, и лишь розовые отсветы ложнлнсь на лица людей и весь окружающий их разгромленный мир.

В штабе корпуса мы никого не застали, но выслушали квалифицированное «оперативное донесение» о боях за берлинский «пятачок». Было ясно, что теперь существует два эпицентра борьбы — за рейхстаг и за имперскую канцелярию, а остальные участки широкого фронта помогают решению этой главной задачи.

Сопротивление гитлеровцев становилось бессмысленным. Но бои не ослабевали и требовали огромного напряжения сил, огня всех родов войск и больших жертв. «Машина наступления» набрала уже такой ход, что остановить ее никто и ничто не могло.

Но война шла не только на этих «фронтовых пятачках». Армия генерала Д. Лелюшенко, продвигаясь к Бранденбургу, юго-западнее Берлина, вела бои с частями генерала Венка. Героические действия советских танкистов помогли другим армиям продолжать борьбу за центр фашистской столицы.

Общая картина была радостной. В назначенное время из Штраусберга приехал Б. Горбатов, а Л. Кудреватых давно уже отбыл к В. Чуйкову. Борис был возбужден. Он беседовал с членом Военного совета фронта генералом К. Телегиным и начальником штаба фронта генералом М. Малининым.

— Теперь я все знаю,— с лукавой улыбкой сказал Борис.— Нам легче будет писать, мы, так сказать, получили масштаб, а главное,— он начал быстро ходить по комнате, нервно потирал руки, лазил в планшетку, вынимал оттуда какие-то блокноты, смотрел в них, затем вновь запихивал их в планшетку,— главное то, что в штабе фронта абсолютное спокойствие, ни нервозности, ни восторженности, ни бахвальства, ни самомнения. Хладнокровие, уверенность...

Иная картина была в стане врага. Это отражалось не только в показаниях пленных, но и в приказах командиров полков и дивизий, в истошных криках воззваний генерала Реймана, развешанных по улицам на каждой тумбе, в истерических речах Геббельса.

— А у нас нервы были крепче,— сказал Борис,— и под Москвой, и под Сталинградом, и на Тереке... Войну нервов мы выиграли давно...

Генерал-полковник Берзарин назначил Горбатову и мне свидание на два часа дня, и мы, потолкавшись еще минут двадцать по комнатам штаба корпуса, дви-

нулись в тылы 5-й ударной армии. Ехали по асфальтированной дороге, и справа от нас слышались шумы далеких боев. Наконец мы свернули вправо и поехали к центру города, на улицу Альтфридрихсфельд, 18, где в старом, закопченном и побитом пулями и снарядами доме расположилась советская комендатура Берлина.

Часовой проверил наши документы, и мы вошли в здание с длинным коридором. В конце его мы нашли дверь, на которой мелом было написано: «Комендант города Берлина». Офицер проводил нас в соседнюю большую комнату, в которой было уже полно народа. За большим письменным столом сидели Николай Эрастович Берзарин и переводчик, а за длинным, покрытым зеленым сукном — сидели немцы в гражданской одежде. Все они были худы и бледны. Большинство подавленно смотрели вниз.

В ходе беседы мы выяснили, что это инженеры-специалисты, работавшие на электростанциях, водопроводе, в пекарнях, в торговых предприятиях, в трамвайных парках и метро. Они еще не представляли себе, о чем они должны говорить с этим стройным, смуглым, красивым генералом, войска которого штурмовали в этот день Александерплатц и здание ратуши. И в этот кажущийся им неподходящим момент он пригласил к себе работников коммунального хозяйства и спокойным голосом объявил:

— Сегодня в одиннадцати освобожденных районах наша армия раздает населению хлеб и картофель, открыто более тридцати хлебопекарен, пущены шесть мельниц.

Немцы внимательно слушали, а некоторые записывали что-то на листках бумаги.

Берзарин продолжал:

— Во всех районах созданы «группы содействия Советской Армии». Что это за группы? Они под руководством районных комендантов должны наводить порядок на улицах и в домах, подбирать и сдавать оружие, выполнять все приказы комендантов.

Далее из доклада немцы узнали, что на днях штурмовой отряд под командованием подполковника Ф. Галкина, наступая на Трептов-парк, ворвался в крупнейшую берлинскую электростанцию Румельсбург, которая работала на полную мощность.

— Станция действует н сейчас,— сказал Берзарнн.— С рабочимн установлен полный контакт. Онн аккуратно выполняют свон обязанностн...— Посмотрев иа карту, генерал добавнл: — Работают электростанцни в Клинкенберге н в Роменсдорфе. В районе Карлсхорста в блнжайшее время будет пущен газовый завод. Открыты больннцы, н мы снабжаем их медикаментами, разрешена частная торговля, работают часовые мастерские.

Немцы слушали, не проронив нн слова, ннчем не выразнв своего отношения к докладу.

Тогда Берзарин обратился к ним с вопросом:

— Поможете нам восстаиовнть ваш Берлин?

Слова «ваш Берлнн» произвелн на слушателей определенное впечатленне: как «ваш», еслн битва пронграна, еслн вот-вот падут рейхстаг н нмперская канцелярия?

Все по-прежнему молчали, но средн немцев чувствовалось некоторое оживление. Они переглядывалнсь, словно желая угадать намерение друг друга.

Тогда Берзарин обратнлся к одному из ннх:

— Вот вы, господнн...— в это время инженер встал, ио Берзарнн попросил его сесть.— Мне нзвестно, что вы хорошнй спецналист, а заннмали скромную должность сменного инженера, в то время как днректор — фашист был мало образоваи, но руководнл всей станцней. Правильно я говорю?

Инжеиер молчал.

— Вот я н предлагаю,— продолжал генерал,— вам, господнн, стать директором станцнн.

Иижeнер вновь встал. Его покрасиевшее лнцо, вытянутая шея над широкнм воротом несвежей рубашки сталн вндны всем. Он смотрел на Берзарина н, казалось, хотел, но ие мог пронзнестн нн слова. Его пнджак был ему мал и нз коротких рукавов высовывалнсь костлявые рукн. Наконец он сказал:

— Это невозможно...

— Почему?

— Как же я, рядовой ииженер, могу стать выше господина директора?

— А почему нет?

— Это нарушает все нормы, привычкн, понятия, которые сложнлнсь у нас векамн.

— Но ведь директора нет, он сбежал, бросил и станцию и вас и уже никогда больше не вернется.

Инженер глядел на всех, ища поддержки. Но коллеги его либо опускали глаза, либо смотрели в сторону. По щекам инженера потекли слезы. Берзарин улыбнулся и сказал:

— На том и порешили, а сотрудников выберете себе сами... Мы вам поможем во всем.

Инженер сел, опустив голову на руки, скрещенные на столе, и плечи его вздрагивали... Потом он встал и сказал:

— Я согласен на все ради блага немецкого Берлина.

— Вот и хорошо!

Так проходило назначение иа посты директоров станций, пекарен, вокзалов, магазинов. И лишь один на предложение генерала ответил резким отказом. Он говорил быстро, долго. Смысл отказа заключался в том, что он может подчиниться только германским властям.

— Но ведь вас никто не насилует, я вам только предлагаю,— сказал Берзарин.

— А меня не расстреляют?..

— Нет!

— Тогда я категорически отказываюсь быть иачальником берлинского водопровода,— решительно заявил он.

Совещание закончилось. Его участникам раздавали напечатанный на цветной бумаге приказ № 1, подписанный Н. Берзариным, в котором говорилось о роспуске нацистской партии, а населению города предлагалось соблюдать полное спокойствие и помогать группам содействия в восстановлении разрушенного хозяйства города.

Мы видели этот приказ на улицах Берлина. Иной раз он висел рядом с паническим и уже пожелтевшим приказом генерала Реймана, который невольно вызывал улыбку. Но нам все же хотелось взять с собой приказ Н. Берзарина.

Офицер, выдав нам по экземпляру, с легкой иронией заметил:

— Вы не первые им интересуетесь. Еще два дня назад корреспонденты «Красной Звезды» Борис Галин

и Василий Гроссман были у генерала, и он им дал этот документ...

— Обскакали,— сказал Борис, и мы рассмеялись. Наши пути с этими писателями пересекались и в Польше, и на всем пути к Берлину.

Борис Галин раньше работал в «Правде», в войну стал корреспондентом «Красной Звезды». Вместе мы покидали Донбасс, переходили через Дон, отступали на Кубани, в предгорьях Кавказа.

И вот снова вместе — в Берлине. Но дни были суматошные, мы держались ближе к рейхстагу, а они отдавали предпочтение танкистам генерала М. Катукова и двигались с ними к центру города...

...Немцы, получая приказ № 1, перешептывались, кучно выходили, а Берзарин, схватив фуражку, торопливо ушел из комендатуры. Когда мы выскочили за ним, чтобы задать ему несколько вопросов, то увидели голубой дымок отошедшей машины: он торопился к войскам своей 5-й ударной, сражавшейся за центр города.

Мы решили ехать на передовую. Наш водитель, хорошо знавший разбитые улицы северных окраин Берлина, совершенно не ориентировался в центре, к тому же вражеские снаряды и фауступатроны «регулировали» наш маршрут. Только с помощью офицера связи, сопровождавшего нас и хорошо знавшего район, удалось переулками и даже дворами, мимо кирпичных коробок приблизиться к штабу корпуса, который вел бои за ратушу и метро Александерплатц.

В штабе, кроме дежурного офицера, никого не было. Он ознакомил нас на карте с линией фронта на 15.00 и сказал только: «Идут очень тяжелые бои...»

Теперь, когда советские войска вошли в наиболее уплотненную центральную часть города, бои осложнились еще больше, напряжение возросло, и командирам отрядов, рот, взводов приходилось на месте, на улице, в доме, на этаже самим срочно принимать решение взаимодействовать с ближайшим орудием, с ближайшим танком.

После того как пала одна из последних твердынь района — огромное здание полицей-президиума, единственным опорным пунктом оказалась станция метро. Но овладеть ею было очень трудно, так как площадь

На Берлин!

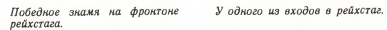
Майор Логвиненко дает последние указания перед началом боя за окраины Берлина.

Командир орудийного расчета А. Гусейнов: «Прямой наводкой по рейхстагу!»

Направление указано точно.

Победное знамя на фронтоне рейхстага.

У одного из входов в рейхстаг.

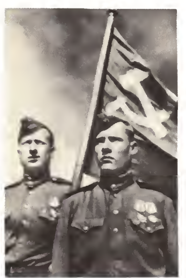

ГЕРОИ ШТУРМА РЕЙХСТАГА

М. В. Кантария (слева) и М. А. Егоров.

К. Я. Самсонов.

Командир 79-го стрелкового корпуса С. Н. Переверткин.

Командир 9-го стрелкового корпуса И. П. Рослый.

Командир 26-го гвардейского стрелкового корпуса П. А. Фирсов.

Командир 301-й стрелковой дивизии В. С. Антонов.

Командир 207-й стрелковой дивизии В. М. Асафов.

Командир 756-го полка 150-й стрелковой дивизии Ф. М. Зинченко.

Командир 380-го полка 171-й стрелковой дивизии В. Д. Шаталин.

Командир батальона С. А. Неустроев.

Командир батальона В. И. Давыдов.

Командир роты И. Я. Сьянов.

Лейтенант Р. Кошкарбаев.

Исторические автографы.

Воины 416-й стрелковой дивизии старший сержант Андреев и сержант Бережной водружают знамя на Бранденбургские ворота. 2 мая 1945 г.

перед нею простреливалась с разных сторон и главным образом из надземного полуразрушенного здания самого метро. Наступление явно задерживалось. Тогда младший сержант Яшагашвили решил преодолеть площадь рывком. Он так и сделал: схватив автомат, запасные диски и гранаты, рванулся и, не останавливаясь, не оглядываясь, понесся на площадь. За ним побежал сержант Маскарьян с группой солдат и телефонистом. Яшагашвили этого не видел. Подбегая к станции, он бросил в широкую входную дверь одну за другой две гранаты, а затем ворвался в дымный вестибюль и открыл огонь из автомата. Вслед за ним появился Маскарьян, солдаты. Бой был коротким. Вскоре Яшагашвили доложил по телефону: «Станция метро занята, а противник подземными ходами отступил».

Примерно такая же картина была и при штурме берлинской ратуши. Ее смело атаковали несколько танков младшего лейтенанта Бондаренко, погибшего в бою, и взвод лейтенанта Маденова, который не только первым ворвался в здание ратуши, но и завязал рукопашный бой, продолжавшийся более двух часов.

Здесь отличились штурмовые отряды капитана Бобылева и майора Алексеева. Когда солнце уже садилось, комсорг батальона 1008-го полка К. Громов взобрался на купол ратуши и водрузил там красное полотнище. Фашистские солдаты сдавались в плен. Подняли руки и два генерала, которых сразу отправили в ближайший тыл — в штаб фронта. Мы не застали их и поехали в корпус генерала Рослого. Он штурмовал правительственные кварталы и был ближе всех к имперской канцелярии. И там шли бои, и там все генералы находились на своих НП.

Дивизия полковника В. Антонова выдвинулась к Антхальтерштрассе и Кохштрассе и заняла позиции перед забаррикадированным зданием гестапо и прилегающим к нему зданием тюрьмы. Здесь резким броском через площадь ничего нельзя было сделать — сплошной, перекрестный огонь всех видов орудий, минометов, автоматов, фаустпатронов. Поэтому командир полка И. Гумеров приказал действовать на флангах. Это имело успех. К концу дня полки Гумерова и Ра-

даева на правом участке овладели крайним домом на Вильгельмштрассе и получили возможность открыть фланкирующий огонь по зданию гестапо. Удачно провели операцию и на левом фланге, где один из взводов ворвался в старую церковь на Сарландштрассе.

Войска приближались к имперской канцелярии и Бранденбургским воротам, от которых до рейхстага — рукой подать. «Фронтовой пятачок» становился все меньше. Весь комплекс зданий имперской канцелярии, рейхстаг, Тиргартен находились еще в руках германского командования. На этой крошечной территории стояли пушки, жерла которых были направлены на север — на площадь перед рейхстагом, на юг — на площадь перед гестапо, на восток — на Бранденбургские ворота и на запад — в район Зоологического сада. Гитлеровцы стреляли в четырех направлениях, беспрерывно, теряли одно орудие за другим, стреляли последними комплектами снарядов, но стреляли исступленно, как могут стрелять только фанатики.

В этих условиях от наших командиров требовалась особая военная выдержка, сметка, расчет.

К вечеру я направился в «свою» 3-ю ударную армию, а Горбатов остался ждать генерала И. Рослого. Ему хотелось, как он сказал, «подышать воздухом боя за имперскую канцелярию».

Уже темнело, когда мы приблизились к району Моабита. Силуэты домов сглаживались и расплывались в серо-буром тумане. Вдали виднелись всполохи и какие-то длинные голубовато-серые лучи. Как потом выяснилось, гитлеровцы из Тиргартена освещали площадь рейхстага, для того чтобы обстреливать потерянное уже ими швейцарское посольство и вести «отсечный огонь» перед «домом Гиммлера» и Кроль-оперой.

Хотя день был на исходе, бои в домах на южном берегу Шпрее не утихали. За реку переправились части двух дивизий — В. Шатилова и А. Негоды, но в их тылу, на улице Альт-Моабитштрассе, у Лертерского вокзала, на Инвалиденштрассе, шла борьба с отдельными группами гитлеровцев, каким-то образом просочившимися в наши тылы.

И все же бой за «дом Гиммлера» был в фокусе сегодняшних событий. Это шестиэтажное здание из крас-

ного задымленного кирпича, расположенное наискосок от рейхстага, было отличной исходной позицией для штурма. Вот почему комендант Берлина генерал Вейдлинг пытался превратить его в крепость. Все окна были заделаны кирпичом и превращены в амбразуры для пулеметов и автоматов, а в дверях устроены проемы для орудий, которые били прямой наводкой по мосту Мольтке, за Шпрее и по нашим тылам.

Еще утром после мощного артиллерийского налета некоторые огневые точки в «доме Гиммлера» утихли, стены двухметровой толщины были повреждены, но дом оставался целым, и отборные фашистские батальоны продолжали отстреливаться всеми видами оружия. Все же лейтенанту Кошкарбаеву со своим взводом удалось ворваться в ближайшую разбитую дверь.

Попытка найти генерала С. Переверткина или В. Шатилова не удалась. Комкор, как мне сказали офицеры штаба, «уехал в дивизию», а в какую, вроде бы они не знали, а генерал В. Шатилов на танке под орудийным огнем умчался к Лертерскому вокзалу, где для него в полукилометре оборудовали новый НП.

На танке! Это характерная черта боев тех дней, когда по освобожденным улицам города нельзя было ни пройти, ни проехать на легковой машине.

Позже генерал Шатилов рассказывал:

— Несколько минут потребовалось для того, чтобы проскочить опасную зону между моим КП и новым наблюдательным пунктом на Лертерском вокзале, но, откровенно говоря, мне показалось, что мы ехали очень долго. Уж больно много кругом рвалось всякой всячины. Вначале НП был расположен на четвертом этаже здания у Лертерского вокзала. Незадолго до моего прихода обвалился потолок и кисло пахло порохом. Я подошел к провалу окна. Внизу извивалась Шпрее. За ней, как в тумане, виделись какие-то дома.

Все в дыму... Прямо напротив нас — дом с куполом и колоннами. Рейхстаг? Как будто он. Взглянул на карту, прикинул расстояние от моста, от посольства, от бурой громады. Да, это рейхстаг... До сих пор мне не приходилось видеть фотографий или картин с изображением германского парламента... Если бы знать, что моей дивизии будет суждено его штурмовать, я бы нашел и снимки и литературу. А что я знал? Знал, что

за год до прихода Гитлера к власти Клара Цеткин выступала с трибуны рейхстага и призывала бороться с фашизмом, и все. И вот теперь передо мною это колонное здание — последний военный объект, последняя крепость, которую поручено штурмовать моей дивизии... Ни один человек не в состоянии описать пережитого мною радостного волнения. Я сам не могу о нем рассказать... Я очнулся от забытья после того, как где-то рядом хлопнул снаряд, а затем другой... Пришлось спуститься вниз. Противник заметил нас...

В штабе корпуса мне сказали, что весь день, с момента, когда взвод Кошкарбаева ворвался в здание, бои шли за «дом Гиммлера». Теперь вновь — в который раз! — изменился их характер: маневр отряда, роты, взвода проходил не между улицами и переулками, как это было еще вчера в районе Моабита, а только внутри одного большого дома, где для молниеносных операций были лишь не очень короткие (как я потом увидел) коридоры, залы, кабинеты, лестницы, чердаки, подвалы...

За это здание сражались два полка: 756-й полк Зинченко из 150-й дивизии и 380-й полк Шаталина из 171-й дивизии, но успех сменялся неудачей, схватка все время усиливалась, этажи и комнаты переходили из рук в руки. Гитлеровцы пытались уйти от возмездия, но их настигал огонь пулеметов и автоматов.

К вечеру батальоны С. Неустроева и М. Давыдова отбили большую часть здания. Подразделения батальона К. Самсонова заняли северо-восточную часть и захватили несколько комнат первого этажа.

Но бои еще продолжались. Замполит батальона Алексей Берест нашел кабинет Гиммлера — пустое разбитое помещение, в котором, однако, находился приоткрытый несгораемый шкаф, а в нем множество часов, видимо, предназначенных для наград эсэсовцам. Берест не то в шутку, не то всерьез крикнул проходившему солдату:

— Заходите — буду раздавать часы!

Вскоре в кабинете Гиммлера собралось несколько десятков солдат. Берест вынимал белые коробки, в которых лежали наручные часы с черным циферблатом и фосфорическими стрелками, и раздавал солдатам. Они подолгу рассматривали их и клали в широкие карманы

брюк, где у многих находились гранаты. А Берест вошел в роль и, выдавая подарки, присказывал: «Заводите, пусть идут по нашему, московскому времени».

— А как? — спросил солдат.

— Они живут на два часа позже... Понял?

Здание сотрясалось от ударов орудий. Приближался вечер. В комнатах, без того темных, сгущались тени, отчетливо были видны огоньки цигарок.

На первом этаже готовились к бою саперы. В комнатах дымно, дышать трудно. Несмотря на грохот орудий и стрельбу на верхних этажах, боец Н. Заруба, надев противогаз, спит, пристроившись на ящиках.

— Железные нервы,— говорит кто-то,— спит под «артиллерийскую колыбельную»...

Вокруг капитана А. Лебедева собралась группа солдат. Они рассматривали немецкую карту Кенигсплатца, захваченную у пленного офицера на том берегу Шпрее. Но никто не знает немецкого языка и не может прочесть наименование улиц, парков, зданий.

Ефрейтор Рыченков вдруг воскликнул:

— Товарищ капитан, у нас же в подвале какой-то штатский господин сидит...

— Давай его сюда!

Через несколько минут к капитану подвели высокого пожилого сутулого немца в сером клетчатом пиджаке, белой рубашке с черной «бабочкой». Его вид вызывает сдержанный смех. Пугливо озираясь, немец подходит к Лебедеву и разглядывает карту. Все смолкли.

— Этот квадрат, обозначенный под № 104, есть министерство внутренних дел,— говорит немец и пальцем тычет в пол и стены.

— Ребята! Мы в «доме Гиммлера»... Это точно,— крикнул кто-то.

— А это,— продолжал немец,— под № 105 есть рейхстаг, он его назвал «Рихтиг»...

Все бросились к окну, но сквозь серую пелену дыма едва-едва рисовались контуры германского парламента.

Немец оказался офицером. Он спрятался в одной из комнат министерства и успел переодеться в штатское платье. Но форму спрятать не успел.

В эти часы 525-й полк дивизии А. Негоды действо-

вал на южной набережной Шпрее, врывался в дома, находящиеся между швейцарским посольством и рейхстагом.

К вечеру его взводы вышли на Альтзенштрассе. В этот момент они были ближе всех к рейхстагу.

Одновременно шли бои западнее моста Мольтке, где гитлеровцы пытались прорваться через другой мост, и восточнее, в районе швейцарского посольства.

Шатилов видел, что взятие здания затягивается, выходит за рамки его планов. Но полк Плеходанова он берег для штурма рейхстага. Не решался ввести его в бой даже после очень тревожных донесений. Наконец швейцарское посольство целиком было занято полками 171-й дивизии А. Негоды, и главной их заботой стало отражение вражеских контратак. И вот момент настал: комдив решился, и батальоны плеходановского полка перешли мост Мольтке и под сильным огнем из Тиргартена ворвались в «дом Гиммлера». По существу, именно эта акция окончательно решила судьбу красно-бурой громадины.

Допоздна я сидел на командном пункте корпуса на Перлегербергштрассе в ожидании генерала С. Переверткина. Чтобы скоротать время, сели с Мирошниченко за шахматную доску. Игра не клеилась, к тому же мы больше прислушивались к снарядам, которые рвались где-то неподалеку, чем наблюдали за поведением своих королей и слонов. Гриша долго раздумывал над доской, и я ему нетерпеливо напоминал: «Твой ход». В это время где-то рядом трахнул снаряд, доска подпрыгнула, короли и пешки полетели на пол. Гриша сказал:

— То был не наш ход, надо пойти подальше убрать машину,— и вышел на улицу.

Я поднялся к начальнику штаба корпуса Александру Ивановичу Летунову, который много раз снабжал нас информацией, но «в рамках законов о военной тайне». Он, в ожидании комкора, прогуливался по комнате, время от времени поглядывая в разбитое окно, где в темноте сверкали сполохи боя. Это был человек выше среднего роста, с хорошей выправкой. Карие его глаза под густыми бровями смотрели на меня, словно хотели спросить: «Ну, и что еще вам нужно?» Но он вполне вежливо и даже добродушно сказал:

«Сегодня вы генерала не дождетесь, ехали бы спать».

Я согласился и все же спросил: «Ничего нового?»

— Нет,— ответил он,— если не считать, что в «доме Гиммлера», кажется, настал перелом.

— Но он еще полностью не взят?

— Пока сведений не имею.

Попрощавшись, я собрался было спуститься к машине, но Летунов меня остановил:

— Вы о капитане Кузьме Гусеве слышали?

— Да, он погиб.

— В том-то и дело, что не погиб! — сказал полковник и засмеялся: — Судьба-индейка! Сейчас только звонил полковник Зинченко и рассказал целую историю.

Оказывается, вчера, когда около Гусева на мосту Мольтке разорвался снаряд и он, подброшенный в воздух, упал в Шпрее, но не утонул. Нырнув неглубоко, Гусев схватился за подводные ветки и всплыл. Над его головой, на мосту шел жаркий бой. Нужно было вылезать, но как? Берега Шпрее крутые и выложены гранитом. Он липкий, скользкий. Несколько раз Кузьма пытался выкарабкаться, но каждый раз срывался. Силы уходили, руки от холодной воды коченели, теряли подвижность и чувствительность. И вдруг в одном месте он увидел на откосе выбитую снарядами плиту и спасительную земляную выемку. Уцепившись за разбитый гранит, он влез на землю и там отдышался.

Затем вылез на берег, под огнем бросился к швейцарскому посольству, увлекая по пути солдат, а там в подвале встретился с комбатом Неустроевым. Тот долго глядел на человека «с того света» в мокрой одежде.

— Кузьма! — нерешительно, скорее испуганно и взволнованно, чем радостно, крикнул комбат, и они жарко обнялись...

Так «воскрес» один из самых мужественных воинов шатиловской дивизии Кузьма Гусев, которого уже недосчитывались в «списке живых» только потому, что на войне, в бою смерть всегда шагала рядом с солдатами, и не было ничего удивительного в том, что человек, который только что во весь голос кричал: «Вперед, за мной!» и поднимал руку с револьвером, перестал кричать и падал, нажимая курок уже в мертвом цепенении.

— Это подарок судьбы,— сказал Летунов, заканчивая свой рассказ.

Я мало знал капитана Кузьму Владимировича Гусева, но слышал о нем много раз с первых же дней штурма Берлина. Имя его мне приходилось упоминать в корреспонденциях. Он мне представлялся боевым, решительным, смелым командиром и я тоже был рад его спасению.

Мы ехали в Штраусберг. Небо стало темным, но все же отливало светом пожарищ. А где Борис? Остался ли он ночевать у Рослого или Антонова, а может быть, по своему обычаю находиться «ближе к огню», добрался до командира 1050-го полка Гумерова? Я спал или дремал, а потому в моей памяти неясно мелькали, перемежались лица, дома, отрывки фраз...

В это время в «доме Гиммлера», в подвале, проходил митинг. Солдаты заранее собирались группами и вели разговор только о предстоящем штурме рейхстага: расспрашивали помполита, снова и снова глядели через амбразуры в ночную темь, где от пожаров то прояснялся, то исчезал силуэт дома с колоннами и куполом. Здесь же новичкам выдавали новое обмундирование и они прятали за пазуху гимнастерки маленький красный флажок на древке. В этой суете появилась надобность в общей беседе, хотелось послушать знающих, грамотных офицеров, узнать больше о боевой обстановке, хотелось самому высказать что-то заветное. Так родился митинг, открытый Алексеем Берестом. Он стоял перед солдатами, держа в руке мятую, простреленную и засаленную пилотку, был возбужден, но говорил ровно и спокойно. Ни он, ни солдаты не могли в ту минуту ощутить значимость, исторический смысл первых слов, которые прозвучали здесь в подземелье как обыденное, очередное задание:

— Друзья,— сказал Берест,— получен боевой приказ: взять рейхстаг!

И все понимали: такой приказ должен был быть, рейхстаг нужно брать, ибо вместе с его падением падет фашистская Германия. Так всем представлялось, так им хотелось. Вот почему эти слова были встречены как долгожданный призыв.

Берест говорил коротко, рассказал об обстановке и закончил, несколько повысив голос:

— Да здравствует наша победа!

Затем выступил представитель политотдела дивизии капитан И. Матвеев.

— Все мы волнуемся,— сказал он,— и как не волноваться? Вспомните четыре военных лета и четыре военные зимы... Вспомните! И вот мы видим конец войны. До полной победы осталось пройти одну площадь и взять один дом — рейхстаг. Все. Победа!

Матвеев рассказал о последних боевых донесениях. Все слушали сосредоточенно, особенно новички, которыми пополнилась рота Ильи Сьянова.

Их увлекло выступление ветерана Бодрова, который только что выдавал новичкам обмундирование, гранаты, диски к автоматам, а сейчас решил поделиться с ними своими думами.

— Вот перед вами рейхстаг,— начал он,— а передо мною 24 октября 1917 года стоял Зимний дворец, покрупнее был он, да и покрасивее... И нужно было его штурмовать... Сомнений у нас тогда никаких не было, все знали, что Зимний дворец должен быть наш, как нет сомнений сейчас и у вас... А раз так, давайте споем «Интернационал». Мы его тогда тоже пели...

В подземелье послышались звуки гимна. Сначала пели тихо, а затем все громче и громче, запели на других этажах, в комнатах, в коридорах, в залах. Советские солдаты пели «Интернационал» под аккомпанемент орудий, пели в самом мрачном фашистском здании, откуда еще совсем недавно летели приказы о лагерях смерти, расстрелах, газовых камерах, виселицах, откуда эсэсовцы истошно кричали: убивать, убивать, убивать...

Молодые ребята в новеньких гимнастерках поют знакомые им с детства слова: «Это есть наш последний...» Среди них и худощавый парень из Сумской области — Николай Бык, который бежал из лагеря и теперь мечтает идти в бой, и Иван Прыгунов, освобожденный нашими войсками из лагеря, и другие узники, которых фашисты не успели расстрелять. Они рвутся к рейхстагу, хотят отомстить за обиду, за поругание, за рабский труд, чтобы вернуться домой не в робе каторжника, а в форме бойца Советской Армии.

* *
*

Всю ночь Гитлер диктовал «политическое завещание», в котором пытался анализировать причины краха рейха и национал-социалистических идей, а по существу, оправдывал свою полководческую бездарность и сваливал вину на генералов. Эта наиболее обширная часть политического завещания была соткана из лжи, демагогии и призыва «содействовать возрождению национал-социалистического движения».

Во второй половине завещания он писал:

«Перед моей смертью я исключаю бывшего рейхсмаршала Германа Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые могли бы вытекать из декрета от 29 июня 1941 г. и из моего выступления в рейхстаге 1 сентября 1939 г. Я назначаю на его место в качестве имперского президента и верховного главнокомандующего вооруженными силами гросс-адмирала Деница. Перед своей смертью я исключаю из партии и снимаю со всех государственных постов бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гиммлера»[1].

В этом же завещании, которое, по существу, было политическим некрологом, Гитлер объявил новый состав правительства. Рейхсканцлером стал Геббельс, на старом своем посту — министра по делам нацистской партии — остался Мартин Борман. Министром иностранных дел назначался Зейсс-Инкварт, военным министром — Дениц, министром пропаганды — Науман, финансов — Шверин-Крозинг, главнокомандующим сухопутными силами — фельдмаршал Шернер, военно-воздушными силами — Риттер фон Грейм. Новому правительству предлагалось продолжать войну всеми средствами. Характерно, что Гитлер обошел своего верного «пса» — Кейтеля. Политическое завещание на правах свидетелей подписали Геббельс, Борман, Бургдорф, Кребс. Дата — 29 апреля, 4 часа утра.

Утром майору Иоганмейеру предложено было прорваться через линию советских войск и доставить копию «политического завещания» фельдмаршалу Шернеру. Такое же поручение было дано помощнику Бор-

[1] *Г. Розанов.* Крушение фашистской Германии, стр. 181.

мана — Цандеру и адмиралу Фоссу, которые обязаны были эти документы доставить гросс-адмиралу Деницу.

Вскоре все трое, рискуя жизнью, пробирались через разрушенные дома, виадуки, подвалы, овраги, леса к мосту Пихельсдорф, оттуда посланцы направились удобными путями на юг и северо-запад.

Известно, что только Иоганмейер благополучно миновал мост и сумел связаться по радио с гросс-адмиралом Деницем.

В полдень Гитлер пригласил к себе Бормана, Геббельса, Бургдорфа и Кребса. Никто не знал, что происходит над их головами, над бункером, там, в районе рейхстага, у Потсдамского вокзала, на улицах, примыкающих к имперской канцелярии. Между тем Гитлер по-прежнему смотрел на «пятачок» карты Берлина н задавал вопросы генералам, которые отвечали ему невпопад и с обязательнымн оговорками: «вероятно», «нужно думать», «полагаю». Гитлер, несколько часов назад подписавший «политическое завещание» и решивший уйти из жизнн, задает все тот же вопрос: «А где Венк?» и опять получает ответ, начннающийся словами: «Надо полагать...» В это время генерал Кребс решается сказать:

— Три молодых офицера хотят пробраться из Берлина к генералу Венку...

Гитлер поднял к нему бледное, обрюзгшее лицо с опухшими веками.

— Какие офицеры?

— Офнцеры Фрейтаг фон Лорнngхофен, Больдт и Вейс...

— Где они?

Бургдорф показывает на офицеров, которых Гитлер видел много раз, так как они почти ежедневно присутствовали на докладах Кребса, но теперь он смотрит на них отсутствующим взглядом. Все затихли.

— Как вы думаете выбраться из Берлина? — спрашивает он, глядя на ротмистра Гергарда Больдта.

Офицер подходит к столу и показывает по карте, называя вслух: Тиргартен (Зоологический сад), Курфюрстендамм, площадь Адольфа Гитлера, Олимпийский стадион, мосты у Пихельсдорфа...

— Оттуда, — продолжает Больдт, — мы на лодке по

реке Хавель проберемся через расположение русских до Ванзее.

— Борман,— неожиданно прерывает Гитлер,— тотчас же достаньте им моторную лодку с электродвигателем, иначе они не выберутся.

— Фюрер, мы сами достанем себе моторную лодку,— говорит Больдт,— и несомненно прорвемся.

Гитлер поднимается из-за стола, подает каждому из них руку и говорит:

— Привет от меня Венку. Пусть поторопится, или будет слишком поздно...

Офицеры ушли.

Вечером Борман, раздосадованный отсутствием донесений от Кейтеля и Йодля о боях за пределами Берлина, направляет Деницу телеграмму: «По нашему все более ясному впечатлению, дивизии вокруг Берлина уже много дней стоят на месте, вместо того чтобы высвободить фюрера. Мы получаем лишь сообщения, контролируемые Кейтелем. Мы вообще можем сообщаться с внешним миром лишь через Кейтеля. Фюрер приказывает, чтобы вы немедленно и безоговорочно выступили против всех изменников» [1].

В 22 часа в бункере состоялось последнее военное совещание.

На этом последнем синклите собрались Борман, Кребс, Геббельс, Бургдорф, Аксман, генерал Монке, оставшиеся офицеры штаба. Доклад делал генерал Вейдлинг.

Он говорил:

— Последние двадцать четыре часа шли горячие бои в непосредственной близости от рейхстага и имперской канцелярии, фронт стал уплотненным, возможности маневра исчезли, боеприпасов нет, недостает «панцерфауста» — оружия, необходимого при ведении уличных боев, снабжение по воздуху прекратилось, боевой дух войск упал...

Вейдлинг видел, что все присутствующие безразлично воспринимали его доклад, полный трагизма и безнадежности. Только Геббельс изредка бросал язвительные реплики, которые генерал оставлял без внимания.

---

[1] *Г. Розанов.* Крушение фашистской Германии, стр. 184.

— По всей вероятности,— продолжал Вейдлинг,— завтра, 30 апреля, битва за Берлин будет окончена...

И это сообщение ни для кого не было неожиданным. Никто не задавал вопросов. В комнате царила тягостная тишина. Наконец Гитлер поднял голову и, обращаясь к генералу Монке, спросил:

— Наблюдаются ли эти факты и на вашем участке?..

— Да,— ответил генерал.

Кроме регулярных частей, действовавших здесь, в последние дни для обороны правительственного квартала был создан отряд, командование которым было поручено эсэсовскому генералу Монке. Этот отряд «особого назначения» постепенно отступал на всех участках и теперь находился в непосредственной близости от Бранденбургских ворот и от имперской канцелярии. Кого только не было в этом отряде: мелкие подразделения разбитой армии, моряки из Ростока, летчики, оставшиеся без самолетов, танкисты без танков, фольксшурмисты, подростки из аксмановского «гитлерюгенда», разношерстная, плохо вооруженная толпа, среди которых были немцы, норвежцы, фламандцы, голландцы, французы из разбитой бригады «Шарлемаль»!

Гитлер, глядя на карту, сказал:

— Положение наших войск отмечено на карте по данным заграничных радиостанций, так как штабы наших войск более мне не доносят...

Помолчав, он добавил:

— Так как мои приказы все равно уже не выполняются, бесцельно их отдавать и ждать помощи...

Позже генерал Вейдлинг в своих записках, касаясь этого совещания, писал:

«Совершенно разбитый человек с большим усилием поднялся со своего кресла, намереваясь отпустить меня. Но я убедительно просил принять решение на тот случай, когда будут израсходованы все боеприпасы, а это будет самое позднее вечером следующего дня. После кратких переговоров с генералом Кребсом фюрер ответил, что в этом случае речь может идти только о прорыве небольшими группами, так как он по-прежнему отвергает капитуляцию Берлина. Меня отпустили.

Что подразумевал фюрер под «прорывом небольшими группами»? Как мыслил он выполнение этого приказа? Не было ли это завуалированной капитуляцией? Я, как солдат, не мог решиться предоставить войска самим себе. Мне казалось это почти изменой им. Пока я еще имел власть в оборонительном районе Берлина, я должен был руководствоваться принципами солдатской чести»[1].

Совещание окончено. Все расходятся. Гитлер остается один и все еще рассматривает карту.

Ночью в Доббин, где расположился штаб объединенного командования, пришла телеграмма за подписью Гитлера. Он предлагал вновь и вновь немедленно доложить, где находится авангард Венка, где находится 9-я армия, где авангард Хольсте. Эта телеграмма поставила в тупик и фельдмаршала Кейтеля, и генерала Йодля, которые давно все поняли и были психологически разоружены. Что ответить в бункер, если нет ни одного радостного сообщения от командующих армиями? Но была ли эта телеграмма Гитлера? Вчера и сегодня он был в состоянии депрессии, его ничто не интересовало, к тому же он весь вечер и всю ночь был занят писанием «политического завещания». Скорее всего запрашивали штаб Борман и Кребс, а Гитлер ее просто подписал.

Ответ из Доббина даже не показали Гитлеру. Он гласил: «Авангард Венка остановлен противником в районе Швиловзее, поэтому 12-я армия не может продолжать наступление на Берлин. Основные силы 9-й армии окружены противником. Корпус Хольсте вынужден перейти к обороне».

Собственно, иного ответа никто и не ждал. Все разошлись по своим комнатам, и только Артур Аксман и его адъютант Вельцин, обходя нижний этаж бункера, присели на скамье, которая стояла в приемной у входа в машинное отделение с вентиляционными установками.

— Мы размышляли о том,— рассказывал Аксман,— что постепенно, под разными предлогами нас покидают все. Вот только за один день ушли Лоренц, Иоганмейер, Цандер, Лорингхофен, Больдт, Вейс... Что

[1] «Совершенно секретно», стр. 622.

же это? Мы высказывали разные предположения и не могли разобраться во всем, что происходило вокруг нас. Но мы были молоды.

Вдруг из своей комнаты вышел Гитлер.

Он был в сером пиджаке, на лацканах которого были золотой знак партии и железный крест первого класса, в черных брюках навыпуск, в мягких ночных туфлях... Он шел в нашу сторону, и я подумал, что он идет к вентиляционной установке. В бункере было душно, и он часто посещал машинное отделение. Шел он медленно, волоча ногу и словно бы не глядя ни на кого. Мы встали. Поравнявшись с нами, он остановился и поздоровался. Вельцин тут же ушел, а Гитлер движением руки пригласил меня сесть и сел сам.

Сначала мы молчали. У меня в голове роилось много вопросов, но я никак не мог собраться и начать разговор.

Мы говорили о войне с Россией, и Гитлер доказывал, что ни одно из решений, принятых им во время войны, не было серьезнее решения напасть на Россию, хотя он мучительно обдумывал опыт Наполеона.

У нас не было выбора, пояснял мне Гитлер, мы должны были выбросить Россию из европейского баланса сил. Само ее существование было угрозой для нас. К тому же мы боялись, что Сталин проявит инициативу раньше, причем в катастрофических для нас условиях. Мы не сумели оценить силу русских и все еще мерили их на старый лад.

— Мы были одни в помещении,— продолжал Аксман,— никто не проходил во время разговора. Слышалось лишь приглушенное жужжание вентиляторов, да иногда доносилась, как нам казалось, далекая стрельба. После небольшой паузы Гитлер сообщил мне, что он завтра уходит из жизни.

«Я буду с вами»,— ответил я ему. «Нет,— решительно сказал он,— ваше место среди живых...» Затем он с трудом поднялся, попрощался и, согнувшись, ушел в свою комнату. Больше я его никогда не видел.

Так рассказывал мне о своем «фюрере» Аксман более чем через два десятка лет.

30 АПРЕЛЯ

Подготовка к штурму.— «Прошу принять в партию».— Первая вылазка на Королевскую площадь.— Роты Сьянова и Греченкова преодолели «огненную метель» и ворвались в рейхстаг.— Красное знамя на рейхстаге.— «Ура, товарищ маршал!» — Дивизия Антонова подходит к имперской канцелярии.— Полковник Гумеров принимает первых парламентеров.— У врага в подземелье

Многое в те дни удалось мне увидеть, но далеко не все.

Знакомясь позже с архивными материалами и беседуя с участниками штурма рейхстага, я понимал, что капризы памяти невольно могут менять не только минуты и часы, но даже числа. Это и понятно. В то время никто не мог думать о систематических записях, да и записи в огне и дыму носили характер «взводного» и «батальонного» взгляда на бой, а по этим донесениям составлялись полковые и дивизионные — в корпус, армию, фронт.

Знакомясь с этими официальными документами, иной раз видишь весьма разноречивые факты, неточное расположение частей, неправильное наименование местности, улицы, квартала.

И только сохранившиеся карты с отметками, знаками, кольцами, длинными и короткими стрелами, цифрами номеров воинских частей таят более или менее объективную картину.

Кто первым вошел в Берлин или в тот или иной пригород, на мост Мольтке, в «дом Гиммлера», в рейхстаг? На этот вопрос нельзя ответить односложно, ибо было множество первых, но на разных участках фронта, было множество водруженных флагов — на домах, в окнах, на колоннах, просто на крышах. Высокое стремление быть первыми в последнем, решающем смертном бою владело всеми. Оно выражало волю, надежду и веру в победу советского воина.

Вот почему весь путь к рейхстагу и само здание пестрели флагами различных форм и размеров, ибо ты-

сячи солдат и офицеров дошли до заветного здания и устанавливали полковые, ротные, взводные, наконец, личные флажки: «Я дошел, я водрузил». Сам по себе факт, неповторимый в своем величии.

Мне приходилось пробираться к истине через лабиринты карт, воспоминаний, официальных документов, писем, полученных от участников штурма, бесед с ними. Я пытался это делать с предельной четкостью, стараясь никого не забыть и никого не обидеть.

И словно желая помочь мне, Виктор Дмитриевич Шаталин — командир героического 380-го полка недавно писал мне:

«Хотелось бы рассказать ту драматическую истину, в которой действовали и выполнили поставленную боевую задачу воины 380-го стрелкового полка наряду и рядом с воинами 756-го стрелкового полка 150-й дивизии. Я в равной степени восхищен отвагой воинов 150-й дивизии, как и своих. Ведь обе дивизии — 171-я и 150-я всегда воевали вместе, и много раз в бою мы оказывали друг другу необходимую помощь, без которой немыслима никакая победа...»

Исходя из этого, я и пытаюсь рассказать о штурме рейхстага.

День выдался пасмурный. С Шпрее тянул туман, покрывший всю Королевскую площадь и Тиргартен. Контуры рейхстага едва вычерчивались в серой пелене. Солдаты, находившиеся в «доме Гиммлера», то и дело бегали из подвалов на верхние этажи, чтобы «хоть одним глазком» глянуть на рейхстаг, о котором они между собой говорили: «Последний дом войны...» Между этим зданием и «домом Гиммлера» не более 400 метров! После длинных военных дорог от Волги, от Терека, от Москвы-реки, после дорог длиною в несколько тысяч километров — остались метры...

Это казалось настолько невероятным, что не все до конца были убеждены, будто огромное серое здание и есть рейхстаг. Во всяком случае, один из командиров полков, докладывая обстановку на КП дивизии, уверял, что на пути к рейхстагу стоит какой-то большой дом с куполом и множеством колонн. «Видимо,— сказал он,— его придется обойти с севера»...

До рейхстага оставались метры. Но как тяжелы они!

На небольшом участке фронта — несколько узлов сопротивления, и самый крупный из них — рейхстаг. Перед ним вырыты траншеи, построено 15 дотов. Поперек площади, в 120 метрах от рейхстага, оказался ров, залитый водой,— преграда, которой не было ни на одной военной карте. От него — подземные ходы в сторону парламента. На крышах рейхстага и ближайших к нему домов — орудия разных калибров, в том числе зенитные, направленные на площадь и «дом Гиммлера». В Тиргартене врылись в землю орудия мощной артиллерии, недвижные, стоящие насмерть. Вся площадь и прилегающие улицы забаррикадированы и минированы. Танки вылезли из обугленных деревьев парка и, переваливаясь, медленно двигались к месту боя. Все это грохотало и извергало огонь. Стреляли окна, чердаки, крыши, стреляли сад, земля, река, Бранденбургские ворота, траншеи, бронированные колпаки. Огонь, огонь, огонь... Перекрестная стрельба трещала, визжала, шипела, бесновалась, рвала воздух, землю, металл, все живое.

Вот через этот ад нужно было пройти и уцелеть. Обязательно уцелеть, ибо предстояла еще борьба в самом рейхстаге — крепости крепостей, борьба жаркая, последняя. Никто не знал, что находится в здании парламента, какое «тайное оружие» приготовил враг перед своей верной гибелью и как с этим тайным оружием бороться, никто не знал, сколько там солдат-фанатиков. Потом станет известно, что район рейхстага обороняли отборные эсэсовские части —около 6 тысяч человек.

Советские воины были уверены, что они идут в бой, за которым мир. Накануне была устроена «массовая» баня, солдаты насладились веником, попарились. Орудуя иголкой, огрубевшими пальцами пришили чистые подворотнички. И какую же нужно было иметь веру, какую силу воли и убежденность, чтобы перед этим смертным боем, стоя на коленях на цементном полу, на ящике из-под снарядов писать на клочке бумаги: «В партбюро тов. Зенкину. Прошу принять меня в члены партии перед штурмом рейхстага...»

Партбюро заседало всю ночь, и теперь туманным утром штурмового дня в «доме Гиммлера» царила возбужденная атмосфера.

Утром в «дом Гиммлера» приехал и генерал Шатилов.

Командир дивизии приказывал:

— Больше орудий на чердаки! Бить прямой наводкой по вражеской артиллерии справа. Она будет мешать нашему продвижению.

Политработники вели беседы с солдатами, сержантами, офицерами. Они не скрывали трудностей, не говорили приказным тоном. Именно поэтому все слушали их с вниманием, чувствовали необычность обстановки.

— Рейхстаг — железобетонная крепость,— говорил Сьянову комбат Неустроев,— стены простыми снарядами не возьмешь. Окна заложены кирпичом. Но ты имей в виду: вся артиллерия будет работать на тебя. Прекращение огня — красная ракета. Прижимайся ближе к огневому валу, понял? Правее тебя рота Греченкова.

Сьянов все понял. Но его волновали фланги. Он знал, что и набережная Шлиффена, и мост Мольтке, и часть набережной Кронпринца в наших руках, но как на правом фланге, откуда слышна стрельба?..

— Правый фланг у него,— сказал комбат.— К Кроль-опере должны подойти части полковника Асафова. Из Тиргартена — огонь. Как лучше выполнить задачу, решай сам. Но хоть зубами, а зацепись за рейхстаг. Продумай еще раз все. В твоем распоряжении будет около часа...

Для Сьянова задача была очень трудной. Он — парторг роты, но после ранения командира принял командование. Хотя он уже давно воевал в роте, но впервые должен был сам повести бойцов, да еще на штурм рейхстага.

Услышав разговор Сьянова с Неустроевым, Николай Бык разыскал капитана Матвеева:

— Я хочу первым из нашей роты идти на рейхстаг.

— Хорошо,— ответил Матвеев,— но, может быть, кроме тебя найдутся еще желающие?

— Может быть. Давайте спросим.

Около Матвеева стояла группа солдат, которые слышали этот разговор...

— Ну что ж, давай записываться. Кто хочет первым идти на площадь, через ров, к рейхстагу?

— Я,— повторил Николай Бык.

— Еще кто?

И тут послышались голоса:

— Богданов... Руднев... Прыгунов...

Сьянов внимательно выслушал командира батальона и вдруг вспомнил, как месяц назад близ небольшого городка Кенигсберга (на берлинском направлении) в дни, когда войска занимались учебными штурмами больших городов, форсированием рек, каналов, озер, появился командующий фронтом маршал Г. Жуков. Ему нужно было посмотреть, как идет подготовка, и присутствовать на разборе занятий. Когда слово было предоставлено маршалу, он сказал:

— Похвалить могу только за наступательный дух войск. И это очень важно...— Он осмотрел сидящих, словно бы искал тех командиров, которым хотел сказать то, что было главным.— Но я недоволен,— продолжал он.— Так Берлин брать нельзя!.. Танки, словно нарочно, подставляют себя под противотанковый огонь, пехота плохо прижимается к огневому валу... Штурмовые группы теряют связь между собой, а потому нарушается взаимодействие, а бойцы теряют уверенность. Вина на командирах. Даю на подготовку еще десять дней,— сказал маршал.— Проводите учения так, чтобы на вас и на солдатах от пота и соли горели гимнастерки! Берлин мы должны взять штурмом, а не вести изнурительный многомесячный бой. Мы должны овладеть им штурмом, какого не знала история,— повторил маршал.

Не раз вспоминал эти слова старший сержант Сьянов, вспомнил и сейчас, когда стремительность, решимость, быстрота требовались от него как командира роты, от всех его солдат.

В «доме Гиммлера» продолжали готовиться к предстоящему выходу на площадь. Все уже получили по три диска и по 12 гранат, все уже по десять раз проверили и почистили автоматы и все находились в том возбуждении, которое наступает перед сражением и прекращается с началом боя.

Девять рот сгруппировались у окон «дома Гиммлера» и ждали команды, чтобы выпрыгнуть и, не останавливаясь, рывком преодолеть пространство до рва

и там залечь, а если будет возможно — и перебраться на ту сторону. Задача ясна.

Еще утром подразделения вышли на площадь и двинулись к рву, но были накрыты сильным огнем из Тиргартена и залегли. На НП донесли, что потери чувствительны, нужно погасить активность орудий на правом фланге. Некоторым смельчакам удалось дойти до рва и даже перебраться на тот берег — берег, изрытый траншеями, в которых засели эсэсовцы. Завязался бой.

...В утренние часы мы с Горбатовым приехали на КП корпуса в районе Лертерского вокзала. Мы долго бродили по разбитым рельсам и воронкам, пока не добрались до командного пункта. В последние дни КП и НП корпуса и дивизий менялись часто, и нам каждый раз приходилось разыскивать их, плутая между разбитыми домами и этажами.

Где только не было КП корпуса! В Рейникердорфе, в районе Нового кладбища Иоганна, в тюрьме Плетцензее, в районе Моабита, наконец, у вокзала.

Вот и теперь мы явились на новый командный пункт.

— Заходите, заходите,— крикнул генерал, увидев нас в створе дверей. На его столе лежала большая карта Берлина.

Генерал ходил по комнате и был чем-то озабочен.

Борис, выждав немного, спросил:

— Товарищ генерал, неудача?

Переверткин молчал, словно этот вопрос относился не к нему, и продолжал шагать по паркетному полу, глядя вниз. Потом вдруг:

— Какая неудача, если мы на Королевской площади?!

Борис не успокаивался:

— Ну, а на Королевской площади неудача?

Генерал не ответил. Мы подошли к окну.

— Товарищ генерал, разрешите, я пойду на наблюдательный пункт Шатилова? — спросил Горбатов.

— Никуда вы не пойдете,— отрезал Переверткин.

— Но я должен видеть штурм рейхстага!

— Должен, должен,— недовольно повторил Семен Никифорович. Но в это время раздался телефонный звонок, и генерал порывистым движением схватил трубку.

— Слушаю...

В трубке хрипел чей-то голос, и все же мы ясно разбирали слова: «Тяжелая обстановка сложилась в полосе действий 380 полка... Полк несет большие потери, гитлеровцы предпринимают одну контратаку за другой». Семен Никифорович скосил на нас глаза, а в трубку сказал: «Держитесь, сейчас посылаю подкрепление...»

— Я пойду, товарищ генерал,— сказал Борис.

Переверткин не обратил внимания на эти слова и соединился с начальником штаба полковником А. Летуновым.

— Усильте огонь в районе 380, там тяжело. Кроме того, подбросьте туда два взвода... Что?.. Звоните Шатилову или Негоде.

— Семен Никифорович,— смягчив тон, начал Борис,— я прошу вас не как подполковник генерала, а как писатель военачальника, на долю которого выпала историческая миссия.

Поймите же, что герой будущего моего романа — шахтер. Он штурмует рейхстаг... Должен же я хоть одним глазком видеть обстановку, хоть немного, самую малость побыть в его шкуре.

— Я за вашу жизнь в ответе...

— Тогда я пойду к командарму...

Снова раздался звонок. Переверткин отвлекся, а Горбатов, бросив мне на ходу: «Я пойду, а ты жди здесь», вышел из комнаты. Мои уговоры тоже не подействовали.

Генерал кричал в трубку:

— Слышу, слышу... А где полк Плеходанова?.. Где?.. В «доме Гиммлера»? Так, так, а батальон Неустроева?.. Частично пошел... Давыдов тоже... Хорошо!

Положив трубку, Семен Никифорович устало сел на стул. Но тут же новый звонок. У телефона был Негода.

— Отбиваетесь успешно? Молодцы. А где батальон Самсонова? Тоже пошел? Хорошо. Хорошо! Давай, Алексей Игнатьевич!

Один из офицеров штаба, стоявший у окна, с тревогой обратился к Переверткину:

— Товарищ генерал... Горбатов...

— Что Горбатов? — перебил его Семен Никифорович, подошел к окну и позвал нас. Нам было видно, как уходит через улицу Борис.— Как же так? Ведь он сказал, что пойдет к командарму... Срочно пошлите двух бойцов,— распорядился комкор, снова подошел к столу и поднял трубку: — Звезду... Шатилов... Нет его?.. Где же он? У Зинченко? Передайте: если в его расположении появится подполковник Горбатов, чтобы никуда его не выпускали. Понятно?..

И вот вновь звонок. Докладывал Шатилов: «Обстановка напряженная...»

— Я выезжаю к вам,— сказал генерал. На мою просьбу пойти с ним он тоже отказал. На ходу бросил:

— Здесь вы все узнаете и раньше и точнее...

Мне было не по себе. Грохот стал сильнее, и черная шапка дыма накрыла весь район. Я спустился и пошел разыскивать наблюдательный пункт Шатилова. Он был на северном, на нашем берегу Шпрее.

Мне пришлось пересечь путепровод и выйти на улицу Альт-Моабит. Оттуда я свернул на Лонебургерштрассе, которая, как сказали офицеры штаба, приведет к Лертерскому вокзалу, а «там разберетесь».

Улица, по которой я шел, была разбита, и время от времени сверху летели кирпичи, куски железа, стекла. На самой улице валялись тлеющие машины, железный прах бывших пушек, самоходок, перевернутый дымящийся танк, трупы с распростертыми руками, словно желавшие в последнюю секунду своей жизни за что-то ухватиться. Я ругал себя за то, что отказался от офицера, который вызвался меня проводить.

В конце улицы показалась небольшая площадь с садиком, с зеленой травой на клумбах и сотней черных, обугленных, израненных деревьев, которые умирали, как солдаты в строю. Их молодые листочки, опаленные огнем снарядов и расстрелянные пулями автоматов, приобрели какой-то коричнево-фиолетовый оттенок и валялись на клумбах. Быстро перейдя площадь, я попал на другую улицу, где отчетливо слышался артиллерийский гул из-за Шпрее.

Вдруг где-то неподалеку разорвался снаряд, и я вбежал в большой пустой двор с бетонной площадкой. Во дворе никого не было, но, услышав русскую речь, я направился «на голоса» в подвал. Оказалось, здесь на-

ходилась редакция газеты 150-й дивизии «Воин Родины». За столом сидел худощавый старший лейтенант Б. Минчин, а сбоку на скамейке расположились солдаты. Минчин рассказывал печальную историю о гибели редактора.

Они ехали на грузовой машине в поисках штаба дивизии... На улице было спокойно, но, видимо, красная фуражка и кожаное пальто нашего редактора капитана Вадима Белова были замечены фольксштурмистами. Фаустпатрон с чердака с грохотом разорвался у машины. Белов был убит, его заместителя майора Николая Зацепина и наборщика Парнухина ранило...

— Теперь я и за редактора, и за заместителя, и за секретаря,— сказал Минчин.

У стенки сидели водитель Куликов, печатник Одинцов, ефрейтор Дузяк. Все они, вздыхая, вспоминали Белова и проклинали фольксштурмистов.

Минчин сидел над макетом и расчерчивал «подвалы», «стояки», «чердаки», клише разных форматов и торопливо вписывал на каждую страницу аншлаги и заголовки: готовился первомайский номер.

— А где же ваши литературные сотрудники? — спросил я.

— Какие у меня сотрудники — раз, два и обчелся... Коля Шатилов лазит по батальонам в «доме Гиммлера» и должен — «кровь из носа» — доставить в первомайский номер материал о рейхстаге, а другой — не знаю где.

Минчин угостил меня шоколадом. Он бережно доставал его из круглых целлофановых коробочек...

— Откуда это у вас?

— Ребята притащили из пакгаузов Лертерского вокзала.

Попрощавшись, я отправился дальше. Нашел наблюдательный пункт Шатилова, но генерала там не было. Он был на южном берегу Шпрее. Я поднялся на четвертый этаж, и передо мной открылась неясная картина площади перед рейхстагом, полукольцом схваченная рекой. В это время у нас над головой с характерным потрескиванием пролетел самолет «ПО-2». Какой-то смельчак летчик снизился и пошел над изгибом Шпрее. Через несколько дней я узнал, что на этом самолете летал в тот день фотокорреспондент «Крас-

ной Звезды» Олег Кнорринг. Он сделал тогда великолепный снимок, запечатлевший момент штурма рейхстага. Это редкий документ и вместе с тем карта, по которой могли ориентироваться военачальники.

На первом плане — улица Альт-Моабит, врезающаяся в мост Мольтке, слева — какой-то садик с одним, чудом уцелевшим деревом, отлично очерченный изгиб Шпрее, набережная Кронпринца и набережная Шлиффена, на которых дымятся груды домов, в том числе и швейцарское посольство, «дом Гиммлера». На снимке отчетливо видна площадь с множеством танков, орудий, каких-то приземистых строений, а в глубине — дом с куполом, четырьмя башнями и с колоннами — рейхстаг.

По снимку видно, что идут бои, стреляют орудия; дым пожарищ ветром относит на северо-восток: он медленно проплывает над Шпрее, мимо Лертерского вокзала и уходит вдаль и ввысь.

Этот полет-подвиг Олега Кнорринга навсегда останется в памяти как геройское поведение нашего собрата по цеху.

Но вернемся на НП генерала Шатилова. Отсюда даже в бинокль видны были только «туманные картины».

Старший лейтенант А. Курбатов сказал, что Горбатов заходил и ушел. Но куда, он только может догадываться. Ничего не узнав на НП на Лертерском вокзале, я пошел обратно, но иными, менее опасными путями. В угловом доме на улице Альт-Моабит зашел на НП 171-й дивизии.

Из окон были видны малый Тиргартен, кирха и развилка дорог. Алексея Игнатьевича Негоду я не застал. Он, говорили штабные офицеры, ушел, как обычно, «поближе к огню». На месте был начальник штаба дивизии подполковник Иван Феоктистович Топоров. Он подвел меня к карте и рассказал о последних боевых делах.

Весь вчерашний день и всю ночь подразделения 525-го полка, которым командовал И. Николаев, ближе всех подошли к северному фасаду рейхстага и вели бои в кварталах набережной Кронпринца. Каждое здание — посольства различных государств — они пыта-

лись превратить в опорный пункт. В полдень гитлеровцы начали наступление на позиции полка. Батальон майора А. Борисовца в горячей схватке вынудил противника отойти. Сам Борисовец был ранен осколком в голову, его тут же заменил капитан В. Ефимов.

Спустя некоторое время противник возобновил контратаку, значительно изменив направление удара. На сей раз пехота, подкрепленная танками и огнем верхних этажей рейхстага, атаковала фланг второго батальона 380-го полка, который уже занял исходное положение для штурма. Образовался разрыв между двумя полками — 525-м и 380-м. Он достигал двухсот метров. Этим воспользовались гитлеровцы. Они проникли на улицы квартала и открыли автоматный огонь во фланг и тыл второго батальона, которым командовал И. Никифоров. Появились и вражеские танки. Они угрожали выходом в тыл нашим ротам, занявшим исходные позиции вдоль рва на Кенигсплатце. Это был самый тяжелый момент боя, требовавший от молодого некадрового командира полка майора Шаталина и его верного помощника по политчасти Килькеева быстрых, решительных действий. Они выдержали свой самый трудный экзамен.

Только воинская доблесть, умный маневр подразделений полка Шаталина спасли положение. Бой приобрел ожесточенный характер, иной раз переходя в рукопашную схватку. Особенно отличились командир роты Щиголь и командир взвода Афанасьев, пулеметчики Федоренко и Бакун.

Кровопролитный бой вынудил вражескую пехоту и танки отойти. И когда наступила относительная тишина, рядовой 525-го полка Ткачук как парламентер был направлен с белым флагом в дом, в котором засели обреченные на гибель гитлеровцы. Ткачук шел спокойно. Борьба была бессмысленна. Шел долго. А когда осталось несколько десятков метров, раздался треск автоматных очередей, и парламентер был убит наповал.

Вот что происходило в тот момент, когда я в бинокль рассматривал «туманные картинки».

...Позже генерал Шатилов рассказал мне, что в поисках Бориса Горбатова он тут же позвонил на командный пункт в «дом Гиммлера», и подполковник

Плеходанов доложил ему: «Писатель находится у меня, в полуподвальном помещении, стоит у окна и рассматривает рейхстаг».

Шатилов приказал не пускать Горбатова на площадь, в первый эшелон боевых порядков.

— Почему вы запретили? — спросил я.

— Поймите,— сказал он,— там огненное пекло. Горбатов писатель. Бывал ли он в боях, не знаю. Может погибнуть. Нельзя этого допустить...

Все это Борис знал, и все же пошел через мост Мольтке в «дом Гиммлера» на командный пункт Плеходанова.

Горбатов застал картину взволнованной подготовки к штурму: множество людей, бегающих по лестницам и спокойно отдыхающих просто на полу, орудия, поднятые на верхние этажи и поставленные на прямую наводку на рейхстаг.

Узнав о новом броске рот, генерал Шатилов вновь позвонил Плеходанову:

— Ну как? Пошел Греченков?

— Так точно, товарищ генерал, но уже залегли...

— Опять огонь справа?

— Так точно.

— А где Горбатов?

Плеходанов ответил не сразу:

— Он без моего ведома, товарищ генерал, выполз на площадь и увязался за ротой Греченкова...

В полдень грянула артиллерийская подготовка. Спустя полчаса из полуподвальных окон один за другим «выбрасывались» на площадь солдаты, сержанты и офицеры роты лейтенанта Петра Греченкова. Сто двадцать человек!

Не успела рота, пригнувшись, пробежать и пятидесяти метров, как сильный огонь все с того же тиргартенского правого фланга заставил ее залечь. Пролежали недолго, решили ползти дальше. Греченков да и никто в роте не знали Горбатова в лицо, а потому решили, что подполковник — представитель политотдела корпуса или армии. Рота двинулась к трансформаторной будке.

— Я дал команду,— рассказывал мне Греченков,— ползти зигзагообразно: то влево на два-три метра, то вправо. Так мы спасались от беспощадного огня. Я и,

кажется, Литвак скрылись под устоями трансформаторной будки, подполковник был где-то здесь неподалеку... Вдруг между нами упала мина. Она как-то хлюпнулась и не разорвалась. Это было чудо... Рота выбрала момент и двинулась вперед ко рву. «Пахали землю лбами»,— сказал один из солдат. Горбатов хотел пойти дальше, до канала,— «оттуда все, как на ладони». Он долго пролежал у трансформаторной будки и, выжидая момент, то приподнимался, то жался к земле. Затем он под огнем вернулся на НП Плеходанова.

Позже, когда Греченков и Горбатов встретились в спокойной обстановке, Борис сказал:

— Помните неразорвавшуюся мину? Это был привет от рабочих берлинских заводов.

Об этом факте я узнал от генерала Шатилова. Сам Борис, видимо, из скромности никогда о нем не упоминал.

Но он, правдист Борис Горбатов, был единственным из писателей и военных корреспондентов, который вместе с кадровыми офицерами, разведчиками, связистами находился в солдатских цепях на Королевской площади.

...Рота Греченкова двинулась дальше к каналу. Но и тут только некоторым солдатам удалось по железным балкам перелезть на ту сторону.

Деревянные мостки были сломаны. По последнему из них пытался пройти танк, но рухнул в воду и скрылся. Спастись никто не смог. Удачно переправились несколько солдат из взвода разведки под командованием сержанта Лысенко.

Перед Греченковым стояла пелена дыма и пыли. Когда она временами рассеивалась, то командир роты, как через кисею, видел контуры здания с колоннами. Рейхстаг дымил...

Тем временем после артиллерийской подготовки, в 13.00, из полуподвальных окон на площадь выскочила рота Ильи Сьянова. Солдаты сбили мостки из досок и по ним выбегали из окон. В это же время от «дома Гиммлера» в атаку пошли еще две роты батальона Давыдова — Батракова и Корнеева, а правее их — батальон Логвиненко. Огонь со стороны Тиргартена и Кроль-оперы усилился. Но атака началась,

нужно было выйти ко рву всем ротам. Двинулись бойцы батальона Клименкова и на самом левом фланге батальон Самсонова из 171-й дивизии. По пути ко рву — воронки, подбитые танки, перевернутые орудия, фургоны, тягачи. Все в огне — горели дома, земля, все — в дыму. Неясно: день ли, ночь ли?

Бой на подступах к рейхстагу вели подразделения батальона Самсонова. Особую активность и боевитость проявила рота под командованием офицера Арсения Сочивки. Она сражалась геройски. Когда вражеские войска прорвались в тыл и мешали продвижению батальона, Сочивка обходным маневром ворвался в траншею, навязал бой, уничтожил несколько десятков солдат и офицеров и вышел ко рву. Батальон И. Никифорова рванулся было вперед. Но сильный огонь из рейхстага вынудил бойцов залечь.

В этих боях было немало потерь. Пострадал и командный состав: убиты Ткаченко и Афанасьев, не добежавший до лестницы рейхстага несколько десятков метров, ранен Сочивка, контужен Гончаренко.

Особо проявили себя в этих боях добровольцы из штурмового отряда майора М. Бондаря. Пятеро из них получили звание Героя Советского Союза: ефрейтор Казанцев, сержанты Кагыкин, Докин, Зубарев, Канунников.

Где-то поблизости действовал отряд добровольцев капитана Макова. Теперь уже на площади были бойцы пяти батальонов трех полков, противотанковый дивизион, артиллерия разных калибров. Все это устремилось вперед, к дымящемуся зданию с колоннами.

Это был особый бой, не похожий ни на один другой, бой с открытым флангом, схватки в траншеях и в воронках от бомб, на небольшом плацдарме, где прямого пути не было, а нужно было быстро менять позицию, маневрировать, хитрить, не замечать мелких ранений. К тому же это был только «попутный бой», а впереди стояла стреляющая громада, за которую нужно было вести главное сражение.

Фашисты сопротивлялись с безумием обреченных, как раненые звери, ибо падение рейхстага для отборных эсэсовцев было не только потерей крупного опорного пункта, а самим крахом, концом фашистской Германии. И потому они шли на все.

Рота Сьянова оказалась иаиболее стремительиой.

— Мои солдаты бежали иавстречу огнеиной метели и кричали гулко и протяжио: «Урр... рра... а...»,— рассказывал Сьяиов об этом броске.— Их голоса тоиули в грохоте стрельбы. Я часто обегал цепь, чтобы не потерять из виду людей. Дважды меия задело осколками — в правую иогу и в правое плечо. Но было ие до перевязок... Перебегая от воронки к вороике, прячась за каменные плиты, срублеиные деревья, преодолевая рвы и завалы, по-пластуиски переползая открытые места, мы бежали по огнениому морю, иа каждом шагу рвались мины и снаряды. Многие пали, раиеные отползали к воронке... Открыв огонь из всех видов оружия, моя рота бросилась в атаку... Я бежал впереди роты, и мие казалось страииым, что я еще живой... Дожить до такой мииуты! Мог ли я думать, что я, Сьянов, бухгалтер из села Семиозерное Кустаиайской области, поведу роту иа штурм рейхстага! Осколки свистят, а я бегу, и вместе со миой — вся рота... Мы бросились на ступеиьки рейхстага... Бык, Богдаиов, Светличный, Щербина, Прыгуиов, Руднев, Кузьма Гусев, Берест, Егоров, Кантария, Якимович, Лука Иванович Кавтунов и его сын Николай Лукич... В это время немецкий снаряд разорвался между высокими колоииами. Осколок произил Якимовичу грудь, и он упал замертво с поднятой рукой, в которой сжимал граиату. Кровь Вадима Якимовича запеклась иа плитах. Мы уже знали, что погибли Пятницкий, радист Гирский, Евдокимов, Ищаиов. Когда мы оказались иа широкой лестнице, на иас посыпался огнеиный град. Гитлеровцы стреляли из всех окон... Но мы уже косиулись толстых стеи рейхстага. Перед нами высилась огромиая, в нескольких местах разбитая снарядами дверь, уставленная кирпичом. Мы закидали проломы граиатами. В стеиах тоже миого было проломов, и иаши бойцы проникли через них в рейхстаг.

Только иакануие штурмующие сдали тяжелейший экзамен, атакуя и очищая от врагов «дом Гиммлера». Может ли быть что-либо серьезиее?

Но иикто не зиал, что «поле боя» виутри рейхстага имеет особеиности: коронациоиный зал с колоннами, множество комнат, лестниц, ииш, статуй, балкоиов. Ко всему этому иужно было приспосабливаться в ходе

боя. И первое, что увидели солдаты роты Сьянова,— это феерическую картину огненных пулевых трасс, летящих в разных направлениях и с разных высот в туманной дымной темноте... Бой с площади переходил в большое незнакомое здание, сначала в вестибюль, а затем в коронационный зал.

Рота Греченкова ворвалась в здание с южной стороны, как раз со стороны Тиргартена и Бранденбургских ворот. На их пути был невысокий кирпичный домик с подвалом. Командир роты спустился и встретил там германского полковника, который хорошо говорил по-русски.

— Здесь наша медицинская часть,— сказал он,— я вас приветствую и предлагаю подземным ходом, идущим от нас в рейхстаг, пропустить ваших солдат.

Греченков переглянулся с Литваком. В это время командир роты заметил, что стол, стоявший посреди комнаты, зашевелился. Из-под стола вылез долговязый генерал медицинской службы.

Греченков отправил немецкого генерала в тыл, к Шатилову, а от предложения полковника отказался. Когда вылезли наружу, то увидели, что пулеметный расчет сержанта Шевченко ведет огонь по гитлеровцам, наседавшим со стороны Бранденбургских ворот. Этот короткий бой отвлек их внимание от центрального входа, куда врывались солдаты Ильи Сьянова. В это же время взводы Литвака и Лужникова были уже у «парламентского входа» в рейхстаг, с его южной стороны. Двери оказались открытыми. Это был единственный ход для связи фашистского гарнизона рейхстага со своим командованием. Именно в эти двери ворвались Литвак, Лужников, Досычев, Лысенко, Такнов, Булатов, Бородулин, Гавришев, парторг батальона старший лейтенант Исаков. Вместе с ротой был и Петр Греченков. Это он, рабочий Метростроя, с первого же дня войны взявший в руки автомат, вот теперь, 30 апреля, привел свою роту к депутатскому входу.

Когда рота оказалась в темном коридоре, который вел в коронационный зал, неожиданно послышался голос: кто-то на русском языке вещал по радио:

— Русские солдаты, с вами говорит комендант рейхстага. Не верьте своим комиссарам и командирам.

Вас вошло 50 человек, я считал на пальцах. Если вы не уйдете через пять минут, будете уничтожены, у меня две тысячи солдат.

— Я посмотрел в глаза своим бойцам,— рассказывал Греченков,— и понял, что они не только не испугались, но готовы были сразу же идти в атаку...

И пошли. Они врывались в каждую комнату, бросали туда гранаты, «обрабатывали» автоматами и шли дальше. Некоторые фашисты убегали, другие дрались до последнего патрона. Рота продвинулась к коронационному залу. Там она и встретилась с бойцами роты Сьянова.

...После тяжелых боев подразделение парторга А. Никитина из батальона Самсонова прорвалось к рейхстагу. Раньше других у колонн оказались сержанты Г. Савенко и М. Еремин. У них был флаг полка.

Как это произошло? Вот что рассказал мне недавно, спустя почти тридцать лет, Михаил Еремин.

— В десять часов утра 30 апреля комбат Самсонов отбирал людей для водружения флага. Это выпало на нашу долю. Мы тогда находились в здании около швейцарского посольства. Пополнили боекомплект патронов и гранат и, получив флаг, хотели пробраться вперед, но меня тут же ранило. Сделали перевязку, и мы снова пошли вперед. В 14 часов 25 минут нам удалось добраться до рейхстага и водрузить флаг на крайней колонне центрального входа...

С другой стороны рейхстага такой же флаг водрузил Рахимджан Кошкарбаев из 150-й дивизии, а позже и много других. Здесь были флаги П. Смирнова, Н. Беленкова, Л. Сомова из роты 525-го полка А. Коршуна, артиллеристов Г. Булатова, Д. Алексеева, Б. Япарова.

В эти часы Горбатов сидел на НП в подвале «дома Гиммлера», а я — на другом, северном берегу Шпрее.

Шатилов только вернулся с Королевской площади и все видел своими глазами. Но оставаться там на площади ему не разрешал генерал Переверткин, напомнив, что существует еще один полк — Мочалова, который с трудом сдерживает атаки гитлеровцев в тылу всего корпуса и что ему, Шатилову, надлежит командовать всей дивизией...

Время от времени слышался хрипловатый голос генерала:

— Не допускайте, чтобы люди долго лежали. Пусть Неустроев поднимет их. Давыдов тоже...

Иногда он уходил наверх. Смотрел в дымную пелену и снова спускался к телефону.

— Смотрите на север! — кричал он.— Видите, что творят там подлецы. Подавите огонь в районе моста Карлштрассе!..

А к пятнадцати часам пошло по цепочке. Командиры полков доложили Шатилову: «14 часов 25 минут — рота Сьянова ворвалась в рейхстаг». И тут же: «Рота Греченкова ворвалась в рейхстаг...» Немного отлегло от души. Тут же доложили, что подразделения батальона Самсонова прорвались в рейхстаг.

Начальник политотдела армии Ф. Лисицын, находясь на НП корпуса, связался по телефону с начальником политотдела 171-й дивизии А. Сотниковым.

— Правильно ли, что наши ворвались в рейхстаг? — спросил он.

Сотников ответил:

— Да, ворвались, но подробнее доложим после проверки.

— Тогда,— сказал Лисицын,— возьмите нескольких бойцов и направьтесь к рейхстагу, посмотрите, затем доложите.

Сотников пошел через Кенигсплатц, увидел флаги на колоннах, солдат, вбегающих в разбитые кирпичные проемы, но тут же был тяжело ранен.

Доложили без него.

Стало известно, что группа саперов во главе с лейтенантом И. Иванниковым действовала в расположении 525-го полка. Увидев глубокую выбоину от тяжелого снаряда в стене северного фасада рейхстага, они заложили в нее 20-килограммовые фугасы и подорвали часть массивной стены. Повторная операция позволила сделать пробоину в стене, которая затем пригодилась для передачи боеприпасов. Через нее же просочились и отдельные штурмовые группы.

Донесения пошли в штаб корпуса, оттуда — в штаб армии. В 15 часов 30 минут командарм 3-й ударной генерал В. Кузнецов сообщил командующему фронтом Г. Жукову:

— Красное знамя в рейхстаге! Ура, товарищ маршал!

Жуков был взволнован:

— Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой... Этот исторический подвиг никогда не будет забыт советским народом... А как с самим рейхстагом?

— В некоторых отсеках идет бой...

Все это было так. Но после того как роты Сьянова, Греченкова, а позже и подразделения парторга Никитина из батальона Самсонова ворвались в рейхстаг, связь с ними прекратилась. Да и как не прекратиться, если каждый метр земли накрывался минами и снарядами! Радиста Гирского убило на самых подступах к лестнице, а аппарат его был разбит. На бесконечные запросы: «Связь восстановлена?» — неизменно следовал ответ: «Нет».

Это было тем более страшно, что со стороны Бранденбургских ворот и со стороны Карлштрассе показались немецкие танки и цепи солдат между ними, а на самой площади появились группы гитлеровцев...

Генерал Шатилов приказал бросить против них батальон Логвиненко, а полковник Негода — батальон Плохотнюка из 525-го полка. И снова завязался бой. В эти тяжелые часы отбить контратаку помогли артиллерия Тесленко и противотанковые орудия дивизиона Бессараба.

Илья Сьянов рассказывает:

— Берест, Егоров и Кантария, которым было поручено водрузить знамя над рейхстагом, прикрепили его к колонне у входа... Потом сообразили, что его могут сбить, и внесли в здание, хотя и тут стрельбы хватало... Да, мы знали, что началась контратака, что показались танки, мы даже их видели... Мы были оторваны от всех наших, сидели в здании, где на верхних этажах и в подвале находилось более двух тысяч немцев... Конечно, все входы из подвалов были надежно перекрыты. Все же настроение было тревожное. Когда же остальные роты батальонов придут нам на помощь? Связи не было...

Горстка храбрецов, ворвавшись в здание, завязала неравный бой с эсэсовцами-фанатиками, которым теперь уже было нечего терять. Вся надежда была на контратаку. Они о ней знали...

А с НП дивизии беспрерывно запрашивали:

— Связь восстановлена? Где Сьянов, Греченков, Лысенко? Живы ли?

Связи не было.

В это время 9-й корпус генерала Рослого всеми дивизиями уже вышел к имперской канцелярии и зданию гестапо. Дивизия полковника Антонова наступала с юга от северного берега Ландвер-канала, за каналом находились части 8-й гвардейской армии. Серьезным препятствием оказался район, где высилось здание гестапо. Что-то закономерное было в том, что рядом со зданием рейхстага и Кроль-оперы, в которой в последние годы происходили все торжественные фашистские празднества, находилось министерство внутренних дел — резиденция Гиммлера, а у здания имперской канцелярии, как сторожевой пес, расположилось гестапо с тюрьмой под боком.

Было много схожего и в сражениях, которые вели наши войска в районе рейхстага, и тех, что шли на улицах близ имперской канцелярии. Бой за «дом Гиммлера» во многом походил на бой за дом гестапо и прилегающую к нему площадь. Она была меньше, но это было удобнее обороняющейся, а не атакующей стороне, ибо огонь пушек и танков, поставленных на прямую наводку, был интенсивнее, точнее, эффективнее, цели для фауст-патронов были ближе, контратаки гитлеровцев из проломов домов — неожиданнее. В этих условиях полк Гумерова вел тяжелые бои. На правом фланге батальон Шаповалова успешно взаимодействовал с батальоном соседнего полка Пешкова и захватил крайний дом на углу Вильгельмштрассе и Кохштрассе. Это была большая удача, открывшая возможность с фланга поддержать батальоны и Михайлова, и Давыдова — однофамильца командира батальона, который в эти же часы сражался на Королевской площади у рейхстага.

Особенно сильные контратаки шли со стороны Потсдамского вокзала. Огневая мощь с нашей стороны нарастала. К силе полковой, дивизионной, корпусной артиллерии, к огню танков и самоходок, «катюш» прибавился огонь дальнобойной артиллерии.

Здание гестапо пало. Затем в руках частей дивизии Антонова оказалась тюрьма и разбитая гостиница «Европа». Батальоны продвинулись вперед и по Виль-

гельмштрассе приблизились к ближайшим постройкам имперской канцелярии.

Но сегодня произошло событие, которое вышло за рамки обычных военных действий. В ответ на сокрушительный огонь вдруг из подземелья ближайшего здания показался белый флаг. Командир полка Гумеров приказал прекратить огонь. Это произвело сильное впечатление на солдат, которым казалось, что война кончилась и что теперь осталось идти вперед принимать вражеское оружие, ставить солдат в колонны и отправлять в тыл. Комбатам Шаповалову и Михайлову пришлось успокаивать бойцов и только силой приказа оставлять их на местах.

Тем временем из подземелья вышла группа немецких офицеров с белым флагом. Она шла к дому, где был расположен КП подполковника Гумерова. Это были полковники фон Дюффинг и Герман, подполковники Зейферт и Эдер, обер-лейтенант Зегер и солдат, фамилию которого никто не записал.

Их встретили командиры батальонов Михайлов и Шаповалов.

— Парламентеры сдали нам свое личное оружие, показали мандат, подписанный Геббельсом,— рассказывал Шаповалов.— Мы препроводили их к командиру полка, в подвал датского посольства. Все, кроме полковника Эдера, обер-лейтенанта Зегера и солдата, вошли к Гумерову. Эдер, солидный человек, на немца внешне не похож, прекрасно говорит по-русски. Волосы у него черные, гладкие, зачесанные назад, лицо круглое, полное. Мы задали ему несколько вопросов, в том числе о Гитлере. Тот ответил, что он знает только о браке фюрера с Евой Браун.

— Этим актом он показал немцам свою жизнеспособность, надежду на спасение,— заявил Эдер.

Мы задали еще несколько вопросов и вели довольно оживленную беседу, как дверь открылась, парламентеры вышли, и нам было приказано сопроводить их до места перехода ими улицы. Они ушли обратно.

Узнав о появлении парламентеров, на наблюдательный пункт прибыл комдив полковник Антонов. Он тут же связался с штабом корпуса и вскоре получил ответ: «Не вступать ни в какие переговоры с представителями фашистского командования».

Командарм Берзарин решил, что вся затея с парламентерами потребовалась фашистам, чтобы сорвать наступление советских войск, получить передышку на день, на ночь, на час...

Во время пребывания парламентеров у Гумерова произошел один любопытный эпизод. Подполковник Зейферт, спросив разрешения закурить, открыл свой серебряный портсигар. Владимир Семенович Антонов с удивлением смотрел на портсигар, на крышке которого были изображены ключи от Берлина, Георгиевский крест четвертой степени № 662857 с золотым вензелем.

Оказывается, царское правительство наградило этим портсигаром русского офицера за боевые заслуги в 1890 году. Портсигар находился в каком-то музее небольшого украинского городка, а когда в 1918—1919 годах кайзеровская Германия оккупировала Украину, портсигар попал в руки немцев. Возможно, в те годы Зейферт был на Украине и присвоил портсигар.

Пожилой подполковник гитлеровской армии, видимо, решил, что теперь самый раз вернуть «находку» по назначению — русскому офицеру, кавалеру многих орденов, который пришел со своими войсками на берега Шпрее, и протянул портсигар полковнику Антонову.

Позже, в тот же день, из подвала вновь показался белый флаг, и вновь последовал приказ прекратить огонь.

На командном пункте Гумерова появились парламентеры. На сей раз они принесли с собой открытый пакет, удостоверяющий их полномочия как парламентеров, и второй, закрытый, адресованный Жукову. На конверте вместо «Жуков» было написано «Шуков».

И снова по приказанию командарма Берзарина им предложено было вернуться.

Полковник фон Дюффинг был явно недоволен, даже ругнулся: «Доннер веттер...» Но, прежде чем вернуться к себе, он попросил катушку провода, чтобы протянуть связь для переговоров германского и советского командования. Провод ему дали, он взвалил катушку на плечо и вышел со своими людьми обратно через улицу. Не успел он подойти к своему зданию, а

сопровождавший его наш майор и немецкий лейтенант пройти и полпути, как неожиданно с вражеской стороны раздались выстрелы: полковник упал и пополз к двери в подземелье. Советский майор и немецкий лейтенант были ранены.

Тут же закипел бой.

Но в третий раз появился белый флаг. Это полковник фон Дюффинг принес письмо адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа.

В письме говорилось, что в случившемся виноваты подразделения, в которых не все солдаты владели немецким языком (из особого отряда генерала Монке). Не поняв команды, они открыли огонь. «Командование приносит извинения, берет всю ответственность на себя и обещает в дальнейшем не допускать таких нарушений»,— писал адъютант Гитлера.

Полковника отпустили, но извинениям не очень поверили...

В то время как в районе имперской канцелярии замелькали белые флаги, на здании рейхстага — на колоннах, в окнах — появились красные. Это было знамением дня.

В шестом часу вечера грянула артиллерия. Более ста разных видов орудий открыли огонь по рейхстагу и району Тиргартена, Бранденбургских ворот, платц Паризьен, Карлштрассе. Они создали «огненный пояс» вокруг Королевской площади и тем помогли вторым эшелонам полков Зинченко, Плеходанова и Шаталина ринуться в бой.

Неустроев во главе своего батальона с ходу переправился через ров и помчался к лестнице главного хода, за ним бежали бойцы роты капитана Ярунова. Пулеметчики лейтенанта Козлова и батальон Клименкова были здесь же. Роты Грибова и Горшкова тоже достигли лестницы. Все они ворвались в рейхстаг, услышали беспорядочную стрельбу, увидели бочки, перевернутые столы, ящики, статую женщины с весами, скульптурную фигуру Бисмарка, которую, оказывается, недавно решили укрыть от огня и втащили с площади под своды Коронационного зала. Теперь он своими чугунными глазами смотрел на позор германской армии, отступившей на последний плацдарм — паркетный пол Коронационного зала. Пули, звеня,

отскакивали от него, оставляя на статуе лишь крошечные, как следы оспы, вмятины. Такие же отметины были и на статуе Вильгельма II, у которой к тому же были отбиты ухо и кончик носа.

Пока первые роты сумели определиться в темноте, найти Сьянова, Греченкова и их солдат, в рейхстаг ворвались роты батальонов Давыдова из 150-й дивизии и Самсонова — из 171-й дивизии. Бой в здании разгорался, некоторые группы укрепляли красные флажки в любой расщелине в кирпичных кладках. «Фронта» в рейхстаге не было. Группы солдат вели огневой и рукопашный бои в комнатах, на лестницах, на балконах. Тем временем группа связистов сержанта Ермакова ползала по Королевской площади, по воронкам, разбитым плитам, по гусеничным тракам танков, по дымящимся ящикам, мимо трупов в поисках обрыва кабеля. Был найден один, другой, пятый, десятый...

И вдруг в Коронационном зале, несмотря на автоматный треск, ясно послышался звонок телефона. Кузьма Гусев взял трубку:

— Докладывает Ермаков,— услышал он,— связь восстановлена.

Тут же состоялся разговор Неустроева с Зинченко...

На наблюдательный пункт Шатилова эта весть долетела через две минуты. Все облегченно вздохнули... Теперь уже было ясно: рейхстаг взят прочно и серьезно.

К Шатилову пришли начальник политотдела армии полковник Ф. Лисицын и еще несколько офицеров.

Лисицын сказал:

— Поздравляю с удачным штурмом рейхстага. Обстановка в общих чертах мне ясна. А о деталях вы нам расскажите.

Вечерело, и увидеть рейхстаг сквозь дым и пороховые газы нельзя было. Присутствующие удовлетворились рассказом комдива, который «раскрывал» все свои знаки на карте.

— А где знамя? — спросил Лисицын.

— В рейхстаге,— ответил комдив.— Принимаются меры, чтобы водрузить его на купол.

Тут же генерал Шатилов доложил, что комендантом рейхстага назначен полковник Федор Матвеевич Зинченко.

К ночи стало известно, что знамя Военного совета № 5, выданное 150-й дивизии, водрузили над куполом рейхстага М. Кантария и М. Егоров.

Знаменосец Михаил Егоров так рассказывает о пережитом в тот момент.

— В нашу задачу входило вырваться на крышу. Немцев там не оказалось. Мы решили закрепить знамя на бронзовом коне, так как беспрерывно рвавшиеся мины не давали сделать это на куполе. Позднее, когда стало темнеть, мы сняли знамя с бронзового коня и стали пробираться к куполу. Но он был разбит. Купол представлял собой железную раму, ранее застекленную. Теперь же все стекло было разбито. Через этот купол хорошо освещался зал рейхстага. Крепко держась, вылезли мы на его вершину, закрепили знамя...

Мне довелось слышать этот рассказ в Кремле в день 20-летия со дня начала войны. И вспомнилось тогда, как Илья Сьянов в Москве показал «историческое», как он сказал, командировочное предписание.

«20 июня 1945 года № 9422—9/7.

Старшему сержанту Сьянову Илье Яковлевичу.

С получением сего предлагаю Вам отправиться в город Москву со Знаменем победы, водруженным над Берлином.

Срок командировки 12 дней.

Об отбытии донести.

Командир войсковой части ПП 48251

Генерал-лейтенант *Галаджев*».

...В здании начался пожар. Гитлеровцы подожгли шкафы с бумагами и книгами и пытались, видимо, «выкурить» наших солдат из здания. Но и эта акция не помогла. Сопротивление фашистов ослабло.

Правда, часть гарнизона, и не малая, отсиживалась в подвале и на предложение сдаться отвечала отказом.

Наши войска овладели инициативой и добивали остатки гарнизона.

Вечером 30 апреля в рейхстаге появились заместитель командира 756-го полка майор А. Соколовский и командир 380-го полка майор В. Шаталин.

Спустя 22 года я, сидя на даче у Г. К. Жукова, старался уточнить некоторые, казалось мне, неясные

факты того дня. Маршал сидел у большого окна и глядел на желтый осенний сад, подступивший к стенам дачи. Лицо его было сосредоточенно, и он явно мыслями находился в тех далеких дымных и огневых днях. На чисто выбритом лице его, на характерном, волевом подбородке лежала легкая синева от вельветовой куртки. Теребя в левой руке очки, вспоминая этот день, маршал говорил:

— Да, да, это было именно так... И хотя не сразу, а вечером я позвонил Сталину и сказал ему:

— Мы подготовили подарок нашему народу, хотим порадовать его к пролетарскому празднику.

— Какой подарок? — перебил он меня.

— Наши войска ворвались в рейхстаг.

— Не подгоняйте штурм к празднику,— ответил он.— День и час для нас не играют роли... Вопрос решен...

— Бои в рейхстаге продолжались всю ночь на 1 мая и весь праздничный день,— продолжает Георгий Константинович.— К концу 1 мая гитлеровские части общим числом около 1500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Рейхстаг был полностью очищен от противника.

* *
*

Рано утром Гитлер вызвал Монке и спросил его об обстановке. Он звонил не Кребсу, а Монке. Теперь уже отпали вопросы «восточного фронта» и «западного фронта». Ни Венк, ни Буссе, ни Шернер не придут. Кребс был уже не нужен, а обстановку вокруг имперской канцелярии никто лучше Монке, естественно, знать не мог.

На сей раз они ориентировались по туристской карте центральной части Берлина.

На ней еще рельефнее было обозначено сжатое до предела кольцо вокруг правительственных кварталов: на севере черной краской отмечен район Вейдендамского моста, на востоке — у Люстгартена, на юге — у Потсдамской площади, на западе — у Зоологического сада в Тиргартене.

Гитлер поинтересовался, сколько времени может продержаться район «Цитадель». Монке ответил:

— Двадцать четыре часа.

Утром состоялся так называемый прощальный обед. Присутствовал очень узкий круг людей. Гитлер и Геббельс с женами, Борман и две секретарши. Прислуживал шеф-повар Вильгельм Ланге. Обед прошел в тягостной обстановке, никто почти ничего не ел.

— Я слышал обрывки фраз,— рассказывал мне через три дня Ланге,— и понял, что речь шла о Муссолини, которого повесили в Милане.

Обед окончен. Гитлер с женой ушли в свои покои.

Что будет дальше? Канцлер несколько раз назначал сроки самоубийства, но все время оттягивал и менял их. Прошло уже несколько часов после окончания обеда, весь бункер в напряжении: ждет конца, а его нет. В бункере не знали, что советские солдаты уже в рейхстаге.

В полдень пришел Аксман. Геббельс сказал ему, что «фюрер» прощался со своими ближайшими сотрудниками. Аксман заторопился к комнате «фюрера», но у двери стояла огромная фигура его телохранителя Отто Гюнше. Он не пустил его: «Фюрер приказал никого не пускать, и пока он жив, для меня его приказ есть приказ». В другой комнате, расположенной рядом с покоями Гитлера, находились Геббельс и Борман. Туда же пришел Аксман. Они долго ждали. Вдруг Геббельс сказал: «Там, кажется, стреляли». Вскоре открылась дверь, и Гюнше коротко сказал: «Фюрер мертв». Все вошли в комнату Гитлера.

Он сидел, откинувшись, на диване. Левая рука была прижата к телу, а правая свисала вниз через подлокотник дивана. Рядом сидела Ева Браун. Казалось, что она спит. Она приняла яд...

Приближенные «фюрера», в том числе и Аксман, пытаются придать смерти Гитлера окраску офицерской смерти, утверждая, что он застрелился.

Мне пришлось присутствовать при опознании челюсти Гитлера. На мое замечание, что в зубах Гитлера были обнаружены осколки ампулы цианистого калия, Аксман пожал плечами и ответил: «Остается предположить, что могло иметь место и то и другое...»

...Новый канцлер — Геббельс собрал совещание, чтобы решить вопрос, как быть дальше. Кроме Геббельса, Бормана, Наумана и Аксмана присутствовали

Кребс и Бургдорф. Геббельс и Борман предложили свой план заключения перемирия на несколько часов, чтобы договориться о дальнейшем. В качестве парламентера назвали Кребса.

Генерал Вейдлинг, прибывший в имперскую канцелярию во второй половине дня, записал в тот день:

«Я был глубоко потрясен. Итак, это был конец!

После краткого размышления я спросил генерала Кребса: верит ли он как солдат, что русское главное командование согласится на переговоры о «перемирии» в тот момент, когда зрелый плод должен быть только сорван? По моему мнению, вместо перемирия нужно было бы предложить безоговорочную капитуляцию Берлина, тогда, может быть, и представилась бы возможность, благодаря любезности русского командования, собрать в Берлине легализированное фюрером правительство и как можно быстрее закончить эту сумасшедшую битву за Берлин.

Доктор Геббельс категорически отвергал любую мысль о капитуляции. Я не мог удержаться, чтобы не сказать ему: «Господин рейхсминистр, неужели вы серьезно верите, что русские будут вести переговоры с таким правительством Германии, в котором вы являетесь рейхсканцлером?»

На сей раз я разбил господина Геббельса!» [1]

Кребс и офицеры были уже готовы к переходу с белым флагом...

---

[1] «Совершенно секретно», стр. 625.

1 мая

Генерал Кребс переходит линию фронта с белым флагом.— «Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции».— Первомайские бои в рейхстаге и у имперской канцелярии.— «Здесь я, фамилия моя Ваганов».— Конец подземелья.

В ночь на 1 мая немецкие громкоговорители заголосили:

«Внимание, внимание!! Просим прекратить огонь! К 24 часам по берлинскому времени высылаем парламентеров на Потсдамский мост, опознавательный знак — белый флаг».

Этот текст был повторен. Огонь прекращен.

Генерал пехоты Ганс Кребс, натянув черные перчатки и взяв в руки два пакета, вышел из бункера имперской канцелярии. Он был одет в обычную генеральскую форму, на его груди висел железный крест, а на рукаве вышит фашистский знак. Он давно не был на воздухе. Где-то далеко-далеко слышалась стрельба, а сюда, в сад имперской канцелярии, нежданно-негаданно как бы спустился мир. Но это только казалось. Генерал осмотрелся и увидел дымное зарево пожарищ. Берлин горел.

Рядом с генералом шел полковник фон Дюффинг с большим белым флагом, который пока был свернут. Этот флаг торопливо шили сестры милосердия из подземной санчасти. Вчера они изрезали несколько простынь для капитулянтских флагов, а в ночь на сегодня им удалось найти чистое белое полотно, из которого и был сшит флаг для Кребса. Сестры понимали, что это полотнище особое, если уж сам Кребс пойдет с ним.

Вскоре парламентеры появились в расположении полка Гумерова, а оттуда были доставлены в район Темпельхофа на командный пункт генерала Чуйкова. Ему маршал Жуков поручил принять парламентеров. Здесь, у входа, их попросили подождать. Заложив руки за спину, генерал стоял не двигаясь и глядел в

одну точку, в дымный горизонт Берлина. Этот момент хорошо запечатлен на известном снимке фотокорреспондента Е. Халдея.

Наконец Кребса пригласили в здание. Он был бледен и явно нервничал. Предъявив свои полномочия, протянул Чуйкову пакет и сказал:

— Буду говорить особо секретно... Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что 30 апреля Гитлер покончил самоубийством...

— Эта новость нам известна,— возразил Чуйков. Кребс был удивлен и расстроен, ибо нужного эффекта его заявление не произвело. Затем он зачитал обращение нового рейхсканцлера Германии:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера, мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

К этому письму было приложено политическое завещание Гитлера. Прочитав эти документы, Василий Иванович Чуйков вышел в другую комнату и связался с маршалом Жуковым. Маршал просил его подождать и сообщил, что направляет для переговоров своего заместителя генерала армии В. Д. Соколовского.

Тут же Жуков связался с Москвой.

«...Я позвонил И. В. Сталину,— пишет Г. К. Жуков.— Он был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

— Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Очень скоро И. В. Сталин подошел к телефону. Я доложил полученное сообщение о самоубийстве Гитлера, появлении Кребса и решение поручить переговоры с ним генералу В. Д. Соколовскому. Спросил его указаний.

И. В. Сталин ответил:

— Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

— Передайте Соколовскому,— сказал Верховный,— никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести.

Если ничего не будет чрезвычайного,— не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас первомайский парад» [1].

Жуков позвонил Чуйкову и просил прислать ему письмо Геббельса и другие документы.

Над землей уже встало раннее утро 1 мая. Сквозь облачность изредка прорывались лучи солнца...

Генерал армии Соколовский настаивал на безоговорочной капитуляции, а Кребс все твердил: «Я не полномочен это решить».

Переговоры явно зашли в тупик.

В одиннадцатом часу дня, когда на Красной площади заканчивался парад и началась первомайская демонстрация, едва ли не самая радостная из всех, что были до нее, из Москвы сообщили: «Советское правительство дает окончательный ответ, капитуляция общая или капитуляция Берлина. В случае отказа продолжать штурм».

Кребс растерян.

— Я не имею полномочий. Надо воевать дальше, и кончится это все страшно. Капитуляция Берлина тоже невозможна. Геббельс не может дать согласие без Деница. Это большое несчастье...

Кребса приглашают к завтраку. Все проголодались. Немецкий генерал с удовольствием ест и сосиски, и икру, пьет коньяк. В этой комнате собрались все генералы, писатели Всеволод Вишневский и Евгений Долматовский, корреспондент «Правды» Иван Золин. Идет оживленная беседа, но в комнату доносится артиллерийская стрельба. Кто-то вспомнил о первомайском параде. Раньше Кребс бывал на них. Он, как военный атташе германского посольства, по-своему смотрел на парад и аккуратно доносил о состоянии боеготовности Красной Армии. Но много ли он знал?!

И вот теперь он здесь, в одном из домов близ Тем-

[1] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, т. 2, стр. 362—363.

пельхофского аэродрома, сидит не в качестве наблюдателя, а в роли человека, который принес белый флаг капитуляции.

Из радиоприемника доносится бравурная музыка.

— Хорошо теперь в Москве,— вдруг сказал Кребс.

Все оглянулись на него.

— А как вам нравится в Берлине? — спросил Соколовский.

Кребс смутился.

Артиллерийская канонада усилилась. Она словно бы напомнила Кребсу, что ждать больше нечего. Он вскочил:

— Пора возвращаться.

В 13 часов 08 минут Кребс покинул командный пункт Чуйкова, явно торопясь (вернулся — забыл перчатки). Огонь на время приказали прекратить.

На фронте тишина. Изредка постреливают автоматчики. Относительно тихо и на Королевской площади. Но в самом рейхстаге идет бой...

Вчера мы не поехали в Штраусберг. Водружение Знамени Победы над куполом задержало нас в штабе корпуса генерала Переверткина. Но его мы так и не нашли и остались на ночлег у полковника Мирошникова. По всему было видно, что он был нам рад. Разговоры только и были, что о Знамени Победы над рейхстагом. Корреспонденцию об историческом штурме мы уже написали и отправили в армейский узел связи, убежденные, что в номер от 1 мая она должна обязательно попасть. К тому же, казалось, на первую полосу. Шутка ли, «Знамя над Берлином»!..

Сейчас мы сидели у радиоприемника и на всех диапазонах ловили Москву. Но ничего поймать не могли — на радиоволнах много музыки, джазов из кабачков Парижа, Брюсселя, Лондона...

Но вдруг мы услышали:

— Внимание! Говорит штаб 56-го танкового корпуса германской армии. Просим прекратить огонь...

Это и было то самое обращение, которым начиналось сообщение о высылке парламентеров.

Мы переглянулись. Что-то будет... Было понятно, что это первые голоса — предвестники капитуляции. Мы молча пожали друг другу руки и словно по команде бросились к своим блокнотам. Невозможно описать

те волнующие и в то же время тревожные, полные таинственности минуты: что будет, как будет, что это за танковый корпус и почему именно он просит пощады? Тогда мы ничего не знали и решили терпеливо ждать. Попытка связаться с генералами Букштыновичем, Переверткиным, Шатиловым, которые могли все это знать, не удалась.

Полковник Мирошников и Борис Горбатов, бросив на ходу: «Утро вечера мудренее», ушли спать, а я остался у телефона ждать Москву, которую заказал два часа назад. Что там сейчас в редакции? У меня дома, на Беговой? Знают ли они о позывных капитуляции? Вышел в сад. Все цветет, и так как к вечеру стрельба стихла и запах гари унесен ветрами, в воздухе пьянящие ароматы весны. Кругом тихо-тихо. Не спят только соловьи. Я тревожу телефонистку, а она мне в ответ:

— Провод занят, переговоры высшей степени важности.

— Но у меня тоже.

— Ждите.

Я улегся на диване, неподалеку от телефона, и вздремнул. Не знаю, сколько минут прошло, но от резкого звонка я вскочил и схватил трубку.

— Говорите. На линии Москва.

Я услышал голос редактора «Правды» Петра Николаевича Поспелова и начал было рассказывать ему о позывных гитлеровских капитулянтов, но он, перебивая меня, кричал: «Алло, алло, алло». Он не слышал меня. В это время вмешалась телефонистка:

— Линию беру для переговоров высшей степени важности.

Несколько раз после этого я пытался связаться с Москвой, но каждый раз слышал тот же ответ.

Да, вся ночь была «высшей степени важности». Но узнали об этом мы позже. Узнали, что и наша корреспонденция по этим же причинам не была передана в Москву и покоилась в папке «разное».

Рано утром 1 мая Борис уехал в расположение частей Берзарина. Его там интересовало наступление войск корпуса генерала Д. Жеребина. Потом он расскажет, как советские батальоны очищали главную улицу Унтер ден Линден, с боем брали Национальную

галерею, Музей военных трофеев, университет, основанный Гумбольдтом... «Ты ведь знаешь, что там учился и Энгельс...»

А я утром пошел бродить по знакомым и теперь уже сравнительно притихшим набережным Шпрее. Впервые я перешел разбитый и заваленный пулеметами, ящиками, гильзами орудийных снарядов мост Мольтке и вдали увидел рейхстаг. Он дымился. Где-то снова в районе Шарлоттенбурга шел бой, да и в Кролль-опере полковник В. Асафов «наводил еще порядок».

Накануне к вечеру его атака на оперу отвлекла силы гитлеровцев от Кенигсплатца и тем самым оказала неоценимую услугу батальонам 150-й и 171-й дивизий, которые вели бой на площади.

Стало чуть-чуть светлее. Я отчетливо увидел над куполом рейхстага плескавшееся на ветру и показавшееся мне опаленным Знамя Победы, то самое, которое Артюхов принес и вручил неделю назад генералу Шатилову, а тот — полковнику Зинченко. Вот теперь оно на своем месте. В нем я увидел отражение тысяч флажков, хранившихся под гимнастерками едва ли не у каждого солдата, две недели штурмующих Берлин. В нем была наша воинская стать, доблесть, геройство, в нем порыв, неудержимость штурмов, презрение к смерти, любовь к Родине, в нем — воинское дарование командиров рот и батальонов, призывный крик «вперед!», в нем — полководческий гений наших военачальников. Наша победа.

И в эти же часы генерал Кребс с белым флагом сидел на командном пункте Василия Ивановича Чуйкова и вымаливал у генерала Соколовского «перемирие». В белом флаге Кребса было средоточие тысяч белых флагов, детских пеленок, наволочек, просто носовых платков, которые в эти дни вывешивали на окнах своих квартир измученные, голодные, морально подавленные берлинцы.

Два знамени — красное, взлетевшее на купол рейхстага и оповестившее о гибели германского фашизма, и белое, которое с позором вернулось в подземелье имперской канцелярии после неудачных переговоров посланца гитлеровского рейха.

Знамя над рейхстагом водрузили воины армии-победительницы. Белый флаг был брошен на гряз-

ный, заплеванный пол бункера имперской канцелярии генерал-полковником Кребсом.

...В рейхстаге шел бой. Каждому из наших солдат приходилось драться с пятью, а то и больше смертниками. Теперь уже там сражались почти все батальоны обеих дивизий — 150-й и 171-й.

Спустя несколько дней генерал Шатилов по просьбе Горбатова собрал 120 участников исторического штурма. Беседа длилась чуть ли не целый день. Здесь была рассказана вся история «последнего решающего», которая, к сожалению, не была застенографирована.

Это были первые и самые непосредственные впечатления людей, еще не остывших от боя, в простреленных гимнастерках, с забинтованными головами, опирающихся на костыли. Они довольно полно освещали картину штурма.

Рота Сьянова очистила вестибюль и несколько комнат слева, одну из которых отвели под наблюдательный пункт начальника штаба батальона Кузьмы Гусева. Рота Греченкова и отряд Лысенко, пробиваясь по длинному коридору к Коронационному залу, в радостном порыве встретились и обнимались под огнем.

Гитлеровцы не думали сдаваться. Допрашивая офицера, захваченного в плен в рейхстаге, генерал Шатилов спросил:

— Надеетесь на новое оружие? Или ждете подкреплений?

— Да, ждем.

— Оружие, если даже оно и есть, вы уже не успеете применить. Подмоги тоже не будет. Уничтожена.

— Все равно будем драться. Лучше умереть, чем сдаться в плен. Как видите, берлинский гарнизон сражался до последнего.

— Тем, кто сдается, гарантируем жизнь. Нет — уничтожим. Я вас отпускаю. Можете идти к своим и рассказать им об этом.

Немец посмотрел на генерала с недоумением и недоверием. Потом решительно ответил:

— Нет, назад я не пойду. Меня там все равно убьют как предателя [1].

[1] *В. М. Шатилов.* Знамя над рейхстагом. М., Воениздат, 1970, стр. 304.

Еще утром в рейхстаге возник пожар. Огонь и дым в здании оказались более коварным врагом, чем гитлеровские смертники, ибо он постепенно охватил все залы, комнаты, переходы, душил людей, угрожал языками пламени. Фашисты, засевшие в подвалах, воспользовались пожаром, выскочили из подземелья и вступили в бой, самый тяжелый и кровавый. Много людей полегло в этом «дымном бою», но ни один человек не ушел из рейхстага.

Горбатов отложил в сторону блокнот и, подперев руками подбородок, жадно слушал эти рассказы.

Эпизод сменялся эпизодом, и каждый из них был темой для военного очерка или главой для книги.

Во время беседы генерал Шатилов заметил:

— Один солдат, будучи тяжело ранен в левое плечо, прижался им к мраморной статуе, чтобы остановить кровь, а правой рукой бросал гранаты в немцев, пытавшихся бежать по лестнице. Он потерял много крови, но не покинул рейхстага, его увезли в госпиталь, и никто не знает его фамилии. Жаль, что его здесь нет.

В это время из задних рядов поднялся сержант с перебинтованной грудью:

— Здесь я. Фамилия моя Ваганов...

Позже нам удалось узнать о героических подвигах воинов 171-й дивизии. На рассвете 1 мая в рейхстаг вошли подразделения батальона Ефимова. Особую доблесть проявили командир роты А. Коршун, сержанты Смирнов, Беленков, ефрейтор Ильин, рядовые Сомов, Гайдук, Вабищевич и другие.

...После возвращения с Кенигсплатца я встретился на НП с Борисом. Он был в частях у Берзарина и восторгался их наступлением. «Поразительная организованность»,— закончил он рассказ.

Решили поехать к Переверткину в Моабит, поговорить с ним и обобщить картину битвы всех трех дивизий. На месте его не застали. Вернее сказать, его не застали на КП, а «на месте» — в частях — он был.

Двинули на «армейский уровень» — к Лисицыну.

Он, как всегда, обрадовался нашему приходу и сразу:

— Обедали?

— Нет.

— Вот и хорошо, пообедаем вместе.

В дружеской застольной беседе мы пытались «выудить» у собеседника как можно больше подробностей. Мы узнали от Лисицына больше, чем от некоторых штабных офицеров, строго стоящих на страже «военной тайны», даже если эта «тайна» обнажена и видна всем. Во всяком случае, картина вчерашнего боя за рейхстаг, путь трех знамен к куполам зданий в центре Берлина, и особенно знамени № 5 над рейхстагом говорили о полной победе 79-го корпуса.

— Ну, а кто именно водрузил знамя над рейхстагом? — допытывался Борис.

Федор Яковлевич, улыбаясь, смотрел на нас и после долгой паузы сказал:

— Давайте подождем. Прошу вас, пока не пишите. Все это, как говорится, нужно «семь раз отмерить, а один — отрезать». Думаю,— продолжал он,— что для вас сейчас главная тема — беззаветный героизм всех участников штурма.

Горбатов ответил:

— Это всегда правильно, а все же люди, водрузившие знамя над рейхстагом, навеки вписали свои имена в историю нашей победы.

— Правильно. Узнать вы можете сейчас, но пока не пишите.

И мы вскоре узнали имена Мелитона Кантария и Михаила Егорова. Узнали, но в корреспонденцию тогда не вписали.

Семен Никифорович явился поздно. Он приехал из 150-й дивизии Шатилова и 171-й дивизии Негоды, и, несмотря на усталость, настроение его было отменным. Генерал обнял меня и на ухо шепнул: «Теперь все», а громко добавил:

— Бой в рейхстаге еще идет, и постарайся пока воздержаться от «гром победы, раздавайся».

— А вы допускаете, что события еще могут повернуться?

— Я знаю, что Кребс ни о чем не договорился, и в имперской канцелярии и в Тиргартене бои возобновились.

Несмотря на глубокую ночь, генералу звонили Букштынович, комдивы, артиллеристы...

Так мы и не спали. Затем генерал предложил:

— Пройдемся. Душа песни поет, хочется на волю.

Мы идем по Альт-Моабитштрассе. Два военных человека — генерал-майор, командир корпуса, и майор, военный корреспондент. Разговариваем как старые фронтовые друзья. Да иначе и быть не могло. Я давно почувствовал особенность Семена Никифоровича приближать к себе людей мягким, доверчивым, всегда чуть-чуть улыбающимся взглядом. И мне приятно сейчас идти с ним рядом и не боязно, хотя никто не гарантирован, что из окна вдруг не вылетит фаустпатрон, как вылетел он два дня назад и убил моего собрата Вадима Белова.

Незаметно мы оказались на Инвалиденштрассе. Эта разрушенная огнем, мертвая и пустынная улица привела нас к маленькому парку, за которым лежал Лертерский вокзал. Никогда раньше мне не приходилось видеть столь убедительного свидетельства краха вражеской армии, которое я видел сейчас на этих улицах, стальных путях, в парке, в пустых залах вокзала,— битая техника, искореженные вагоны, перевернутые танки, трупы.

Все это странным образом сочеталось с удивительной тишиной в парке, где испуганные птицы, словно откликаясь на розовеющий восток, неуверенно подавали свои голоса и тем как бы утверждали жизнь и на минуту заставили нас забыть о далеких выстрелах. Мы молчали, словно боясь нарушить подаренный нам покой. На вокзале, среди полного разгрома, на забрызганной кровью стене висели часы. Мы не обратили бы на них внимания, если бы они не прохрипели три раза, как бы напоминая, что они выше всего вокруг, неумолимо отсчитывают время, уходящее в историю.

Семен Никифорович улыбнулся:

— На моих часах пять, а эти идут по-немецки — на два часа позже... Продолжают служить своему времени. Впрочем, пора возвращаться.

И мы вновь выбрались на улицы, через парк пошли к командному пункту штаба корпуса.

Дежурный офицер доложил, что части 5-й армии ведут бои в саду имперской канцелярии, овладели дворцом кайзера Вильгельма. В упорных боях отличились полки В. Зюванова и Г. Заверюхи. Одним из первых во дворец ворвался батальон Х. Гюльмамедова.

Войска корпуса Д. Жеребина двинулись дальше по Унтер-ден-Линден в сторону Бранденбургских ворот. 8-я армия сражалась у Зоологического сада. Корпус генерала Рыжова продвинулся на север для соединения с танковой армией генерала Богданова и с нашей 3-й ударной.

* *
*

В бункере ждали возвращения генерала Кребса. Офицеры пили. Когда он вернулся в бункер, то тотчас же прошел к Геббельсу и Борману.

Выслушав его подробный рассказ, Геббельс сказал:

— Однажды я отвоевал Берлин у красных. Теперь я буду защищать его от красных до последнего дыхания. Те немногие часы, которые мне предстоит прожить в роли германского рейхсканцлера, я не хочу растрачивать на подписание капитуляции.

Но это было пустое бахвальство обреченного.

Артур Аксман рассказывает:

— Когда 1 мая я зашел в комнаты Геббельса, его жена Магда просила меня присесть. «Посидим еще вместе, как мы делали раньше». Она принесла кофе и начала спрашивать: «А помните?..»

Когда я прощался, доктор Геббельс сказал: «Сегодня в 8 часов вечера мы уходим из жизни. Может быть, вы еще разок заглянете?»

В бункере в это время начался полный переполох. Все готовились к бегству. Создались две группы: одну возглавил Борман и генерал Монке, вторую — Аксман. Геббельса в расчет не принимали, все знали о его решении покончить самоубийством. Начал Кребс. За ним застрелился Бургдорф. Затем раздались выстрелы в верхнем бункере — стрелялись офицеры, чиновники, адъютанты.

Вечером покончили с собой Геббельс и его жена. Их трупы выволокли в сад имперской канцелярии, облили бензином и подожгли.

Подземелью наступил конец. Теперь каждый поступал как считал нужным.

Аксман договорился с генералом Монке, что обе группы должны будут двигаться на север и встретиться у Вейдендамского моста. Он зашел в госпиталь попрощаться с тяжелоранеными сотрудниками своего

штаба. У Аксмана было два револьвера, принадлежавших «фюреру»: один большой, найденный на ковре около дивана, на котором Гитлер отравился, а другой поменьше, который канцлер постоянно носил в кармане пиджака. Оба заряженных револьвера Аксман оставил раненым женщинам «на случай».

Поздним вечером Аксман вышел из бункера, под огнем перебежал Вильгельмштрассе, где в штабе ждали его сотрудники, готовые к бегству. Все были одеты в штатское. Крадучись, прижимаясь к стенам, они направились на север к Унтер ден Линден, надеясь проникнуть к гросс-адмиралу Деницу.

Русские минометы вели огонь. Трещали пулеметные очереди. Где-то далеко стреляли танки и пушки. Со стороны Потсдамской площади полыхало зарево. На Унтер ден Линден беглецам открылась картина горящего рейхстага. Бранденбургские ворота были разбиты, а у одной из колонн они увидели русских солдат, разводящих костер, и поторопились уйти подальше.

На вокзале городской железной дороги Фридрихштрассе скопилось много людей — солдат, мужчин, женщин, подростков — с горящими и ничего не понимающими глазами. Севернее Вейдендамского моста, перед широким противотанковым заграждением, образовалась пробка. Стоял невероятный шум, все кричали, кто-то стрелял из револьвера. В этот момент между надолбами появился немецкий танк — «тигр». За ним тянулись люди. Это была группа Монке — Бормана: начальник гаража имперской канцелярии Кемпке, хирург Штумфергер и другие. Вдруг раздался страшной силы взрыв, грохот, огонь. Русский снаряд попал прямо в танк. Аксмана отбросило взрывной волной, и он потерял сознание.

Очнулся он среди убитых и раненых, которые стонали. Оглядевшись, Аксман пополз к ближайшей большой воронке. На ее дне он увидел Бормана, Наумана, доктора Штумфергера, адъютанта Геббельса Швегермана и своего адъютанта Вельцина. Он был шестым. Все оказались невредимы.

После краткого совещания двинулись в северо-западном направлении. Первым пошел Борман. Он взобрался на железнодорожную насыпь у вокзала Фрид-

рихштрассе и направился вдоль путей на запад, в сторону гавани Гумбольдта, что неподалеку от Лертерского вокзала. Кругом горел и дымил Берлин, где-то близко стреляли. Наконец группа дошла до Александеруфер — набережной на восточной стороне гавани — и остановилась. Раздались выстрелы. Борман сказал: «По всей видимости, в Лертерском вокзале русские. Надо идти на север».

Неожиданно наткнулись на русский патруль. Солдаты не проявили к беглецам никакой злобы и, приняв их за «фольксштурмистов», даже угостили сигаретами. Один из солдат сказал: «Гитлер капут! Война капут!»

Аксман показал свой протез. Это произвело впечатление. Борман и Штумфергер, получив по сигарете и решив, что все в порядке, отошли и направились в сторону Зандеркруга на Инвалиденштрассе.

Постепенно начали расходиться и остальные. На Инвалиденштрассе Науман и Швегерман пошли по левой стороне улицы, а Аксман с Вельциным — по правой. На Альт-Моабитштрассе услышали приближающийся шум танков. Аксман крикнул Науману, но его уже не было видно. Он решил идти назад.

Недалеко от Зандеркруга их обстреляли.

Прямо на дороге они увидели двоих не то убитых, не то раненых. Аксман подошел, наклонился и узнал Бормана и Штумфергера.

Аксман, когда я с ним встречался, утверждал, что Борман был мертв. А на мое замечание о версиях, по которым Борман и по сей день жив, вяло ответил:

— Да, я слышал о Бормане много различных, в том числе и нелепых, историй. Думаю, что их сочиняют в полицейских управлениях и за хорошие деньги продают владельцам наиболее богатых, ищущих сенсаций журналов и агентов...

Передохнув в будке станционного электромонтера, Аксман переоделся в старое платье и направился к Шпандаусскому каналу. Мост через него был взорван, поэтому пришлось плыть на самодельном плоту. Так он попал в Вединг.

2 мая

Советские войска врываются в имперскую канцелярию.— Анна Никулина водружает знамя.— Комендант Берлина генерал Вейдлинг явился с белым флагом.— Приказ о капитуляции.— Берлинский гарнизон складывает оружие.— Приказ И. Сталина.— Где ты, старший лейтенант? — В Плетцензейской тюрьме.— Жители Берлина ловят военных преступников.

Ночь прошла в боях. В рейхстаге они затухали, а в имперской канцелярии разгорались. И все же вставал день, озаренный победой. После того как Геббельс отказался от безоговорочной капитуляции, войска армий Берзарина и Чуйкова возобновили штурм. Артиллерия всей своей мощью обрушилась на правительственные здания и прилегающие районы. И несмотря на то что бункер опустел, сопротивление в имперской канцелярии продолжалось. Здание министерства авиации было взято, и весь фронт сосредоточился отныне на улицах Вильгельмштрассе, Фоссштрассе, Герман Герингштрассе. Здесь действовал корпус генерала Рослого.

Правее сражалась 416-я стрелковая дивизия генерал-майора Д. Сызранова, которая весь день 1 мая с боями продвигалась по Унтер ден Линден к Паризьенплатцу и Бранденбургским воротам.

И вот старший сержант И. Андреев и сержант Н. Бережной по колоннам взбираются с флагом на крышу ворот, увенчанных бронзовой колесницей, запряженной четверкой лошадей. Еще одно знамя развевается над поверженным Берлином. На площади гремит «ура».

Западнее по Тиргартену продвигались войска 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, с севера на юг — корпус генерала Переверткина. Так в берлинском кольце появилось еще одно, внутреннее, кольцо, в котором наши войска осуществляли стремительный штурм.

Еще когда шли переговоры с генералом Кребсом, солдаты из батальона Шаповалова проникали на тер-

риторию сада имперской канцелярии. Это была отвлекающая группа в районе главного фасада, выходящего на Вильгельмштрассе. Основные же силы батальона были брошены в обход со стороны Тиргартена. Командир стрелковой роты старший лейтенант Иван Яковлев приказал пушечными ударами пробить в бетонном заборе брешь, через которую его рота сразу же ворвалась в сад имперской канцелярии. Затем этим же путем прошли роты старших лейтенантов Хромова и Рабенко.

Перебираясь из одного укрытия в другое, бросая гранаты и стреляя из автоматов, отдельные группы все ближе и ближе подходили к новому зданию имперской канцелярии. Особенно смело действовали здесь взводы Антонова, Федорова, Трубачева, Пескова и Косенко. Отличились командир пулеметной роты Важдаев и пулеметчики Еганов, Беляев, Гарагуля, минометчики старшего лейтенанта Седова.

Батальоны полка Радаева также поднялись в атаку. Активно действовали артиллерийский самоходный дивизион А. Денисюка, батальоны капитанов Перепелицына и Айрапетяна. Воины роты И. Яковлева сняли герб фашистской Германии с главного входа в рейхсканцелярию. (Ныне этот герб экспонируется в залах Победы Центрального музея Вооруженных Сил.)

Одновременно, правее дивизии В. Антонова вела сражение дивизия И. Галая.

Долго сопротивлялись гитлеровцы у сухого бассейна, расположенного неподалеку от входа в канцелярию со стороны сада. Заняв круговую оборону, они обстреливали наши штурмовые отряды и не подпускали к входам. Кроме того, фашисты стреляли со второго этажа здания, преграждая путь к бункеру. Миной оторвало обе ноги пулеметчику сержанту Решетникову, но он продолжал стрелять. Пулеметчик погиб, держа в руках рукоятки и гашетку. Товарищам пришлось уносить тело Решетникова с поля боя вместе с его «максимом». Только в подъезде соседнего здания с большим трудом удалось оторвать окостеневшие пальцы воина от еще теплого пулемета. Так сражались воины полка Гумерова.

В бреши просачивались и солдаты батальонов Давыдова и Михайлова. Сильный огонь из входа в зда-

ние долгое время не давал возможности ворваться в имперскую канцелярию. И только пушечный огонь по окнам и двери подавил огневые точки. На минуту наступило затишье.

Группа комсомольцев во главе с комсоргом Салиджаном Алимовым из взвода Антонова, которая в то время была в саду внутреннего двора, ворвалась в вестибюль имперской канцелярии. Здесь к группе присоединился молодой человек лет двадцати пяти, одетый в комбинезон, в гражданской фуражке. Он на немецком языке обращался к немецким солдатам: «Бросайте оружие! Война проиграна!»

Потом незнакомец перебегал на другой участок и кричал то же самое. Звали его Артур. Но с бойцами отряда Алимова он говорил по-русски.

Тогда никто не подозревал, что этот мужественный человек, призывавший немецких солдат прекратить бессмысленное сопротивление, был сын Вильгельма Пика, одного из основателей Германской Коммунистической партии, а затем президента Германской Демократической Республики.

Несколько позже старший инструктор политотдела корпуса майор Анна Никулина с группой бойцов четвертой роты бесстрашно двинулась к неприступному входу. Рядом, прикрывая ее огнем, бежал Салиджан Алимов. Но он был ранен. Его вынесли во двор, к сухому бассейну, и сделали перевязку. Подсаживая друг друга, солдаты, карабкаясь, лезли в окна. Одной из первых ворвалась в двери главного входа Анна. Началась схватка в здании. Воспользовавшись моментом, Никулина по разбитым лестничным маршам взобралась наверх и куском телефонного провода прикрепила знамя над имперской канцелярией.

Анна Владимировна Никулина остановилась у окна и оглядела раскрывшуюся перед ней картину: разбитые Бранденбургские ворота, зеленеющий Тиргартен, все еще дымящийся рейхстаг...

Произошло это на рассвете 2 мая.

Позже Анна Владимировна Никулина вспоминала:

— Кружилась голова от волнения и страшной усталости. Ну, кажется, все. Дошли! Дожили до победного денька. Верно, еще шел бой, откатывался куда-то дальше, но все мы поняли, что для нас война уже по-

зади. А потом я заметила, что на дворе весна. Цветет сирень. Не помню уже, где я потянулась за веточкой, но тут же полоснула автоматная очередь, и я чуть не поплатилась головой. И сирени не нарвала... Потом я вновь пришла сюда, посмотрела, на месте ли знамя. Висит!

Много таких знамен было поднято над столицей третьего рейха. Их перекличка как бы напоминала о победном маршруте наших воинов через сердце Берлина, о конце ночи и приходе светлого дня. Наша армия показала свои воинские подвиги и воинские добродетели. Она принесла измученному миру мир.

Секретарь Ессентукского горкома партии, мать двоих детей, она с первых дней войны ушла на фронт; ее ратный путь — от Моздока до Берлина. О ее доблести говорят ордена и медали. Вот теперь она любуется картиной наступающего мира. Были ли у нее более счастливые минуты жизни? Может быть, сейчас ей вспомнился отец — партизан, повешенный белогвардейцами, или муж, злодейски убитый кулаками в первые годы коллективизации?

Член Военного совета 5-й ударной армии генерал Ф. Боков сказал о Никулиной:

— Анна Владимировна — «партийная совесть» армии, душевный и неутомимый политработник...

К полудню в имперскую канцелярию и бункер ворвались батальоны полка Гумерова.

Вскоре приехал командир корпуса генерал Иван Павлович Рослый. Хочется сказать особо и о нем, крестьянском сыне из села Петровская-Буда, Брянской области. Он был первым секретарем комсомольской ячейки, заведовал избой-читальней, работал в сельсовете.

В 1924 году был призван в Красную Армию. Политрук роты, командир роты; служба на Дальнем Востоке, учеба в Академии имени Фрунзе, командир полка. Участвовал в войне, спровоцированной белофиннами. В феврале 1939 года полк под командованием майора Рослого прорвал многоэшелонированную оборону линии Маннергейма. Талантливый боевой командир получил тогда звание Героя Советского Союза. А спустя два с лишним года Рослый командовал дивизией, которая в составе 18-й армии вела бои

в Донбассе. В районе Гуляй-Поля комдив во главе одного из своих батальонов прикрывал отход дивизии и помог ей уйти из-под удара вражеских танков генерала Клейста. Дивизия ушла, а батальон был разбит. Из села в село, по ночам пробирался Иван Рослый с группой солдат к своим. В одной деревушке он переоделся в крестьянскую одежду и двинулся с посохом в руке на восток. На спине его был мешок с караваем хлеба, в который, по его просьбе, крестьянка запекла партбилет, орден Ленина и Золотую Звезду Героя. Через десять дней группа Рослого благополучно добралась в распоряжение своей армии.

Затем Рослый командовал корпусом на Северном Кавказе, выиграл у того же Клейста бой за Маглобек под Моздоком, участвовал в разгроме немцев под Владикавказом, в освобождении Кубани, Донецка, Тирасполя, в Ясско-Кишиневской операции, в боях на польской земле, на Одере...

Около 7 часов утра, в момент, когда представитель Геббельса доктор Фриче находился на командном пункте генерала Чуйкова, раздался звонок: на передний край явился комендант Берлина генерал Вейдлинг. Вскоре его тоже привезли сюда же. После проверки документов генерал В. Соколовский предложил Вейдлингу написать приказ о полной капитуляции.

Немецкий генерал усаживается за стол, пишет. Затем ему на помощь приходит один из офицеров его штаба. Оба они нервничают, советуются друг с другом, наконец протягивают Соколовскому приказ:

«30 апреля 1945 года фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягнувших ему на верность, одних. По приказу фюрера, вы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякали боевые припасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг, генерал артиллерии,
комендант округа обороны. Берлин».

Этот приказ был размножен. На машинах его развозили и зачитывали войскам. Кроме того, его пере-

давали по радио. По всему видно, что этого приказа ждала германская армия. Больше того, кое-где сдача в плен началась до появления приказа генерала Вейдлинга.

Вблизи Бранденбургских ворот Евгений Долматовский, окруженный солдатами, читал стихи. Майский ветер разносил слова: «Идут гвардейцы по Берлину и вспоминают Сталинград».

Тремя днями раньше в большом замке, в Казерте, близ Неаполя, был подписан акт капитуляции войск группы «Ц» — немецких войск в Италии. Акт подписали подполковник Швейниц и майор Веннер.

Любопытна сама процедура подписания этого акта. В назначенное время появились американский генерал Морган с офицерами своего штаба и советский наблюдатель Кисленко.

Генерал Морган, обращаясь к представителю командующего армейской группой «Ц», заявил:

— Я уполномочен от имени верховного командования союзников подписать это соглашение, условия которого вступят в силу в полдень 2 мая. Теперь прошу вас подписать, а я подпишу после вас.

Подполковник Швейниц, который все время старался обставить свое участие в подписании акта множеством оговорок, счел нужным и в этот последний момент, прежде чем поставить подпись, сказать:

— Перед тем как подписать, я хотел бы оговорить, что я превышаю свои полномочия. Я полагаю, что мой главнокомандующий генерал Витингоф примет эти условия, но я не могу нести за это полную ответственность.

Это была попытка сорвать или отсрочить подписание позорного акта.

Но генерал Морган, выслушав Швейница, неожиданно для него спокойно сказал:

— Мы это учтем.

Вся процедура подписания акта длилась 17 минут.

...2 мая Уинстон Черчилль быстро вошел в зал заседания английской палаты общин и сел за стол, явно обратив на себя всеобщее внимание. Он рылся в бумагах своей папки, делал какие-то записи и, выждав момент, попросил слова:

— Почти миллионная немецкая армия в северной Италии сложила оружие,— сказал он,— война на этом фронте закончилась.

Но английский премьер-министр не знал еще, что в Берлине тоже уже не стреляли и гарнизон столицы сложил оружие.

Горбатов и я в эти утренние часы были на площади рейхстага. В самом здании стрельба поутихла, и «внутренний гарнизон» начал постепенно вылезать из подземелья и сдаваться в плен. Рота Греченкова была выведена из рейхстага, расположилась по излучине Шпрее с приказом ждать сигнала о приеме пленных. В это время мне удалось увидеть героев рейхстага. Вот Степан Неустроев — уставший, небритый, в порванной на рукаве гимнастерке, в выпачканных мазутом брюках, в пыльных сапогах. Он весь еще полон боевого настроения и словно бы не понимает, что пришла победа. Вот стоит Греченков. Он спокоен. О чем-то весело беседуют Кузьма Гусев, Сьянов, Давыдов...

Здесь же встретил комдива Василия Митрофановича Шатилова. Удалось расспросить его о ходе штурма рейхстага. Мы спокойно прохаживались вдоль широкой лестницы, мимо избитых колонн рейхстага. Для того чтобы мне яснее была вся операция, движение батальонов от «дома Гиммлера» до этой вот лестницы, генерал нарисовал в моей записной книге довольно подробную карту, изобразил рейхстаг, полукругом — ров и скобками — батальоны, со стрелками, направленными на фасад парламента. Генерал аккуратно обозначил номера полков, фамилии командиров батальонов, стрелки контратак, наконец, цифру «14.25», время, когда первые роты Сьянова и Греченкова ворвались в рейхстаг.

Интересно, что спустя двадцать лет Шатилов уверял меня, что никаких карт никогда не чертил. Когда же я показал ему карту, он долго непонимающе глядел на нее, затем рассмеялся и тут же написал: «Через 20 лет подписал Шатилов В. М. 6.IV.65. Москва. А схему начертил 2 мая 1945 г.»

Но вернемся на Королевскую площадь. Увидев комдива, к нему подходили младшие офицеры, полковники, что-то докладывали, на что-то спрашивали разрешения.

Мы с Горбатовым лазили по обломкам бетонных плит, гипсовых фигур, перешагивали через перевернутые столы, ящики. Запах гари, кирпичная и известковая пыль затрудняли дыхание. Я видел, как Борис тяжело дышал и прикладывал руку к груди. Вышли на свежий воздух.

День выдался теплый и пасмурный. Лишь изредка сквозь рваные облака выглядывало солнце, и тогда виднее становились развалины домов и мрачные лица немецких солдат, шагавших мимо рейхстага. Продолжалась капитуляция. Солдаты бросали свои автоматы в кучу и так же нестройно шли дальше. В их глазах при этом не было заметно какой-либо печали.

Один, второй, десятый, сотый — все бросали свое оружие с такой легкостью и столь одинаковым, отработанным движением, словно они много раз сдавались на милость победителей.

На их лицах отражалось удовлетворение: будь что будет, а отныне я жив.

Шли колонны солдат, шли офицеры — лейтенанты, гауптманы, оберсты. Впереди колонн шагали генералы, руки их висели как плети, головы поникли, и все знаки различия — погоны, кокарды на высоких тульях, свастика на рукавах, знак верности нацизму,— померкли. Мраморные и чугунные короли, курфюрсты и полководцы были немыми свидетелями воинского позора. Даже мрачный орел, торчавший на пьедестале и так нагло взиравший на мир, словно опустил крылья и обмяк.

Перед нами проходила повергнутая фашистская Германия. К монументу одного из полководцев подошла группа советских бойцов и долго молча разглядывала его фигуру и доспехи.

— Гордый,— сказал один из солдат.

Затем, недолго думая, быстро влез на памятник, ловким движением привязал к руке полководца белый клочок материи и крикнул вниз однополчанам:

— Гордый, а сдался!

Гора автоматов росла, поднимаясь вровень с монументами.

А гитлеровцы шли и шли.

— Видишь, какие они стали тихие,— сказал один солдат другому.

«Русская» у Бранденбургских ворот.

Первый советский комендант Берлина генерал-полковник Н. Берзарин (в центре) с группой военных корреспондентов. Слева — Вс. Вишневский, справа — А. Безыменский. Во втором ряду — И. Золин, М. Мержанов, Ц. Солодарь.

В Берлине начала работать гражданская администрация.

Командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов вручает Золотую Звезду Героя Советского Союза командиру 150-й дивизии генерал-майору В. М. Шатилову. В центре — член Военного совета армии полковник П. В. Мирошников.

Моабитская тюрьма. Здесь был заточен Эрнст Тельман.

Берлинцы возвращаются домой.

Они размышляют...

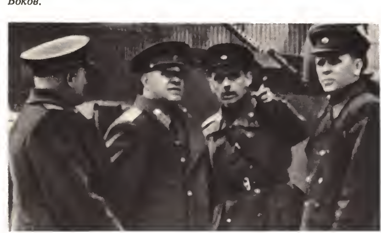

Как ненужный хлам выметает советский солдат ордена и медали гитлеровской армии с лестницы имперской канцелярии.

Утро 3 мая 1945 г. Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков осматривает центр Берлина. Объяснения дает Артур Пик. Слева — член Военного совета фронта К. Ф. Телегин, справа — член Военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков.

Командующий 3-й ударной армией В. И. Кузнецов (в центре), член Военного совета А. И. Литвинов, начальник штаба М. Ф. Букштынович.

В мае 1945 г. у Бранденбургских ворот Евгений Долматовский читает свои стихи советским воинам.

Командующий 3-й ударной армией В. И. Кузнецов вручает Золотую Звезду Героя Советского Союза командиру 171-й дивизии полковнику А. И. Негода.

Слева направо: Б. Монтгомери, Д. Эйзенхауэр, Г. Жуков, Ж. Делатр де Тассиньи. Май 1945 г.

В этом здании в Карлсхорсте состоялось подписание акта капитуляции гитлеровской Германии.

Весь день шла сдача оружия.

В саду имперской канцелярии, там, где еще утром солдаты Гумерова вели бои, много трупов. Этот сад прозвали «кладбищем самоубийц». Среди множества погибших солдат здесь были трупы и видных чиновников германского правительства, генералов и высших офицеров. Сухой бассейн стал их могилой.

Мы с Борисом Горбатовым ездили по Берлину и торопливо заполняли свои блокноты. Нужно было сегодня же передать корреспонденцию о капитуляции берлинского гарнизона. На площадях, на широких улицах, в Тиргартене, на Унтер ден Линден, на Александер-платц, в Шарлоттенбурге — всюду одна и та же картина: горы оружия и колонны солдат; дула пушек, опущенные к земле, пулеметы, перевернутые колесами вверх, фаустпатроны, сложенные как дрова.

Над городом тишина. Лишь изредка доносятся короткие автоматные очереди — голоса одиноких безумцев, которые не смогли смириться с мыслью о капитуляции. Вскоре и они стихли. Послышались звуки русских песен. На площади рейхстага, у Бранденбургских ворот, в Трептов-парке веселились наши солдаты. Растягиваясь и сокращаясь до предела, новенький перламутровый аккордеон пел без устали. А солдатские сапоги отбивали на асфальте такую дробь, какая не снилась эстрадным танцорам.

Площадь у рейхстага была, пожалуй, наиболее оживленной во всем городе. Сюда приходили солдаты всех армий, приезжали офицеры соседних фронтов, прилетели генералы из Бухареста, Софии, Белграда, Вены. И каждый из них, впервые увидев рейхстаг, останавливался и смотрел на него как на символ германского рейха, ушедшего в вечность. Словно не вчера, а давным-давно рвался из кирпичных окон огонь, слетали с крыш статуи богинь и рушились стены. А теперь вот ходят все вокруг обгорелого здания, разглядывают каждую деталь лепных барельефов и скульптурную группу, в которой конь остался без ноги, а бронзовый гений — без головы, и читают надписи:

«Гвардии старшина Кравченко И. А.

Старшина Суруев В. И.

Старшина Сандул К. С.— полный порядок, мы в рейхстаге».

«Друг мой, брат, кто бы ты ни был, прочти: я, сибирский мужичок, а ныне офицер, расписуюсь Иван Кладилин».

«За кровь отцов. Ивченко».

А вот и наши знакомые:

«Марина и Максим Чубуки из Малиновой Слободы».

Тысячи таких «визитных карточек» оставили здесь воины. И трудно удержаться, чтобы не расписаться самим на стене, на поверженной статуе или на разбитой колонне...

Нужно было еще заехать в штаб корпуса, который вновь переехал в Плетцензейскую тюрьму, повидаться и поговорить с Переверткиным. Борис едет в Штраусберг, а я — в штаб корпуса.

За толстыми стенами тюремного двора людно. Здесь были захваченные в плен в комнатах имперской канцелярии немцы, освобожденные из тюрьмы французы, югославы, украинцы. Сейчас они готовились к возвращению в родные края. Одни пели песни, другие просили есть, третьи плакали. Откуда-то доносились женские голоса, мужская брань, детский плач.

Я с трудом нашел генерала Переверткина, побеседовал с ним и заторопился в Штраусберг.

Генерал сказал:

— Одного не пущу, из Берлина сам не выберешься. Дам сопровождающего офицера,— и представил мне молодого лейтенанта Михайлова.

Мы выехали со двора тюрьмы, когда стемнело. Ночь стояла теплая. Минут через двадцать в районе Тагеля мы увидели огненные всполохи. Время от времени до нас доносилась артиллерийская и автоматная стрельба. Ничего нельзя было понять. Ведь весь день солдаты берлинского гарнизона только и делали, что бросали свои автоматы наземь. Откуда же снова война? Но не так просто кончаются войны. Видимо, какая-то оголтелая группа фашистов рвалась на запад, к Бранденбургу.

Мы мчались на полной скорости. Автомобильные фары выхватывали из темноты серую полосу асфальта, всего же остального словно бы и не существовало. И вдруг Мирошниченко резко затормозил. Посреди дороги стояла пушка, дуло которой было направлено

прямо на шоссе. Мы выскочили из машины. Перед нами стоял стройный офицер в форме польской армии, которая действовала на правом фланге 1-го Белорусского фронта. Он был очень взволнован. На ломаном русском языке он сказал:

— Товарищ майор, я вам не рекомендую ехать дальше. Здесь где-то бродит немецкая группа с танками, она рвется на запад.

— А есть ли другая дорога на Штраусберг?

— Нет.

— Что же делать?

— Вам нужно вернуться в свой штаб.

Мы развернули машину и двинулись к Плетцензейской тюрьме, но теперь вдали перед нами видны были пожары. Шоссе временами изгибалось, и в зависимости от этого огонь и клубы дыма оставались то влево, то вправо от нас. С каждой минутой мы все больше убеждались в том, что они охватили район нашего шоссе. На одном из поворотов из леса вышел солдат и рукой сделал нам знак остановиться. Мы затормозили. Он предупредил, что ехать дальше опасно, там,— он показал рукой на зарево,— проходит часть немецкой группировки.

— А вы что тут делаете?

— В лесу стоит колонна автомобилей.

— А где ваш командир?

— Во-о-он там, через шоссе, в маленьком домике,— солдат автоматом указал в темноту.

Я оставил в машине Мирошниченко и Михайлова, а сам пошел к коменданту. Одноэтажный кирпичный домик лесничего, стоявший близ шоссе, был затемнен. Я с трудом нащупал дверь, достучался, а когда вошел, увидел маленькую комнатку, большой стол. За ним сидел старший лейтенант. Тусклая, мигающая лампа освещала его бледное лицо. Он склонился над картой Берлина и был очень взволнован. Он сказал мне, что вот-вот здесь должны пройти немцы, что положение его критическое, ибо в его распоряжении только двадцать пять солдат. Они заняли позиции, но...

— Будем драться до последнего,— сказал офицер.

В этот момент из угла, где стоял приемник, послышались какие-то звуки, а затем мы отчетливо услышали знакомый голос Левитана.

— Приказ Верховного Главнокомандующего...

В нем говорилось, что наши войска полностью овладели столицей Германии городом Берлином.

Приказ утверждал победу, водружение знамени над рейхстагом, перечислял имена полководцев и их армии, корпуса, дивизии, которые отныне носили название берлинских.

Старший лейтенант, незаметно для себя, опустил руки по швам и словно бы стоял в почетном карауле. В глазах его задрожали слезинки. А голос диктора, как бы все время нарастая, торжественно лился в этом маленьком домике лесничего. И этот приказ слышала Родина. В этот час она прильнула к приемникам...

Странное, непередаваемое чувство овладело нами. В одно из окон, если приоткрыть штору, виднелось зарево пожарищ. Мы слышали орудийную стрельбу, говорившую, что война еще не кончилась. И этот торжественный голос Москвы... Старший лейтенант решительно сказал мне:

— Товарищ майор, я рекомендую вам ехать в штаб...

— А вы?..

— Я без приказа не имею права уйти. Будем ждать.

Я видел, что офицер вполне овладел собой, словно голос Москвы влил в него новые, неведомые ему самому силы.

Мы попрощались.

К сожалению, я не спросил фамилию старшего лейтенанта. Кто он? Кто этот молодой человек, готовый с двадцатью пятью солдатами принять бой после того, как объявлена победа? Жив ли он? Я слышал, что автоколонна встретила гитлеровцев огнем, вступила в бой. Но как он закончился?

Район Тагеля, который мы проезжали всего час назад, стал неузнаваемым. Десятки пылающих в ночи домов зловеще освещали дорогу, которая местами была уже разбита. Деревья, охваченные огнем, стонали, и свежий ветер разносил запахи гари и закипающей смолы. В домах падали обгоревшие балки перекрытий, корчилось железо, лопалось стекло, на шоссе падали горящие головешки.

Мы промчались сквозь этот огненный, дымный ад

и вырвались из него только около переправы через канал. Часовые с любопытством глядели на нас, выскочивших из огня невредимыми. Мы вышли из машины, облегченно вздохнули, оглянулись. Зарево еще висело над Тагелем, а звуки орудийных выстрелов переместились западнее. Значит, мы проскочили после того, как вражеская колонна пересекла шоссе...

Вскоре мы были уже в Плетцензейской тюрьме. Злой, усталый, голодный, я ходил по двору в поисках генерала Переверткина, но не нашел его. Ввалился в тюрьму, нашел камеру, где было много сухой соломы, и прилег. Уснуть я не мог. Не мог успокоиться после волнения, пережитого и в домике лесничего, и на огненной трассе. Томила неудача — материал о капитуляции остался у меня в планшете. В редакции будут гадать, что случилось, почему нет корреспонденций? А что думает сейчас Горбатов, ждущий меня каждую минуту в Штраусберге? Как сообщить? Связи нет.

Запыленная электрическая лампочка, висевшая в коридоре, бросала в дверную щель неясный луч, который падал косой широкой чертой вдоль стены и освещал какие-то буквы и знаки, написанные карандашом, углем, а то и просто нацарапанные на стене. Это была камера политических узников, выпущенных нашими солдатами несколько дней назад. Кто был здесь заключен? Сколько лет просидел? Исписанная стена, по мере того как мой глаз стал привыкать к полутьме, начала рассказывать: называла имена людей, фамилии, факты. Попадались обрывки фраз, какие-то черточки и точки, словно кто-то говорил здесь условным кодом. И вдруг я прочел: «Снова бьют барабаны, впереди новый бой! Я меч! Я пламя». Подпись: «Ганс».

Ниже, по-русски, «Гитлер капут!». Видно, кто-то из наших успел расписаться и здесь. Меня охватило волнение: я, советский журналист, был в немецкой тюрьме, где совсем недавно бились сердца людей, обреченных на смерть, а теперь получивших свободу...

И все же я вздремнул. Кто-то притронулся к моему плечу, я вскочил.

— Геббельса везут! — сказал мне майор.

— Что??!

— В саду имперской канцелярии нашли два трупа...

Поисками военных преступников занимался начальник контрразведки корпуса Переверткина подполковник Клименко. Разведчики ходили по саду имперской канцелярии, по уцелевшим ее комнатам в бункере, куда они попали со стороны внутреннего двора. Из коридора и комнат бункера выходили военные и гражданские люди с поднятыми руками. Лежали и сидели раненые. Их тут же, на ходу, допрашивали. Позже Клименко рассказывал мне:

— Мы с майором Быстровым около запасного выхода из бункера наткнулись на два обгоревших трупа — мужчины и женщины. Еще бы немного и солдаты, устремившиеся в имперскую канцелярию, не заметив их, могли бы затоптать. Один из наших проводников — немец,— глянув на трупы, сказал:

— О! Иозеф Геббельс и Магда.

Рядом с трупом женщины лежал партийный значок, который отделился от обгорелого платья, и портсигар, на котором было выгравировано: «29.X.34. Адольф». Клименко приказал отправить трупы в Плетцензейскую тюрьму в штаб корпуса...

Я зашагал по темной тюремной улице в ожидании необычайной встречи. «Неужели Геббельс? — думал я.— Это невероятно. Начальства нет никого, а из журналистов только я да фотокорреспондент Толя Морозов. Вот оно, журналистское везенье!»

Вскоре показалась грузовая машина с дощатой будкой, которая, переваливаясь с боку на бок, медленно ползла по ухабистой дороге. Я пошел за ней. Трупы положили в кухне, на плиту.

Гриша Мирошниченко долго смотрел на то, что осталось от рейхсминистра, потом во всеуслышание сказал:

— Вот бы затопить печь, и был бы ему ад на том свете.

Я тоже смотрю на этот обгорелый труп. В нем нетрудно узнать знакомые по снимкам и рисункам черты гитлеровского главаря.

Около трех часов утра труп Геббельса перенесли в большую пустую комнату. Предстояла процедура «опознания».

Толя не удержался, предложил:

— Давай я тебя сфотографирую рядом с минист-

ром пропаганды, интересно все же. Только сделай надменное лицо. Так...— и щелкнул.

Двор, плохо освещенный маленькими лампочками, по-прежнему кишел людьми. Конвоиры вводили группы людей, захваченных в имперской канцелярии и в различных министерствах. Привели государственного советника Вильгельма Цима, крупного министерского чиновника Генриха Штульберга, чиновников, генералов в штатском, людей, обслуживавших Гитлера и его приближенных.

Все они толкались по углам, словно выискивая брешь для бегства. Одного действительно поймали в момент, когда он чуть было не перелез через стену четырехметровой высоты.

Ранним утром в тюрьме появился высокий, худой человек в новой солдатской форме. Весь его облик — седая голова, холеное лицо, да и сама манера держаться — никак не сочетались с солдатским костюмом. Этого человека привели жители Берлина. Они нашли его утром в своем дворе. Он пытался выбраться на западную окраину Берлина. Его поймали и привели во двор Плетцензейской тюрьмы.

Теперь высокий худой человек стоит перед нами. Внешне он спокоен.

— Кто вы? — спрашивает его подполковник Клименко.

Задержанный лезет в карман, вынимает тонкий бумажник и показывает документы. Оказывается, это адмирал Фосс — представитель гросс-адмирала Деница при ставке Гитлера. Он сообщил, что «фюрер» накануне самоубийства поручил ему, как и некоторым другим лицам, передать важные документы Деницу, ставшему президентом Германии.

По-разному держали себя задержанные военные преступники. Клименко, оформляя процедуру опознания трупа Геббельса, каждому задавал вопросы. Одни хмурились, не поднимали глаз, урча что-то под нос. Другие дрожали то ли от испуга, то ли от предутреннего холода, некоторые утирали глаза.

В комнату входит толстый человек. Лицо красное, обрюзгшее. Это повар Гитлера Вильгельм Ланге.

— Чей это труп? — спрашивает подполковник.

Ланге, не задумавшись, отвечает:

— Доктора Геббельса.

— Вы уверены?

На лице повара едва заметная усмешка.

— Я его каждый день кормил. Он любил бифштексы.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Вчера. Он приходил на кухню и просил выпить. Подошел ко мне, хлопнул рукой по плечу и сказал: «Эх, старина».

Помолчав, Ланге добавил:

— И больше ничего не сказал. А через час я узнал, что он ушел из жизни.

Повара увели. В комнату вошел Карл Шнейдер — начальник гаража рейхсканцелярии. Он одет в кожаную куртку, военные брюки, на ногах краги. Лицо худое, злое, обросшее, глаза бегают, будто кого-то ищут.

— Вы хорошо знали Геббельса? Вы уверены, что это его труп? — спрашивает Клименко.

— Конечно. Я его видел ежедневно. В моем гараже стояли его машины.

— Сколько?

— Четыре лимузина. Но чаще всего он ездил с Гитлером.

Карл Шнейдер торопливо рассказывает о многих своих встречах с Гитлером, Геббельсом, Гиммлером, Борманом.

В комнату вводят Вильгельма Цима.

— Я не могу спать,— неожиданно говорит Цим.— Кругом крики, шум. Я требую...

Было странно слышать эти слова из уст пленного человека, да еще в таких трагических для него обстоятельствах. Бледное лицо, бесцветные глаза и вся поникшая его фигура не соответствовали его гонору.

— Вы забыли, где находитесь,— оборвал его Клименко.— Вы пленный и ничего требовать не можете.

Цим подходит к трупу и, качая головой, бормочет:

— О, доктор Геббельс, доктор Геббельс, что вы наделали...

Бывшего государственного советника уводят.

Адмирал Фосс в расстегнутой шинели, без головного убора стоит перед трупом, молчит. Брови нахмурены. Потрясен.

— Кто это? — спрашивает Клименко.

Адмирал, не поднимая головы, четко произносит:

— Доктор Геббельс.

Затем отходит к окну, плачет и шепчет: «Пропала Германия, пропала».

Опрос окончен. Подполковник Клименко собрал нескольких офицеров и составил акт «о сожжении трупа рейхсминистра пропаганды доктора Геббельса». Помню, что написан акт был химическим карандашом на бумаге в клеточку из школьной тетради. Позже его перепечатали на машинке.

Каким-то образом адмирал Фосс оказался без присмотра. Я увидел его сидящим на ящике под деревом, с перочинным ножом, которым он пытался перерезать себе вену на левой руке. Я крикнул на него, и он тут же пугливо спрятал нож. Я послал солдата за подполковником Клименко, который сразу явился, отобрал перочинный нож и приставил к адмиралу солдата.

Рано утром в Плетцензейскую тюрьму приехал кинооператор Роман Кармен. К десяти часам утра появились Борис Горбатов и начальник политотдела корпуса И. Крылов. Взглянув на труп Геббельса, Борис, как-то очень по-деловому обращаясь к солдатам, громко сказал:

— Вот лежит перед вами колченогий Геббельс, маленький человек, сделавший людям столько зла. Какая презренная жизнь, какая отвратительная смерть... Он хотел поставить вас на колени и теперь лежит у ваших ног. Он хотел убить вас в России, на Украине, на Кавказе, но нашел свою могилу в Берлине. Подумайте, как велик этот исторический момент, как сильны вы, солдаты, сломавшие страшную военную машину Германии.

Так закончилась эта необычная ночь.

Первые мирные дни

В имперской канцелярии.— Железные кресты под ногами советских солдат.— Комбат Шаповалов рассказывает.— На олимпийском стадионе.— Находка разведчиков.— Встреча журналистов у рейхстага в День печати.— Пушкин в рейхстаге.— В гостях у американских танкистов.— Не тронутые войной районы.

Во второй половине дня 3 мая, оставив Плетцензейскую тюрьму, мы с Борисом Горбатовым направились в имперскую канцелярию. Нам предстояло пройти мимо рейхстага, пересечь Королевскую площадь, затем Шарлоттенбургское шоссе и выйти на улицу Германа Геринга, рядом с Бранденбургскими воротами. Это был трудный путь: разбитая земля, воронки, лужи, навалы деревьев в Тиргартене, перевернутые самоходки и машины затрудняли наше движение. Я впервые увидел имперскую канцелярию. Это массивное, тяжелое здание было сильно разбито артиллерийскими снарядами. Строилось оно по проекту министра вооружений гитлеровской армии Шпеера. Того самого Альберта Шпеера, который затем был осужден как военный преступник, сидел в тюрьме Шпандау, а затем писал мемуары и охотно давал слезоточивые, покаянные интервью. В проекте здания имперской канцелярии он пытался утвердить величие третьего рейха. Теперь это помпезное сооружение имело жалкий вид. В здании темно. Мы осторожно поднимаемся по лестнице, все двери и окна настежь. У одного из входов — раскрытые ящики с железными крестами. Много их валяется и на ступенях. Они хрустят под солдатскими сапогами. Длинные коридоры ведут нас к бесчисленным залам и кабинетам. По пути валяются кресла, школьный глобус, какие-то доски. Все засыпано кирпичной пылью, завалено штукатуркой, стеклом. Всюду валяются бумаги, пустые бланки с фашистским орлом, уцепившимся за земной шар, скоросшиватели, папки. На одном

из столов — подшивка нацистской газеты «Фолькишер-беобахтер». Со страниц ее глядят Гитлер, Геббельс, произносящий очередную речь. И хотя все это происходило недавно, кажется ушедшим из жизни давно.

В саду имперской канцелярии мы встретили солдат шаповаловского батальона. Они несли охрану у входов в здание, в бункер, у сухого бассейна. Где-то еще постреливали, но, видимо, за пределами правительственных зданий, потому что до нас хлопки выстрелов доносились как эхо.

Мы подозвали солдата, отрекомендовались и спросили его, кто может сопровождать нас в бункер. Солдат указал на старика в длинном пальто, который стоял неподалеку и, видимо, выполнял роль гида. Тот с готовностью взялся сопровождать нас. Сначала он подвел нас к сухому бассейну, на дне которого лежало много трупов, одетых в военное и штатское платье.

— Это все самоубийцы,— сказал старик и повел нас в бункер. Он, судя по всему, не раз бывал в подземелье и хорошо знал все помещения. Гид рассказывает, что главные персоны во главе с Гитлером жили в самом нижнем этаже, а в верхнем размещались генералы Кребс, Монке, Фегелейн, Бургдорф, Фосс, офицеры штаба, Борман, Аксман, Науман, Лоренц, Фриче и другие чиновники.

Мы спустились в бункер. По грязной, округленной, похожей на винтовую лестнице, по скользким ее ступеням, мы осторожно, держась друг за друга, шли вниз. Уже после первого поворота тьма охватила нас. Наш гид зажег фонарик. Мы спустились ниже. Слышались стоны раненых, доносились запахи медикаментов. Шли мы, оглядываясь по сторонам. Казалось, что в подземелье еще много гитлеровских офицеров.

Гид повел нас вправо, и затем пришлось опять спускаться. Здесь валялись ящики из-под вина, коробки с надписью «Телефункен». Мы шли по пустому залу, и наш фонарик вырывал то покосившуюся картину в толстой золоченой раме на серой стене, то угол зала, в котором навален был мусор — консервные банки, битые тарелки, картонные коробки, тряпье,— то дверь, повисшую на одной петле.

У входа в приемную лежал труп. Я не очень разбирался в званиях и знаках различия германской армии.

Вчера, в день капитуляции Берлина, мы видели множество военачальников, одетых в такую форму. В приемной стояли стол, кресла и длинная скамейка, обтянутая светло-коричневой кожей.

Первая дверь направо вела в комнату совещаний. Это продолговатая комната с гладко-серыми пустыми стенами. Стол, кресло, скамья, на которой может уместиться не больше десяти человек. Следующая комната, в которую мы заглянули, была комнатой Гитлера и Евы Браун. Здесь стояли кровати, небольшой столик, на нем телефон с отброшенной в сторону трубкой, большое зеркало, стекло которого потемнело и словно было покрыто вуалью. У другой стены стоял диван, несгораемый шкаф с открытой дверцей. В нем лучик фонарика показал нам хромовый сапог со стоптанным каблуком. Кому он принадлежал?

При выходе из комнаты на ковре я увидел карту. По рисунку озера Балатон нетрудно было узнать, что это карта Венгрии. На ней была одна жирная красная черта, сделанная карандашом. Своим острием она упиралась в северо-западный берег озера. Кто ее нанес на карту — Гитлер, Кейтель, Кребс?..

Затем, возвращаясь и торопясь, ибо пребывание в подземелье было крайне неприятным, мы зашли в комнату Геббельса. Она была угловой, недалеко от запасного выхода из бункера, через который мы вошли. Кругом хаос: перевернутые стулья, сломанный стол, две пустые канистры из-под бензина.

Под столом валялся открытый маленький чемоданчик. На обратной стороне крышки было написано. «Доктор Геббельс». Внутри лежали белье, бритва, одеколон, мыло, носовые платки — все, что нужно для короткой поездки. Собирался ли он выехать в армию Венка или во Фленсбург, для встречи с гросс-адмиралом Деницем? Над столом висел большой портрет Магды с распущенными волосами. Я видел такой же портрет на даче Геббельса под Кенигсбергом.

Пребывание в подземелье оставило гнетущее впечатление. Мы вышли на «свет божий» по запасной лестнице. Постояли молча. Молча же зашагали по направлению к Тиргартену.

Раньше нас, одним из первых, в бункере был командир батальона Шаповалов. Позже он рассказывал:

— Осматривая подземные комнаты, мы заметили, что двери некоторых из них закрыты. Немецкий майор открыл одну из них. Здесь мы увидели труп мужчины, одетого в черный гражданский костюм, с пулевой раной во лбу. Он был похож на Гитлера, только помоложе. Я спросил майора: «Гитлер?» «Найн»,— ответил он и дал знак следовать к соседней двери. Открыв ее, он кивком головы предложил посмотреть, что делается в смежной комнате. Тут лежал примерно такой же комплекции и возраста мужчина, одетый в военный костюм и тоже с пулевой раной во лбу. И он был с такими же усиками и тоже напоминал Гитлера, но у этого лицо было скуластым. Я перевел вопросительный взгляд на майора. «Два Гитлера?» — спросил я. «Два Гитлера не бывает,— ответил он.— Это эрзац-Гитлеры». Их было много...

«Эрзац-Гитлер» в штатском костюме, которого видел Шаповалов, был завернут в какое-то одеяло, вытащен в сад имперской канцелярии и уложен в сухой бассейн. Многие фотокорреспонденты не пожалели пленки и «нащелкали» его досыта. Так потом появилась ложная версия о том, что 3 мая найден труп Гитлера. Фотографии «эрзац-Гитлера» облетели многие заграничные газеты и журналы с подробным описанием каждой детали лица и костюма. Это внесло немалую путаницу в опознание подлинного трупа Гитлера...

Борис и я шли по главному шоссе Тиргартена — Шарлоттенбургершоссе, которое иначе называлось Восток — Запад. Оно побито снарядами, деревья парка — великолепные породы различных лиственных видов — выдержали жестокий артиллерийский огонь и имели жалкий вид. Колонна Победы с легкокрылыми ангелами на вершине была закопчена и тоже в нескольких местах повреждена. С времен ее рождения — в честь победы над Францией в 1870 году — она не знала никаких бед и неприятностей...

Мы идем дальше в направлении Шарлоттенбурга — буржуазного района Берлина, о котором много слышали. По шоссе навстречу нам и попутно с нами двигались разношерстные группы людей. Это берлинцы, вылезшие из подвалов, возвращались в свои дома в районы Вайсензее, Кепеник, Карлсхорст.

И вот мы в Шарлоттенбурге — районе больших до-

мов, с просторными дворами-садами. Вдруг я увидел командира батальона Анатолия Лебедева, с которым встречался в Панкове и у Шпрее.

Он шел с группой саперов, со знаменем, в полной боевой готовности и с миноискателями. Остановились, разговорились. Оказывается, война для саперов не кончилась. Только отшумели бои внутри рейхстага, на Кенигсплатце и Кроль-опере, вчера берлинский гарнизон капитулировал, а саперы получили новый приказ — срочно разминировать в районе Шпандау-парк и виллу рейхсмаршала Геринга.

Городской транспорт пока не работает: разорваны провода, повреждены трамвайные рельсы, кое-где видны на путях зеленые трамваи, а потому мы бредем пешком по улицам и переулкам без определенно намеченной цели. Но вдруг неожиданно справа от нас открылась большая площадь, а за ней высокое округленное здание стадиона, того самого, который был специально построен к Олимпийским играм в 1936 году. Я много знал об этих играх, знал их героев, и мне, естественно, захотелось посетить стадион и посмотреть, что же он представляет собой сейчас. Огромные многометровые плиты широкими маршами-лестницами вели нас к стадиону. К нашему удивлению, этот железобетонный парадный вход был совершенно цел и даже чист. Мы не увидели ни одной воронки или даже сломанного дерева. Лестница-вход привела нас к стадиону, двери которого были раскрыты и позволяли войти внутрь. Первое, что нам бросилось в глаза,— это мусор в коридорах и на грязных трибунах. Футбольное поле и дорожки окружали круто поднимавшиеся высокие трибуны, а потому весь стадион казался глубокой чашей, укрытой от внешнего мира. Однако потом, когда мы увидели гильзы снарядов и зенитные орудия, установленные на правительственной трибуне, мы поняли, что и этот укрытый трибунами уголок был использован для войны. Стадион был пуст. Мы ходили по трибунам, и я мысленно представлял себе спортивные схватки, происходившие здесь всего девять лет назад, Джесси Оуэнса, спринтера-негра, завоевавшего четыре золотые медали, который, словно демонстрируя бредовость расовых теорий, стал героем Олимпийских игр.

Неподалеку от правительственной трибуны нам повстречался старик в рваном пиджаке, в серых засаленных брюках и дырявых ботинках. Голова его втянулась в плечи, и он смотрел на нас удивленно и как бы спрашивая: «Чем могу служить?» Это был один из сторожей. Мы сказали, что мы русские корреспонденты, и он повел нас в какой-то небольшой зал, заваленный книгами, журналами, комплектами газет. По всей видимости, это была спортивная библиотека стадиона. Старик молча, довольно долго рылся в этом бумажном хламе, наконец вынул и дал нам два больших красочных альбома «XI Олимпийские игры в Берлине».

Мы вошли в правительственную трибуну, уселись на какую-то наскоро сбитую скамью и стали листать альбомы. Они о многом нам рассказали. Вот Гитлер с факелом в руках на маршевых лестницах-подходах к стадиону. Вот «фюрер» в той самой ложе, в которой мы сейчас сидим. Рядом с ним улыбающийся Геринг, вертлявый Геббельс, какие-то еще люди. Худым пальцем, пожелтевшим от табака, старик объясняет: «Гесс, Бломберг, Бальдур фон Ширах...»

Но больше всего нас поразил снимок на обложке альбома: на траве стадиона лежал негр Джесси Оуэнс в обнимку с немецким атлетом: вот, мол, смотрите, до чего снизошел ариец!

Старик, подаривший нам эти альбомы, на прощание сказал, что служит он на стадионе со дня его открытия, видел на нем самые крупные состязания и самые интересные футбольные матчи, но никогда не предполагал, что в ложе правительственной трибуны будут стоять зенитные орудия. Заглядывая в глаза Горбатова, он спросил:

— А как вы думаете, война уже кончилась?

— Да,— уверенно сказал Борис.

— Ну, слава богу.

Мы возвращались со стадиона другим путем, ибо нам нужно было в Плетцензейскую тюрьму, чтобы писать очередную корреспонденцию. Мы двинулись через лесок, дорога пошла по вырубкам, заросшим бурьяном. Не тут ли рубили лес, которым пытались преградить путь танкам Катукова и Богданова? Вырублен он основательно, а потому здесь светлее. Мы шли песчаной дорогой, на которой видны были следы гусениц.

Вдруг из кустарника вышла женщина с девочкой лет восьми. Они остановились, видимо, не ожидая встречи с нами. В глазах женщины удивление и растерянность, а в глазах девочки — испуг. Я никогда не видел у детей таких неподвижных от страха глаз. Девочка заплакала и, схватившись за юбку матери, потянула ее обратно в кустарник. Мать старалась ее успокоить. Нужно сказать, что мы несколько дней не брились, и, наверное, нас действительно можно было испугаться.

Попытка заговорить с девочкой ни к чему не привела. Борис смеялся, корчил смешную физиономию, отчего она, видимо, становилась страшной, звал к себе девочку, но она еще больше кричала.

Женщина уже поняла, что мы полны добрых намерений, и всячески старалась утихомирить девочку.

— Боже мой,— сказал Борис,— что же тут о нас рассказывали детям?! — Он быстро полез в карман, достал большую конфету, завернутую в золотистую бумажку, и показал ее девочке. Она не унималась.

Мне стало грустно, я вспомнил о своей дочке, отошел в сторону, сел на пенек и стал наблюдать. Борис подошел к девочке, опустился на корточки и снова протянул ей конфету.

Девочка перестала плакать, отпустила мамину юбку, но конфету не брала и смотрела на Бориса исподлобья. Это была уже победа. Наконец Борис поднялся и поцеловал ее в голову. Девочка стояла уже совсем спокойно. Это была вторая и решающая победа.

— Ауфвидерзеен,— попрощался Борис.

— Вы есть русский офицер? — спросила женщина.

— Да, я офицер Советской Армии,— ответил Горбатов.

Женщина пожала плечами, взяла девочку за руку и пошла по дороге в сторону Шарлоттенбурга.

В те дни мы много бродили по городу, видели «цивильных» немцев всех возрастов и социальных прослоек, которые привыкли к нам, а детей не видели.

Эта встреча привела Бориса в смятение, расстроила его.

— Нас должны полюбить немецкие дети.

Никто с ним не спорил, а он с каким-то волнением

говорил об этом и искал сочувствия у каждого собеседника и в Плетцензейской тюрьме, и на следующий день в Штраусберге.

Пышноусый солдат, который стоял на часах у входа в тюрьму, тоже терпеливо выслушал рассказ Горбатова и добродушно сказал:

— Так она же дите.

Поздно вечером Борис уехал в Штраусберг и повез с собою корреспонденцию «В берлоге». Он предвкушал радость от победы над собратьями по перу, которые не успели побывать в бункере.

Я же остался в своей уже обжитой тюремной камере и ждал И. Клименко. Мне известно было, что он вновь ездил в имперскую канцелярию и, насколько я понимал, неспроста. Тем более, что ездил он не один. Мне сказали, что представитель нашей ударной армии приехал за адмиралом Фоссом. Клименко воспользовался случаем и просил заехать в имперскую канцелярию, где адмирал обещал показать несколько запасных выходов из бункера. Для чего-то они нужны были Клименко.

Я дождался его и долго крутился возле, не решаясь начать расспросы. Иван Исаевич был неразговорчив. И все же мне удалось кое-что узнать, как он сказал, «не для печати».

— Ехали мы медленно,— начал Клименко,— Фосс мог хорошо рассмотреть, что стало с Берлином. Адмирал, сидевший до последнего момента в бункере, ничего не видел. Я заметил, как он мрачнел, видя изувеченный город. «Как страшно разрушен город,— сказал он,— я не мог представить себе, что когда-либо увижу его таким».

— Когда мы ходили по подземелью имперской канцелярии,— продолжал Иван Исаевич,— Фосс нервничал, ругался, натыкаясь на всякий хлам, откидывая его ногами. Показав нам убежище Гитлера, он вывел нас из бункера через один из запасных выходов и сказал:

— Вот отсюда, как говорили мне адъютанты фюрера, они выносили его труп. Но где он может быть, мне неизвестно.

Далее Клименко с Фоссом и группой солдат вошли внутрь сада, внимательно ко всему присматриваясь.

У сухого бассейна, где толпились люди, Фосс увидел труп и воскликнул:

— О, Гитлер!

Это был тот самый «эрзац-Гитлер», о котором мне рассказывал комбат Шаповалов. Все смолкли, но Клименко заметил, что носки на ногах у найденного трупа заштопаны. Может ли быть такое? Он с недоумением посмотрел на Фосса, и тот поспешил сказать:

— Нет, нет! Это не он.

Утром следующего дня подполковник И. И. Клименко с группой разведчиков и немцев, которые могли понадобиться как опознаватели, направился в имперскую канцелярию. Ивану Исаевичу хотелось еще раз внимательно посмотреть на труп, который адмирал Фосс сначала «признал», а затем «опроверг». Но когда они прибыли к сухому бассейну, никакого «эрзац-Гитлера» там уже не было. Как потом выяснилось, комендант Берлина генерал Берзарин приказал перенести его в здание.

Разведчики продолжали поиски.

Клименко рассказывал:

— Налево от входа в бункер чернела воронка. Не знаю, от бомбы или снаряда. Довольно глубокая. В ней валялся разный хлам — рваные ковры, бумаги и фаустпатрон. Солдат Иван Чураков стал спускаться в воронку. Я крикнул ему: «Смотри, чтобы фауст беды не наделал». Чураков завяз сапогами в рыхлой земле. С одной стороны воронки земля осыпалась и обнажила трупы. Их вытащили. Трупы очень сильно обгорели, и по ним ничего нельзя было определить. Я распорядился завернуть их в ковры, которые валялись тут же, и снова закопать в воронку.

Вернувшись в Плетцензейскую тюрьму, Клименко находился под впечатлением виденного. Почему-то ему не давали покоя эти два трупа в воронке. А вдруг это останки Гитлера и Евы Браун? Ночь он не спал. Район имперской канцелярии находился под контролем соседней армии, а это значило, что продолжение поисков осложняется.

Клименко поделился своими предположениями с капитаном Дерябиным, и они решили, не теряя времени, ехать в имперскую канцелярию.

Солдаты быстро откопали, очистили от земли оба трупа и погрузили их в ящики. Роясь в земле, они нашли мертвых собак. На ошейнике одной из них была металлическая пластинка с надписью «Всегда с тобой». Расследование продолжалось...

Генерал Переверткин пригласил нас на банкет, который состоялся в депо трамвайного парка. За длинным столом уселось несколько десятков офицеров. Были подняты бокалы за победу над врагом. И помнится мне, что все речи произносились спокойно, без похвальбы, с той ноткой убежденности, которая была у наших людей в самом начале войны и в самые тяжелые ее месяцы. «А как же иначе»,— говорил один. «Так и должно было быть»,— говорил другой. «Никто не сомневался»,— говорил третий.

Банкет закончился рано, на прощание Семен Никифорович с какой-то особенной торжественностью вынимал из ящика белые коробочки, в которых были черные часы, и вручал каждому участнику торжественного обеда. На светящемся циферблате часов, врученных мне, было написано: «Сильвана». Изготовлены они в Швейцарии, а оказались в «доме Гиммлера».

Получив подарки, мы распрощались и разъехались. Торопились на узел связи, на сей раз для того, чтобы дать телеграмму всем корреспондентам центральных газет соседних с нами фронтов — 1-го Украинского и 2-го Белорусского с просьбой пожаловать в Берлин в День печати, 5 мая, в 13.00 к зданию рейхстага. Это была идея Бориса Горбатова.

5 мая, когда мы подъехали со стороны Бранденбургских ворот, первое, что мы увидели, это шеренга машин, аккуратно поставленных у восточного входа в рейхстаг, со стороны Платц-Паризьен. Каких только марок машин тут не было! «Хорьхи», «опель-адмиралы», «вандереры», «мерседесы», «фиаты»... Этот парад машин нас смутил. Мы поставили свою «эмку» в третий ряд и пошли на площадь. Здесь уже было много наших друзей, которые обнимались, размахивали руками, куда-то торопливо бежали. Многие не видели друг друга очень подолгу, и встречи их были трогательными, душевными, а иногда и со слезами.

Мы не успевали пожимать руки, поздравлять друг друга, обмениваться новостями. Здесь мы встретились

с Вс. Вишневским, Вс. Ивановым, Е. Габриловичем, А. Беком, Н. Денисовым, П. Трояновским, Я. Макаренко, Л. Кудреватых, Р. Карменом, И. Золиным, М. Долгополовым, Л. Славиным, Л. Железновым, Ц. Солодарем, В. Полторацким... всех не перечесть.

Фотокорреспонденты М. Редкин, О. Кнорринг, А. Морозов, А. Шагин, А. Капустянский, Н. Финников вошли в свою роль и «создают группу», рассаживая нас на разбитых плитах «террасообразно» на фоне разбитого рейхстага.

Больше всех суетится Редкин. Он кричит: «Федя, тебя не видно», «Миша, подымись выше»...

Нас пересаживали, по-разному «компоновали группу», строили какие-то «пирамиды». Затем приехал генерал-полковник Н. Берзарин, и мы вновь фотографировались: «Берзарин с правдистами», «Берзарин с известинцами», «Берзарин с краснозвездцами» и т. д.

С группой журналистов, прибывших из Штеттина, приехала актриса Московского Художественного театра Нина Михаловская. В рейхстаге ее встретил Неустроев. Он был рад, что его «гарнизон» посетила актриса, да еще столичная. Приказал на втором этаже соорудить эстраду.

Нина Валерьяновна не была готова к концерту. Посетовала на свою забывчивость, что не взяла грима. Неустроев услышал и тут же приказал:

— Пудры и духов артистке. Быстро!

Солдат исчез, а через несколько минут принес небольшую красивую коробочку, на которой по-немецки было написано... «для ног». Грим не состоялся, но это не помешало концерту.

Михаловская читала отрывок из «Метели» А. Пушкина. И под сводами разбитого здания гулко раздавался ее голос:

«...Война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу... Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *«отечество»*. Как сладки были слезы свидания!»

Я смотрел на солдат, многие из них сидели на полу,

на разбитых лестницах, на подоконниках. Только три дня назад здесь шел бой за каждый метр. А теперь в рейхстаге звучит бессмертный Пушкин. Солдаты слушали, боясь пошевельнуться. Кто-то приставил к уху ладонь, чтобы не пропустить ни одного слова, кто-то подался вперед, кто-то украдкой вытирал слезу.

А когда артистка закончила чтение, все ей стали шумно рукоплескать. Солдаты были взволнованы, может быть, Пушкин впервые по-настоящему дал им почувствовать близость свидания с Родиной.

Нину Валерьяновну окружили. М. Егоров и М. Кантария предложили ей взобраться на крышу рейхстага, взглянуть на Знамя Победы, на разбитый купол. Артистка смущалась, боялась и отнекивалась, но все же уговорили.

Тут же, на площади, мы узнали, что в Штраусберге, в Политуправлении фронта, есть на наши имена приглашение на поездку за Эльбу, на встречу 6 мая с американскими офицерами.

Пообедав у генерала Переверткина, мы заехали в Штраусберг, привели себя в порядок, начистили сапоги «сто улыбок в лицо тротуарам» и двинулись в расположение 61-й армии, которой командовал генерал П. Белов.

Ехали мы по незнакомым дорогам, но в общем-то ничем не отличающимся от дорог вокруг Берлина: те же леса, перелески, остовы кирпичных домов, брошенная техника.

Генерал встретил нас приветливо и попросил:

— Ну, рассказывайте, что вы видели своими глазами.

Борис красочно нарисовал картину бункера имперской канцелярии, а я рассказал о находке трупа Геббельса.

Поздно вечером мы посетили редактора армейской газеты И. Пекермана. Он очень был рад нашему приезду. У него уже собрались Вс. Иванов, Л. Кудреватых, А. Бек и другие писатели и журналисты.

За шумным ужином все разговоры крутились вокруг завтрашней поездки за Эльбу.

Некоторые наши собратья приехали в таком виде, что пришлось им срочно подыскивать «цивильный ко-

стюм», наскоро брить, стричь, в общем, приводить в «приличный» вид: едем-то в гости!

Редакция армейской газеты разместилась в просторном особняке. И мы ночевали здесь. Пекерман, как гостеприимный хозяин, чуть ли не всю ночь хлопотал,— только бы всем нам было хорошо и уютно. А потом он еще подсаживался то к одному, то к другому и начинал: «А помнишь...» И все мы вспоминали минувшие дни.

Дорога к Эльбе шла лесом. Мы волновались: давно ли наша «эмка» колесила в солончаках у Волги и по горным тропам у Моздока? А теперь вон блестит вдали лента Эльбы. На всем пути битые ящики из-под патронов, сгоревшие танки. Типичный ландшафт войны.

От плавно текущей Эльбы повеяло миром и покоем. Здесь же перед нами выросла символическая картина: оседланные дончаки пили воду из Эльбы. Фотокорреспондент Яша Рюмкин по достоинству оценил этот «мирный этюд» и сделал великолепный снимок, имевший потом успех.

Вскоре подошли катера. На первом из них уехал генерал М. Сиязов, который возглавлял нашу группу. На других — мы. Подплыли к левому берегу; справа стояли две огромные баржи, на которых толпились люди — бежавшие солдаты. Но среди них я видел и женщин и мужчин, одетых в штатское платье.

На берегу нас встретили американские офицеры. Один из них подошел к нам и пригласил в машину. Он был молод, красив, с хорошими манерами. Как только автомобиль тронулся, он представился: «Адъютант командира танкового корпуса, актер нью-йоркского театра миниатюр».

— А-а-а-а, все ясно,— сказал Борис.

Актер оказался человеком разговорчивым, знал русский язык и забросал нас вопросами: «Кто вы, какой армии, какого рода войск?» Мы отвечали кратко, не вдаваясь в подробности.

На большой скорости мы проезжали маленькие населенные пункты, где не только дома, но и все стекла в них были целы (мы отвыкли от этого, и нам это казалось странным). На протяжении всей дороги не было видно ни разбитых машин, ни пушек, ни даже пустых ящиков из-под снарядов, этих постоянных спутников

любого боя. Нам казалось, что мы попали в край, не тронутый войной. Жители приветствовали нас, некоторые кричали по-русски: «Советской Армии салют!»

Наш спутник постепенно расширял круг своих вопросов, а Борис постепенно «закипал». Я это видел по его покрасневшей шее и по тому, как он несколько раз снимал очки, протирал стекла и, искоса глядя на меня, спрашивал: «Как тебе нравится?» Я чувствовал, что Борис отбросит сейчас «дипломатический этикет» и начнет изъясняться с актером театра миниатюр так, как он это умел делать,— горячо и с сердцем, а потому несколько раз тихо просил его: «Спокойно».

— Что вы так опоздали? — вдруг спросил американец.— Мы ждем вас уже две недели у Эльбы. Мы рассчитывали, что вы Берлин возьмете быстрее. Нехорошо, нехорошо...

Борис круто повернулся к нему и повысил голос:

— Вы не смеете так говорить! — Затем добавил: — Не имеете права. Вы не воевали, а маршировали, ваши танки не имеют опалин, у них нет не только вмятин, на них нет царапин. Они пришли к Эльбе и стоят под новыми чехлами. Посмотрите, посмотрите,— Борис показал рукой на танки,— они стоят под брезентовыми чехлами, новенькие, без единого пятнышка.

Американец несколько растерялся. После паузы Борис продолжал:

— Ко мне попала песенка, которую пели в начале войны немецкие офицеры, а теперь поют офицеры американские...— Борис достал записную книжку, поднес ее близко к глазам и прочел:

Гусиные печенки,
Седанские девчонки.
Гей-са! Бокал вина,
Веселая война!
Подохнешь от одышки,
Минуя городишки.
И — наша вся страна.
Веселая война.
Мы были в деле
Всего лишь три недели,
И кончилась сполна
Веселая война.

Американец улыбнулся.

Наконец подъехали к городку Клейтц. Мы видели,

как на площади американский офицер, взяв под козырек, приветствовал генерала Сиязова:

— Командование американского корпуса ждет русских генералов и офицеров,— закончил он свое приветствие.

Оркестр сыграл бравурный марш, и из здания вышел низкорослый, худой, старый генерал Гилим. Он подошел к Сиязову, поздоровался, и они направились вдоль почетного караула. Оркестр исполнил «Интернационал», а затем американский и английский гимны.

Парад войск корпуса длился недолго. После этого солдаты были распущены, бродили здесь, на площади, шумели, веселились; где-то играла музыка. А генерал Гилим, демонстрируя демократизм, чокался у киоска с солдатами, хлопал в ладоши в такт танцующим.

Борис подошел к группе, стоявшей в сторонке. Он спросил солдат об их новом президенте Гарри Трумэне.

— Вы знаете его? — спросил Горбатов.

Один из солдат, подняв руку выше головы, сказал:

— Так Рузвельт.— Затем опустил руку ниже колена и добавил: — Так Трумэн.

Все дружно засмеялись.

Потом был обед. Шумный, веселый, во время которого нас угощали борщом, но без хлеба, и отбивными котлетами с маленькой сладкой булочкой.

Во время обеда Борис затеял разговор об американской литературе. Он назвал имена Теодора Драйзера, Эптона Синклера, Фенимора Купера, Уолта Уитмена, Синклера Льюиса, высказывал свое мнение о «Сестре Керри», «Финансисте», «Гении». Попросил офицеров назвать русских писателей.

Наступило неловкое молчание. Наконец один из американских полковников вымолвил:

— Толстой.

— И все? — спросил Борис, обращаясь к офицеру-актеру, сопровождавшему нас в машине.

Но и он молчал...

После обеда мы собрались уезжать. Начался обмен сувенирами: американцы снимали с петлиц две золоченые буквы «US», а мы отдавали им золотистые пуговицы со звездой.

Возвращались, когда начало вечереть. Наш знакомый актер доверительно сказал:

— Радио Гамбурга сообщило, что выпущен из тюрьмы Геринг.

Новость нас ошарашила: как? почему? Но мы тогда не знали, что Дениц сформировал свое правительство, не знали, что он подсылал уже адмирала Фридебурга к фельдмаршалу Монтгомери и готовил так называемую «частичную капитуляцию». Однако по тому, что мы слышали, можно было заключить, что наши союзники «налаживают контакты» с еще не добитым врагом.

Мы вновь ехали по лесной дороге. Вскоре увидели опять Эльбу. На сей раз она показалась нам желто-красной от заходящего солнца.

Когда ступили на «свой» берег, было темно. Все же решили, не заезжая к гостеприимным друзьям из 61-й армии, двинуться прямо в Штраусберг: там были свежие газеты, там нас могла ждать телеграмма из редакции.

На дорогах Берлина стояли наши регулировщики. Происходила передислокация войск. Мы не знали, что корпус Переверткина выводился из Берлина на север в район Гросс-Шенебека, а потом оказалось, что именно он двигался навстречу нам по улицам Берлина.

Далеко за полночь мы прибыли в Штраусберг. На узле связи мы нашли телеграмму. Нас «успокаивали»: корреспонденция «В берлоге» находится неизвестно где на согласовании и, видимо, в ближайшее время света не увидит.

— Я же тебе говорил,— печально промолвил Горбатов.

И мы побрели по тихим улицам Штраусберга домой.

Освобождение Геринга, задержка информации о смерти Гитлера, Геббельса, бегство Бормана, Аксмана нас озадачивали и настраивали на грустный лад. И только офицер штаба фронта, встретивший нас на узле связи, порадовал. Загадочно улыбаясь, сказал нам:

— Приходите завтра вечером, будут интересные новости.

Капитуляция

8 мая на Темпельхофском аэродроме.— Карлсхорст.— Кейтель, Фридебург и Штумпф подписывают акт капитуляции.— Наш последний военный репортаж.— Тишина, никто не стреляет, мир

Весь день 7 мая мы писали свои корреспонденции. Накопилось много материалов, которые просились на газетный лист.

После обеда ко мне зашел корреспондент «Красной звезды» Павел Трояновский. Мы обменялись новостями, которые носили теперь мирный оттенок, и решили пройтись по Штраусбергу, в котором жили и который, по сути дела, не знали. Мы шли к красивому озеру, находившемуся в густом кольце соснового леса. Как нам сказали местные жители, где-то здесь была дача Геббельса и он довольно часто летом приезжал сюда из Берлина. Но мы так ее и не увидели.

Когда возвращались домой, Павел сказал:

— Сегодня приезжают Симонов и Кривицкий. Это неспроста.

Я вспомнил обещание штабного офицера и понял, что предстоят большие новости.

Поздно вечером нас вызвали в Военный совет фронта и выдали приглашения на 8 мая для «присутствия и работы на аэродроме и в залах заседания на особом мероприятии, проводимом командованием».

Таинственное содержание билета нам вскоре разъяснили:

— Сегодня в Реймсе подписан временный протокол капитуляции гитлеровских вооруженных сил, а завтра в Берлине, в Карлсхорсте, будет подписываться акт безоговорочной капитуляции Германии. Вам нужно к 10 утра быть на Темпельхофском аэродроме.

Обрадованные, мы вышли на улицу и услышали беспорядочную автоматную стрельбу. Оказывается, весть о подписании капитуляции в Реймсе дошла до

солдат, и их уже никто не мог удержать от салюта в честь победы.

Поздно вечером мы встретили Симонова и Кривицкого, с которым я только теперь познакомился. С Симоновым же мне пришлось участвовать в одной «журналистской операции» во время высадки нашего десанта на южном берегу Крыма в Феодосии.

Это было в первые дни января 1942 года. Мы плыли на крейсере «Красный Кавказ» к Феодосии. Море штормило, и наш корабль заметно покачивало. Симонов в кают-компании читал солдатам стихи. Сквозь морозную пелену светила луна. Палуба, мачты, орудия были заснежены. Толстые ледяные сосульки повисли на проводах, лебедках, на перилах. Казалось, что мы где-нибудь на Севере, а не у берегов Крыма.

На рассвете наш крейсер причалил к Феодосийскому порту, в котором раньше нас побывали моряки капитана Басистого и выбили в новогоднюю ночь немцев из города. Феодосия была безлюдна, и мы с оглядкой ступали по ее улицам.

Предутренняя тишина оказалась недолгой. Немецкая артиллерия, расположенная в горах, открыла огонь по «Красному Кавказу», пробила его борт на корме и на носу, и крейсер, не успев полностью выгрузиться, ушел в море «от беды подальше». Не были выгружены снаряды для зенитных орудий, и немецкие летчики, заметив их безжизненность, смело летали над городом и с поразительной методичностью бомбили его.

Мы никак не могли выбраться из города. Но однажды комендант города сказал, что скоро от причала в Новороссийск должен отойти «морской охотник», и просил нас поторопиться.

И вот мы пошли по пустым улицам, освещенным луной, зная, что где-то здесь, в старой «Генуэзской крепости», засело несколько сот гитлеровцев, не успевших бежать. Симонов, в комбинезоне летчика, шел впереди. Под его ногами звучно хрустел снег. И мне, идущему сзади, боязно было, что мы растревожим всех вражеских автоматчиков. Но Симонов шел уверенно, не оглядываясь, и меня это успокаивало.

Только мы добрались до порта, как перед нами открылась картина пожаров на воде: у причалов горели

разбитые бомбами пароходы. Мы остановились. В тишине послышались странные звуки: треск, писк, удары. Это стонало охваченное огнем железо, ломались и падали мачты, брусья, шпангоуты.

Так умирали пароходы, и дымная погребальная лента уходила в море...

В этот момент послышался шум самолета, и тут же вся площадь порта осветилась мертвым, белым огнем нависшего над нами «фонаря». Это значило, что сейчас начнется бомбежка. Я бросился было в сторону, но Константин Михайлович крикнул: «Сюда, ложись!», и мы спрятались между высокими штабелями ящиков, укрывшими нас от света. Сердце учащенно билось. Раздался взрыв бомбы. «Первая»,— подумал я. За ней последовал второй, третий взрыв, и послышался характерный звук набирающего высоту самолета. «Пронесло».

Когда мы поднялись, то увидели, что на ящиках, между которыми мы лежали, было написано: «Мины»...

...Прошло три с лишним года, и вот мы стоим на улице Штраусберга, ведем беседу о завтрашнем дне, о предстоящей капитуляции.

Утро 8 мая выдалось ясное, теплое. Казалось, что зелень садов Штраусберга как-то по-особому светилась под лучами солнца. Машины медленно двигались по знакомому разбитому шоссе мимо Альт-Лансберга к Берлину. Когда мы въехали в город, перед нами туманным маревом кружилась пыль. Затем, минуя Силезский вокзал и Нейкельн, мы добрались до Темпельхофского аэродрома, куда должны были прибыть представители Верховного командования союзных войск и немецкого главного командования.

Темпельхоф — огромный аэродром, застроенный вокруг ангарами. Многие из них были разбиты, обуглены, измазаны защитной краской. Расколоты и многие крупные плиты некоторых взлетных площадок. Под ногами холодные осколки бомб. На аэродроме сожженные «юнкерсы», «мессершмитты» и один целый транспортный самолет «Ю-52». Видимо, те, для которых он был предназначен, не успели покинуть город.

Я с любопытством смотрю на огромное зеленеющее поле аэродрома, снующие автомобили, обгорелые здания. Совсем недавно гвардейцы Чуйкова отбили

его у врага, недавно юнцы «гитлерюгенда» шли в «психическую атаку», пытаясь отвоевать аэродром, а может быть, самолет, на котором кому-то нужно было подняться в воздух.

Ждать пришлось долго. Решили поехать в ближайший ресторан позавтракать. Но только заказали яичницу с беконом, только расселись за столом и я успел намазать кусок хлеба горчицей, как послышался звук самолета. Все бросились к машинам. Зеленый «дуглас» уже снижался над аэродромом. Когда же мы подъехали, то выяснилось, что прилетел он из Москвы и доставил сотрудников Наркоминдела во главе с А. Я. Вышинским.

Все наши попытки выяснить, когда ожидается прибытие других делегаций, ни к чему не привели.

Темпельхоф находится на возвышенности, и отсюда хорошо был виден Берлин, остовы обгорелых домов, заводские трубы, все еще дымящиеся кварталы.

В стороне, где на флагштоках трепетали на ветру государственные флаги СССР, США, Англии и Франции, на большой площадке какой-то плотный пожилой полковник командовал батальоном солдат: «Ать-два, ать-два, левой...» Это готовился почетный караул к встрече высших военных чинов делегации.

Все солдаты были в новых костюмах, со знаками отличия, в начищенных сапогах и так четко «отрабатывали шаг», что невольно задерживали наше внимание. А полковник, то и дело утиравший носовым платком шею, продолжал командовать: «Кру-у-у-гом, шагом арш...»

Один из офицеров, стоявших за нами, сказал:

— Знаток!

От него мы узнали, что полковник, командовавший батальоном,— старый строевой офицер Лебедев. Он воевал на улицах Берлина, как и его питомцы — молодец к молодцу, отобранные в этот почетный караул из разных частей.

С лужайки мы увидели оживление на дальней взлетной площадке. Это истребители «яковлевы» попарно взлетали с аэродрома и, сделав полукруг, направлялись на запад. Одна пара, другая, третья...

«Событие» приближалось. Нам сказали, что какой-то самолет через несколько минут улетает в Москву,

и мы поторопились послать хотя бы записки в редакцию и домашним.

Вскоре на аэродром прибыли генералы Соколовский, Берзарин, Боков. Пора приготовить блокноты. Наши друзья из фотоцеха взялись за свои «лейки».

Через несколько минут в небе показались «яковлевы», а между ними «дуглас», который, сделав круг, снизился на бетонную дорожку.

Было ровно два часа. Все мы поспешили к самолету. Двери «дугласа» открылись, и по узкой железной лесенке сошел худощавый человек в берете, в серо-синем костюме. Это был главный маршал авиации Великобритании Артур Теддер. За ним по лестничке сошли старый человек в темно-зеленой военной форме — командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. Делатр де Тассиньи.

Через несколько минут прилетели еще два «дугласа» с обслуживающим офицерским составом. Но наше внимание было приковано к встрече гостей с генералом Соколовским, генерал-полковником Берзариным и генерал-лейтенантом Боковым.

В момент, когда Соколовский пожимал руку Теддеру, все фотокорреспонденты — наши, английские, французские, американские — щелкали аппаратами. Один из иностранных журналистов, толкнув меня, занял лучшую позицию и тут же бросил на ходу:

— Извините, не часто приходится снимать Жукова.

Я ему ответил, что он снимает не Жукова, а Соколовского.

— А Соколовского разве часто приходится снимать? — отрезал он.

Когда рукопожатия закончились, все направились к месту, где замерли в почетном карауле солдаты батальона Лебедева.

Зная, что ожидается самолет с немецкими представителями, я вернулся к месту посадки самолетов, уселся на траве и издали наблюдал за торжественной церемонией. Ветер доносил команду Лебедева:

— ...Смирно!.. Слушай на караул!..

Но вот в небе показался самолет, который, подняв одно крыло, сделал крутой вираж и точно сел на

бетонную дорожку. «Дуглас» подрулил к нашей группе, и по лестничке спустился фельдмаршал Кейтель, в сером легком длинном плаще с фельдмаршальскими погонами, в высокой фуражке, с маршальским жезлом в руке.

Он взглянул на группу наших офицеров и, безошибочно определив старшего, улыбнулся и направился к нему. Но тот рукой указал фельдмаршалу дорогу, по которой ему следовало идти. Сконфуженный Кейтель повиновался жесту. Рядом с ним находились: генерал-полковник авиации Штумпф, низкорослый, плотный, и адмирал флота Фридебург — худой, бледный, сгорбленный.

Впереди шли наши офицеры, а сзади, строго держа дистанцию, молодые офицеры вермахта. Кейтель изредка глядел на дымящийся Берлин, Штумпф без конца вертел головой: его больше всего интересовал парад, проходивший в стороне; и только старый Фридебург, тот самый, который по поручению Деница давно уже завязывал контакты с союзниками, шел опустив голову, безразличный ко всему.

В стороне, около «дугласа», который прилетел утром, стояли члены экипажа Семенков, Тайметов, Калинин и Гордиенко.

Фотокорреспонденты, забегая вперед, приседали на корточки и «обстреливали» капитулянтов. Кейтель и Фридебург были равнодушны к этому неожиданному и, как казалось им, неуместному вниманию, зато Штумпф улыбался и, по всей видимости, был доволен.

Фельдмаршал сел в машину «Шевроле». Я зашел за машину, в которую сели Штумпф и Фридебург, через заднее окошечко заглянул в лимузин. Видно было, как Фридебург вынул из портфеля папку и стал просматривать бумаги. Временами он наклонялся к Штумпфу, и тогда оба они смотрели в бумаги; Фридебург делал пометки.

Подумалось, что они, по своей наивности, готовили варианты текста капитуляции, забыв, что капитуляция должна быть безусловной и безоговорочной. А может быть, они демонстрировали наигранную деловитость?

А в это время Артур Теддер произнес краткую речь.

— Я являюсь представителем верховного главнокомандующего генерала Дуайта Эйзенхауэра,— сказал он.— Я уполномочен работать на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад потому, что я приветствую их в Берлине. Союзники на Западе и Востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь — передать самые теплые приветствия Запада Востоку.

Начальник караула провозглашает:

— За нашу победу — ура!

Могучее «ура» победителей загремело в поверженном Берлине. Все как зачарованные смотрят на эту радостную картину. До чего же солнечно сейчас на душе у каждого! Улыбаются английские и американские генералы, Соколовский, подняв руку, приветствует солдат, которые все еще протяжно кричат «ур-ра-а», и кажется, что их победные голоса слышны на Пулковских высотах, под Москвой, на Волге, на Тереке, на южном берегу Крыма — всюду, где такие же солдаты с криками «ура» шли в контратаку, зная, что отступать некуда, что за ними Ленинград, Москва, Волга, Черное море.

После того как кончились все торжества, машины двинулись в район Карлсхорста. Наш путь лежал через Нейкельн и Трептов-парк, за Шпрее, через районы недавних боев, где героически сражались солдаты корпуса генерала Рослого, дивизии Антонова, полки Гумерова, Радаева, Пешкова, батальон Шаповалова. Здесь всюду еще следы войны. Поток машин несется по улицам побежденного Берлина. Дороги расчищены, но на тротуарах груды битого кирпича и мусора. Победители едут по столице поверженного фашистского рейха, для того чтобы подписать акт безоговорочной капитуляции. На перекрестках молча стоят жители города.

Вслед за победителями с определенным интервалом следуют побежденные. И они должны подписать акт.

...О чем думают они сейчас, проезжая по улицам Берлина и разглядывая развалины? Вспоминаются ли им плац-парады или последние дни крушения?

На всех перекрестках стоят наши девушки-регулировщицы, в военных костюмах, в белых перчатках, успевшие уже загореть под майским солнцем. Они щеголевато размахивают флажками, указывая блестящим лимузинам дорогу на восток.

Машины проходят под воздвигнутой деревянной Аркой Победы, на фронтоне которой начертаны слова: «Красной Армии слава».

Проезжая арку, вспомнилось, как задолго до этого знаменательного дня, когда наши войска стояли еще на Одере в маленьком фольварке, в одноэтажном домике начальник клуба майор Вдовиченко показывал эскиз этой арки, а заместитель начальника политуправления полковник Прокофьев, утверждая его, говорил:

— Нужно торопиться! А где эскиз трибуны для парада в Берлине? Торопиться, торопиться нужно.

Он говорил спокойным голосом, и я почувствовал тогда, что он знает сроки и дату нашей победы. Вот она и пришла.

Но что это? Задняя машина затормозила. Регулировщица остановила черный лимузин, в котором ехала германская делегация. Она указала им на объезд Арки Победы и улыбнулась с чувством собственного достоинства. Так мы и не узнали, подсказал ли ей тогда кто-нибудь этот поистине величественный жест, или она сделала по собственному разумению.

Уже подъезжая к Карлсхорсту, мы увидели и знакомую регулировщицу Марину Чубук. Здесь не нужно было указывать путь, а потому она, улыбаясь, приветливо козыряла, была счастлива...

Маленький серый с колоннами дом-столовая военно-инженерного училища по Цвизелерштрассе отныне становится историческим. Именно здесь сегодня будет подписан акт о безоговорочной капитуляции. Здесь конец войне.

Представители командования союзных войск посетили маршала Жукова, чтобы согласовать все детали процедуры.

Американские и английские журналисты оказались посмелее нас и, пользуясь тем, что у них не было знаков различия на погонах, проскочили мимо полковника, окружили Жукова и наперебой задавали ему во-

просы. Маршал отвечал сдержанно, улыбался. Наконец журналисты покинули помещение и бросились на узел связи.

В здание пока заходили редко. Все толпились в садике, который полностью зазеленел. Но безделье в ожидании «особого мероприятия» томило.

Прогуливается Всеволод Иванов, заложив руки за спину, где-то в стороне Евгений Долматовский с увлечением рассказывает о встрече с генерал-полковником Кребсом на командном пункте генерала Чуйкова. Как всегда невозмутимо глядит на все происходящее Михаил Брагин, словно он уже не раз присутствовал на «особых мероприятиях». Группа «Красной звезды» — Константин Симонов, Александр Кривицкий, Павел Трояновский, Леонид Высокоостровский прохаживаются по улице и о чем-то оживленно беседуют.

— Не иначе как планируют «фитиль всем прочим»,— тревожно сказал мне Леня Кудреватых и тут же сам заразительно рассмеялся,— дескать, «шалишь, братец, шалишь».

Роман Кармен беседует с корреспондентом агентства Рейтер Кингом, Лев Славин — с польским журналистом. В эти часы в Карлсхорст съехались все «сливки» мировой прессы. Они одеты в военные костюмы, но, как я уже сказал, без знаков различия. На их погонах написано: «Военный корреспондент». И все. Это очень удобно, ибо дает возможность непосредственно обращаться ко всем высшим чинам армии, в то время как мы обязаны были считаться с табелью о рангах и нам не всегда было просто пройти, скажем, к командарму.

В зале будущего заседания расставлено несколько столов, из которых один — вдоль дальней стены, два больших — перпендикулярно к нему и два маленьких. Столы покрыты серо-зеленым сукном, и на них разложены чистые листы бумаги, отточенные карандаши, чернильницы, тонкие ученические ручки, пачки папирос «Москва — Волга». Все обычно, буднично, деловито.

Начинаю готовить корреспонденцию «Капитуляция», пишу о том, что было в Темпельхофе. Но вдруг Яков Макаренко сказал:

— Идет французский генерал.

К зданию подходил стройный молодой генерал в высокой военной фуражке с четырьмя звездами, в открытом френче, в белых перчатках. Он картинно брал под козырек, отвечая на наше приветствие.

И снова ожидание. Все мы понимали, что время уходит, а в Москве с нетерпением ждут корреспонденции.

Кто-то отшучивается:

— Капитуляцию-то подписать легко, а вот передать корреспонденцию — задача!

В это время в маленьком особняке, на втором его этаже, сидели за столом и все еще изучали какой-то документ Кейтель, Штумпф и Фридебург. Их адъютанты флегматично рылись в книгах библиотеки, рассматривали из окна сад во дворе, где стояли «на часах» наши солдаты. Все обрадованно вздохнули, когда в зал вошли официантки и начали накрывать стол.

Журналист Пстр Соболев, который в тот момент находился в зале, рассказывал мне:

— Первым за стол сел Кейтель, по его приглашению — все остальные. Выпив водки, фельдмаршал начал разговор. Он стал рассказывать о своих сослуживцах еще в период первой мировой войны и сразу повеселел. Называя имена генералов-однокашников, он вспоминал, кто из них служил с ним в одной роте или батальоне.

После обеда к Кейтелю пришли переводчики с текстом безоговорочной капитуляции. Все члены делегации уселись за круглый стол и углубились в документ.

Кейтель, Фридебург и Штумпф тихо переговаривались, на их лицах заметно было то удивление, то недовольство. Кейтель то и дело поправлял воротничок, видимо, ему становилось душно.

Кроме П. Соболева в зале находился кинооператор Посельский, который, не жалея пленки, снимал и приговаривал: «Для истории надо поработать на всю катушку».

Мы по-прежнему слонялись в томительном ожидании.

У одного из сотрудников Наркоминдела, прилетевшего сегодня из Москвы, был свежий номер газеты «Красный спорт». Невероятно! Четыре года мы не дер-

жали в руках этой газеты, четыре года всем нам было не до рекордов, не до чемпионов, не до забитых и пропущенных мячей. И вдруг «Красный спорт»!

На нас пахнуло миром и покоем. Каждая строка газеты говорила об этом: в Баку состоялся большой физкультурный парад в ознаменование 25-летия Советской власти в Азербайджане. В двенадцать часов дня раздался салют корабельной артиллерии (а у нас в Берлине пушки молчат), и на трибуну поднялся «всесоюзный староста» — Михаил Иванович Калинин; в Киеве — весенний праздник спортсменов; на футбольном поле водной станции «Динамо» в Химках сыгран первый товарищеский матч.

И никто не остался равнодушен к статье Валентина Гранаткина, которая рассказывала о предстоящем футбольном сезоне. Сразу же возник оживленный обмен мнениями: Леонид Кудреватых доказывал, что чемпионом будет «Спартак», Павел Трояновский смерил его взглядом с головы до ног и напомнил, что существует команда ЦДКА, Борис Горбатов сетовал, что в списках нет шахтерского «Стахановца», кто-то робко назвал «Зенит».

Так маленькая газета — бумага плохая, печать серая — постепенно приобщала нас к мирной жизни. Недаром Пьер де Кубертен, французский педагог, возродивший олимпийские игры, сказал:

— О спорт, ты — мир!

Прошло еще полчаса. Нас никуда не приглашают. Здорово хочется есть. Жалеем, что не успели пообедать в ресторане. Борис ворчит:

— Кейтеля, небось, кормят!

— Не завидуй, у него аппетита нет,— ответил кто-то.

Когда начало темнеть, мы вошли в холл училища. Толковали, толковали и никак не могли себе представить причин задержки. Цезарь Солодарь пробрался все же в какой-то буфет и принес один бутерброд с сыром для Всеволода Иванова. Тот был тронут и поделился с ним. Мы с завистью смотрели на них, но больше в буфет никого не впустили.

Я заглянул в зал: Кармен снимал Симонова на фоне столов и знамен, готовых к «особому мероприятию».

Время движется медленно. Кто-то видел, что Кейтеля, Штумпфа и Фридебурга перевели из их особняка в здание инженерного училища.

В 23 часа 45 минут в кабинете Жукова, который примыкал к большому залу, собрались представители советского и союзного командования. В зале все уже подготовлено к процедуре подписания акта, а нас пока не пускали.

Один из офицеров сказал нам:

— Войдете в зал после представителей немецкого командования. Но только тихо, без шума.

Тут-то и начался шум. Больше всех горячился Роман Кармен.

— Нам нужно снять для экрана и для газет как раз момент входа в зал представителей командования, и вообще нам нужно видеть и снимать все, так как сейчас будет происходить историческое событие, а не рядовое, как, может быть, кажется вам.

Сказано это было так решительно, что офицер уступил.

— Ну, раз так, то кинооператоры и фотокорреспонденты могут войти раньше.

Представителям прессы был выделен длинный стол напротив маленького столика, предназначенного для представителей немецкого командования. Мы вошли, когда наши командармы, комкоры, комдивы уже рассаживались за стол, параллельный нашему.

Я быстро переписал состав всего нашего корпуса, представленного в этом зале, в том порядке, в каком они сидели: Б. Горбатов, И. Золин, М. Брагин, Л. Кудреватых, М. Шалашников, А. Ерусалимский, М. Долгополов, Г. Пономарев, Е. Долматовский, Б. Афанасьев, К. Сухин, М. Мержанов, Л. Железнов, Р. Кармен, А. Андреев.

На противоположной стороне сидели Л. Высокоостровский, П. Трояновский, А. Кривицкий, К. Симонов, Л. Коробов, Л. Славин, Вс. Иванов, Я. Макаренко, Н. Ковалев, Ц. Солодарь, Н. Барышников, С. Шухмин.

В зале работали фотокорреспонденты Ф. Кислов, Г. Петрусов, Т. Мельник, Б. Пушкин, А. Морозов, М. Редкин, В. Темин, Я. Рюмкин, Г. Самсонов, А. Капустянский.

Все взволнованы. Хочется запечатлеть каждую минуту. Ведь этот зал, эти четыре флага на стене — символ боевого сотрудничества, эти минуты короткого, но преисполненного глубокого смысла заседания — все это отныне принадлежит истории.

Ровно в 24 часа в зал вошли Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, главный маршал британской авиации Артур Теддер, генерал Карл Спаатс, генерал Ж. Делатр де Тассиньи, А. Вышинский, В. Соколовский.

Г. К. Жуков занял председательское кресло. Справа от него сел Теддер, слева — Спаатс.

Г. К. Жуков поднялся, осмотрел зал, как бы проверяя, все ли на месте, и сказал:

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования.

Затем, обратившись в сторону, он добавил:

— Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Историческое заседание началось. Немного людей присутствовало тогда в зале. Немного слов произносилось на этом заседании. Но за этими словами — долгие годы войны.

Наступила минутная пауза, которая показалась слишком долгой. Все замерли, глядя на входную дверь. Туда же были направлены объективы киноаппаратов и «леек»; операторы и фотокорреспонденты не шевелились, не отрывали глаз от объективов,— не прозевать бы момент.

Наконец дверь открылась. Первым, не торопясь, глядя вниз, вошел фельдмаршал Кейтель, в парадном костюме, с железным крестом, висящим у самой шеи, в коричневых перчатках, с маршальским жезлом в руке. Словно он пришел на плац, где перед ним должны пройти войска церемониальным маршем, а не в зал, где вынужден подписать позорный акт. Но это внешняя бравада. На его лице красные пятна. Движением маршальского жезла он приветствует присутствующих, садится за стол и, не поворачиваясь,

отдает перчатку с правой руки застывшему за его спиной офицеру.

Вместе с Кейтелем вошли низкорослый, мрачный, ни на кого не глядящий генерал-полковник Штумпф и поникший и, как мне показалось, сконфуженный Фридебург. Они также усаживаются за стол: Штумпф справа, а Фридебург — слева от фельдмаршала.

Кейтель поднимает голову и смотрит на Жукова. Он видит его впервые. Жуков тоже впервые видит Кейтеля. Какое-то мгновение два полководца двух огромных армий молча смотрят друг на друга.

Нам хорошо виден Кейтель, каждое его движение.

Кейтель! Наиболее крупная «военная птица» фашистского вермахта. Уловив дух времени, робко сгибая спину, угодливо глядя в глаза Гитлеру, он вошел в высшие сферы государства. Его не случайно назвали «лакейтелем», у которого вместо белой салфетки всегда под рукой мягкий коричневый портфель.

Я вспоминаю, что происходит Кейтель из юнкерской помещичьей семьи. Военную службу начал в должности командира роты, затем батальона. Участвовал в первой мировой на русском театре военных действий. Никаких лавров и новых чинов война ему не принесла. Но с приходом к власти нацистов он вдруг неожиданно для всех стал подниматься по карьеристской лестнице с невероятной быстротой: майор, полковник, офицер генерального штаба, генерал, начальник штаба верховного командования вооруженных сил, а после «побед» в Австрии, Чехословакии, Польше, после церемониальных маршей через Голландию, Бельгию, Францию Кейтель получил маршальский жезл.

Генерал-провокатор участвовал во всех операциях. Это он угрожал канцлеру Австрии Шушнингу применением силы, и тот вынужден был в Оберзальцбурге в присутствии Гитлера подписать «соглашение». Это по его приказу фашистские войска без объявления войны захватили Моравску Остраву и Витковицы как раз в тот день, когда президент Чехословакии Гаха по вызову Гитлера прибыл в Берлин для переговоров.

Это он организовал нападение своих солдат, переодетых в форму польской армии, на немецкую радио-

станцию в Глейвитце, для того чтобы создать повод для перехода границы польского государства.

Он рос в глазах Гитлера как военный специалист, знающий свое дело, готовый на все, умеющий угадывать настроение, наконец, никогда не возражающий. Вместе с Гитлером он подписывал позорное для Франции перемирие. Немцы настояли на том, чтобы акт подписания происходил в Компьенском лесу, в том же месте и даже в том же вагоне, в котором 11 ноября 1918 года французский маршал Фош предъявил свои условия Германии.

Когда, обезумев от жажды власти, фашистские главари решили вероломно напасть на Советский Союз, они поручили начать нападение фельдмаршалу Кейтелю. Вот тогда-то он и проявил себя в полной мере. Он уже был не только воинским чином, но и оголтелым нацистом. Он вошел во вкус легких побед, покорения, оккупации, веселых маршей. Война полными пригоршнями сыпала ему высшие награды и дарила особняки и поместья. Он думал, что так будет и в России, а потому размахивал маршальским жезлом и подписывал приказ за приказом.

«...Первоочередной задачей основной массы пехотных дивизий является овладение Украиной, Крымом и территорией Российской Федерации до Дона. *Кейтель»;*

«Разгромить противника в районе между Смоленском и Москвой, захватить Москву. *Кейтель»;*

«Силы противника, все еще действующие в Эстонии, должны быть уничтожены. *Кейтель»;*

«Захватить Донецкий бассейн и промышленный район Харькова. *Кейтель»;*

«При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь для 50—100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие. *Кейтель»*.

Эти каннибальские приказы стали известны позже. А сейчас мы смотрим на этого человека, лицо кото-

рого покрыто пятнами, а глаза вопрошающе устремлены на Жукова.

Смотрим и мы — с глубоким уважением и гордостью — на этого прославленного советского маршала.

Мы знаем, что родился он в деревне Стрелковке Калужской губернии, в бедняцкой семье, в покосившемся старом домике. Получив грамоту, ушел в город, учился, прошел гражданскую войну, снова учился, командовал полком, дивизией, корпусом, командовал войсками на Халхин-Голе, которые вместе со славными сынами Монгольской Народной Республики разбили японские полчища. Когда началась Великая Отечественная война, Г. К. Жуков стал во главе фронтов, был представителем Ставки Верховного Главнокомандования на всех самых ответственных и тяжелых участках фронта.

Рядом с Жуковым сидят его товарищи по оружию, полководцы, вышедшие, как и он, из народа. Их войска громили гитлеровцев под Москвой, Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, на Украине, в Белоруссии, на Висле, Одере, в Берлине.

И вот встал крестьянский сын — Маршал Советского Союза и, глядя прямо в глаза юнкерскому сынку — фельдмаршалу фашистской Германии, сказал:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Теддер повторил вопрос на английском языке.

— Да, изучили и готовы подписать его,— сказал фельдмаршал, поправляя монокль, и передал в президиум документы, подписанные гросс-адмиралом Деницем, новым президентом Германии.

Я все записываю стенографически. На всю эту процедуру с момента входа нашей делегации в зал ушло 8 минут. Пошла *9-я минута 9 мая 1945 года.*

Маршал Жуков спрашивает:

— Готова ли делегация подписать акт?

— Готова,— отвечает фельдмаршал и вынимает из бокового кармана вечное перо.

10-я минута.

Председательствующий, обращаясь к Кейтелю, медленно, подчеркивая каждое слово, говорит:

— Я предлагаю подойти сюда,— он показал рукой на столик, приставленный к столу президиума.— Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Маршал довольно долго стоит в этой позе и это навсегда остается в моей памяти.

11-я минута.

Кейтель встает со стула, вернее вскакивает, берет со стола маршальский жезл и направляется к маленькому столику. Монокль падает, повисает на шнурке и раскачивается. За фельдмаршалом следуют два штабных офицера.

12-я минута.

Фельдмаршал садится за столик и вновь проделывает манипуляции с жезлом. Но бравады не получилось — движение вялое. Он кладет жезл на стол, слева от себя. Он нервно вставляет монокль и углубляется в чтение документа. Кругом абсолютная тишина. Слышно только стрекотание киноаппарата и щелкание «леек».

Журналистам разрешили подойти поближе, и мы торопливо, толкаясь, подходим к столику.

Нам хорошо видно, что Кейтель даже в эту позорную для него минуту старается быть театрально эффектным. Он долго читает акт безоговорочной капитуляции, каждое слово которого он давно и хорошо изучил.

На его жезле выгравировано: «Вильгельм Кейтель, генерал-фельдмаршал».

17-я минута.

Кейтель медленно подписывает пять экземпляров, каждый раз картинно отстраняясь на спинку кресла и ожидая, пока секретарь подставит новый экземпляр.

Подписаны все пять, начинающиеся словами: «Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе...»

Фельдмаршал встает, обводит взглядом зал, словно желая увидеть, какое впечатление произвела эта последняя в его жизни «операция». Ему нечего сказать, он ничего не ждет. Битый гитлеровец понимает, что это не Компьен. Компьена не будет. И Версаля

не будет. Фельдмаршал вынимает монокль и возвращается к своему месту за стол немецкой делегации. Слышно, как он четко отбивает шаг. Все с ненавистью глядят на него. В этом зале сейчас нет равнодушных людей, нет равнодушных и во всем человечестве, и тем более в нашей стране.

Здесь, в зале, незримо присутствуют все наши воины — от солдата до маршала, все герои, сложившие свои головы на родной земле и на Висле, Одере, Шпрее. Они вместе с живыми продиктовали свою волю побежденному.

22-я минута.

К столику медленно, шаркая штиблетами, подходит генерал-адмирал Фридебург. Он подавлен. Рука дрожит. В отличие от Кейтеля, никакой позы. Старается быстрее подписать документы, не поднимая головы. Адъютанты помогают ему встать со стула и провожают его.

27-я минута.

К столику идет краснощекий, толстый Штумпф. Лицо его пышет злобой. Он тоже старается ни на кого не смотреть. Но когда подписал последний документ, встал и поклонился в сторону победителей. Это было неожиданно и смешно.

Все это происходило при полном молчании. Слов уже не нужно.

30-я минута.

Документы приносят на стол, за которым сидят представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск. Маршал Жуков, надев очки в золотой оправе, подписывает экземпляры акта. Затем это же делает главный маршал авиации А. Теддер. Далее свои подписи ставят генералы Спаатс и Делатр де Тассиньи.

43-я минута.

Капитулянты внимательно следят за всем происходящим. Переговариваются. Жуков сообщает:

— Немецкая делегация может быть свободна.

44-я минута.

Фельдмаршал и генералы шумно поднимаются со стульев, кланяются и молча уходят вместе со своими офицерами.

В зале сразу стало оживленно. Жуков пожимает руки Теддеру, Спаатсу и другим генералам.

— Дорогие друзья,— сказал он, обращаясь ко всем находящимся в зале,— нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии, правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь!..

В 0.50 минут заседание закрылось. В холле столпились генералы.

— Ну, что теперь будем делать? — спрашивает кто-то, улыбаясь и утирая слезу.

— Не знаю, кто как, а я буду рыбу удить.

Дружный смех раздается под сводами.

Для нас началась горячка. Иван Золин из холла по ВЧ моментально соединяется с редакцией «Правды», сообщает новость о капитуляции и просит оставить четыреста строк, которые будут переданы через час.

— Что? Что? Почему?.. Что, завтра?..

Золин кладет трубку и печально сообщает:

— Материал нужно передавать завтра утром, он пойдет в номер на 10 мая вместе с важными правительственными документами.

Мы ничего не можем понять. Как же так, кончилась война, а мы еще сутки будем молчать?..

Но все так устали, что в душе, наверное, обрадовались такому ходу событий. Многие уехали в Штраусберг, остальные пошли на прием и банкет.

Б. Горбатов, Я. Макаренко, Л. Коробов, П. Трояновский, Л. Высокоостровский и я остались в холле, надеясь, что нас еще вызовут из Москвы. Но нас не вызывали. Золин снова позвонил в редакцию.

На сей раз к телефону подошел главный редактор Петр Николаевич Поспелов. Золин подробно рассказывает ему обстановку и кстати упоминает, что сегодня утром все крупные газеты мира опубликуют подробный отчет агентства Рейтер, а мы...

Золин к нам оборачивается и говорит:

— Петр Николаевич просит подождать...

Ждем минуту, две, три. Наконец Золин громко говорит «есть» и кладет трубку.

— Срочно в номер четыреста строк,— говорит он нам, и мы стремглав летим в зал узла связи и садимся за корреспонденцию «Капитуляция». «Срочно» всегда писать трудно, Горбатов нервничает. Я его успокаиваю:

— Сейчас не до художественных образов, пиши репортаж.

Мы разделили свои функции: я пишу первую часть — встреча на Темпельхофском аэродроме, дорога через Берлин в Карлсхорст, ожидание, а он начинает со слов: «В зал входит Маршал Советского Союза Жуков...» Как только листок написан, он передается телеграфистке, а затем Золин передает его по ВЧ — «чтобы перестраховать» возможную задержку на телеграфе. Ведь ночь сегодня, как и первомайская, тоже «особо важная».

Только в пятом часу мы закончили репортаж. Борис еще раз просмотрел его и буркнул: «Концовки нет». Взял ручку, дописал:

«Победа! Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют».

Так кончался наш последний военный репортаж...

Когда мы, совершенно обессилевшие, поднялись в холл, из банкетного зала вышли Симонов и Кривицкий. Они поспешили к машинам.

— Куда вы?

— Торопимся в Прагу...

Мы вошли в зал, когда Жуков медленно произносил речь, останавливаясь после каждой фразы, чтобы офицер перевел ее на английский язык, а Теддер и повеселевший Спаатс согласно кивали головами.

С удовольствием закусили остатками банкетной роскоши.

Но вот прием окончен. Жуков, Теддер, Спаатс и остальные члены делегации направляются к выходу. Здесь Жукова окружают иностранные корреспонденты и просят автограф. Маршал улыбаясь лезет за очками. Он роется в кармане, заглядывает в карман — очков нет. Все бросились искать: одни шарили в кресле — не завалились ли, другие под столом...

Наконец пришла догадка: жуковские очки исчезли как драгоценный сувенир. В эти минуты исчезало все — чернильницы, карандаши, ручки, которыми якобы подписывал капитуляцию Кейтель. Тем временем Жуков вынул из внутреннего кармана очки в оловянной оправе и хотел уже было поставить свою подпись на клочке бумаги, который ему протянул иностранный корреспондент с черной курчавой бородкой.

Маршал подозрительно посмотрел на этот клочок бумаги и дал рядом стоящему переводчику. Тот сказал:

— Это, товарищ маршал, неоплаченный счет на квартиру в Лондоне.

Жуков вернул клочок корреспонденту. Тогда тот, сконфуженный, быстро достал зелененькую бумажку доллара и протянул ее маршалу.

Образовалась очередь за автографом. Жуков терпеливо подписывал листки блокнотов, а затем, сказав «хватит», ушел. Так ранним утром девятого мая кончилось историческое «особое мероприятие».

Мы вышли на улицу. Никогда не забыть этого свежего майского утра. Кругом тишина. Никто не стреляет. Мир! Мы направляемся в Берлин, а затем в Штраусберг. Первые косые лучи солнца падают на разрушенные дома, улицы, уцелевшие деревья.

В центре на Александерплатц мы увидели обыкновенную кухонную двуколку. Из нее валил пар. Наш солдат в белом халате разливал украинский борщ в супники, чашки, миски, а другой раздавал большие ломти хлеба. Немецкие женщины, стоявшие в очереди, о чем-то переговаривались.

— Давай, давай,— кричали солдаты,— всем хватит, подходи живее! — И впервые мы увидели на лицах берлинцев улыбки.

Кончилась самая ужасная из всех когда-либо бывших войн. Штраусберг встретил нас новой, неорганизованной стрельбой — салютом. Но мы повалились в кровати и под автоматную пальбу уснули так крепко, как не спали давно.

Около трех часов ночи, пока мы еще писали свою последнюю корреспонденцию «Капитуляция», на Темпельхофский аэродром, впервые за шесть лет въехало несколько автомобилей с включенными фарами.

Из легковой машины вышел советский генерал и направился к самолету. Экипаж ждал этого приезда.

— Товарищи,— взволнованным голосом сказал генерал,— поздравляю вас с победой. Война кончилась, враг капитулировал. Члены экипажа переглянулись и бросились друг друга обнимать. У летчика Абдузамата Тайметова появились слезы.

Генерал продолжал:

— Незамедлительно возвращайтесь с этим пакетом. В нем находится документация о капитуляции...

Командир эскадрильи особого назначения Семенков принял драгоценный пакет и сказал:

— Будет исполнено, товарищ генерал.

На этот же самолет были погружены флаги, штандарты, знамена фашистских дивизий, разбитых под Берлином.

В четвертом часу утра 9 мая летчик Тайметов поднял в воздух самолет.

Опытный пилот ведет машину и видит в ночной тьме сверкающие полосы трассирующих пуль, залпы пулеметов, автоматов. Наши воины салютовали победе!

Но уже через час, кроме звезд, ничего не было видно. Тайметов вел машину по знакомой трассе. Больше ста раз он летал в этом направлении: сначала к партизанам, а затем в Варшаву и Берлин. Его самолет особого назначения за три года побывал над Северной Африкой и над Азией, над Южной и Западной Европой. По специальному заданию он приземлялся в Риме, Тегеране, Касабланке, Париже, Лондоне. А сейчас он выполняет первый мирный рейс, везет бесценный пакет — акт о капитуляции фашистской Германии.

В Москве его ждали. Семенков доложил о выполнении задания, и на аэродроме послышались радостные крики. Люди жали друг другу руки, обнимались...

В последних числах мая

Комкор анализирует.— Клименко допрашивает охранника из бункера.— Горбушин проводит опознание.— Во Фленсбург слетается фашистское воронье.— Советские солдаты задерживают военных преступников.— Еще один главарь рейха кончил жизнь самоубийством

10 мая я направился из Штраусберга в Берлин, чтобы повидаться с генералом Переверткиным.

Город оживал· Из-за железных оград пробивалась цветущая сирень. Трава лезла даже сквозь швы брусчатки. Природа как бы напоминала, что она существует и приветствует наступивший мир. О мире напоминали и песни, раздававшиеся то здесь, то там. Заметно повеселели и берлинцы. Они больше не ходят с опущенными головами, не слышат ужасного свиста бомб и разрывов снарядов. Они остались живы. Теперь и для них — голубое небо, цветы и песни.

В доме, где был расположен штаб корпуса, я застал только дежурного, который сообщил, что «штаб передислоцировался в Грос-Шенебек», в 40 километрах северо-западнее Берлина.

Это оказался тихий лесной район, в котором как-то укрылся от войны маленький городок, названный почему-то Грос-Шенебек. Именно здесь, в густом сосновом бору, и расположились части корпуса генерала Переверткина. Солдаты жили в палатках, разбросанных по всему лесу.

Подъезжая к городку, я увидел необычную картину. Люди то ли забыли об уставе внутренней службы, то ли от тоски по мирной хозяйственной жизни занимались... строительством. Сооружали нечто вроде изб и сарайчиков.

Один офицер в ответ на мое недоумение сказал:

— Пусть отведут душу... Ведь им домой хочется, а там у них, небось, все надо начинать заново...

Мы смотрели на этих молодых ребят, которые совсем недавно в огне и дыму сражались за рейхстаг,

а теперь не могли еще полностью привыкнуть к тишине, в которой такими беспокойными кажутся соловьиные трели.

Прекрасное, здоровое ощущение жизни, желание что-то созидать, загнанное войной в далекий угол, вновь заговорило в них.

На окраине города в красивом особняке дачного типа с деревянными украшениями в виде резных фигур птиц и зверей расположился командир корпуса Семен Никифорович Переверткин. Странно было видеть его в такой домашней обстановке. Он сидел на низкой тахте в синей пижаме, и глаза его светились радостью.

— Вот,— сказал он, подняв руку с конвертом,— свежая весточка из дома.

Тут же он прочел мне письмо жены. Анастасия Терентьевна рассказывала, как они, собравшись у приемника, слушали приказ Верховного Главнокомандующего о взятии Берлина и как среди героев, отличившихся в этой исторической операции, рядом с маршалами и генералами был назван Переверткин. «Что было, что было!» — улыбаясь, читал Семен Никифорович.

Мы пили кофе из маленьких синих чашечек, найденных в этом же доме. Переверткин неузнаваемо изменился. У него разгладились морщины, повеселели глаза. Даже движения, как мне показалось, стали более плавными. Он говорил о жене, дочке Ниночке, о друзьях, перечитывал письмо и улыбался. У него была особая улыбка. Кто-то сказал о ней: видна за версту.

Мы пытались вести беседу, далекую от войны, которая ушла от нас, как черный тяжелый дым уходил из купола горящего рейхстага. Но огромная карта Берлина, лежащая на четырехугольном раскладном столе, напоминала нам о недавнем.

— Что это вы, Семен Никифорович, опять сидите над картой?

Он улыбнулся.

— Анализирую... Откровенно говоря, мы еще толком не разобрались, какое мы совершили «воинское чудо». Историки будут копаться в этих вот картах, по и мы, пока живы, должны дать объяснение по каж-

дому штришку, нанесенному в горячие минуты боя. Вроде бы карта как карта, а ведь для меня это «говорящий инструмент», и я, глядя на нее, вспоминаю все до мельчайших подробностей и, главное, вижу свои ошибки.

Допоздна мы беседовали с Переверткиным, а затем я решил разыскать Ивана Исаевича Клименко, которого не видел уже неделю после того, как мы расстались в Плетцензейской тюрьме.

— А он здесь, неподалеку, в небольшом особнячке.

Клименко, несмотря на поздний час, рылся в бумагах. Вид у него был усталый. Его «война» еще не кончилась,— он разыскивал военных преступников.

Я сказал ему:

— Но теперь же все ясно. Гитлера не найдешь, его сожгли. Борман бежал, а Геббельса уже нашли...

— Нет, еще не все... Если сейчас не будем искать, потом будет поздно.

Бежали многие. Кроме Бормана, Наумана, Аксмана бежали Гиммлер на север, а Кальтенбруннер — на юг. Эти немного раньше. Они знали обстановку лучше других.

Обо всех делах, происходивших в Берлине и в бункере, Кальтенбруннер, начальник Главного управления безопасности и гестапо, был хорошо осведомлен. Он непрерывно менял свои конспиративные квартиры, но чаще всего бывал в австрийском Инсбруке, откуда шпионил за Вольфом в Швейцарии и за Шелленбергом, устремившим свои взоры на Швецию, за своим ближайшим помощником Мюллером, поведение которого в последние дни казалось ему подозрительным. Но больше всего его смущало исчезновение шефа Генриха Гиммлера.

После того как группа армий «Висла» под командованием Гиммлера потерпела сокрушительное поражение от советских войск в Померании и Гитлер резко изменил отношение к своему любимцу — «железному Генриху», Кальтенбруннер насторожился.

Главный палач рейха стал бояться всех, даже своих близких и, как ему казалось, преданных сотрудников. Но он продолжал верить «человеку со шрамом» — Отто Скорцени, который по поручению Гитлера удачно провел ряд смелых, дерзких международных акций и

диверсий, в том числе похищение и спасение Муссолини в горах Италии.

Эрнст Кальтенбруннер давно уже не мог спать без морфия. Нервное напряжение дошло до предела. Направив отряд стрелков «Эдельвейс» в альпийские горы, он решил вместе со Скорцени бежать туда же, чтобы затем добраться до «Альпийской крепости», на строительство которой он потратил много сил.

Уже после того как капитулировал берлинский гарнизон, о чем им в горах стало известно 3 мая, Кальтенбруннер и Скорцени пытались вывезти секретные документы, миллионы долларов и создать тайные склады оружия. Они также хотели сохранить своих агентов и наладить с ними постоянные контакты. Их надежды трещали по швам: в горах появилась американская разведка.

Кальтенбруннер, Скорцени и несколько стрелков из отряда «Эдельвейс» находились в горном селении Альтаусзее. Они работали над планом движения к «Альпийской крепости», когда неожиданно по радио получили от своего агента-эсэсовца Хунке сигнал «скрываться поодиночке».

Пришлось расстаться.

Теперь Кальтенбруннер имел новые документы на имя цивильного немца Артура Шандлера, а Скорцени стал лейтенантом Золяром.

Кальтенбруннер решил идти в горы, там передохнуть, а затем двинуться к крепости. На карте, которую шеф гестапо брал с собой, Скорцени крестиком обозначил домик лесника, где можно было остановиться.

После долгого отбора Скорцени представил своему шефу двух проводников из отряда «Эдельвейс».

— Надежные? — спросил шеф.

— Это мои личные проводники,— ответил Скорцени,— они знают каждую тропку.

Кальтенбруннер оделся в костюм альпийского пастуха и, прощаясь, сказал:

— Я ухожу один с проводниками. Даже при твоем приближении вынужден буду стрелять... И ушел.

Несмотря на май, пробудившуюся вдоль озерных берегов зелень, в горах падал снег. Кальтенбруннер шел в неизвестность. Перед ним маячили белые альпийские склоны, а на тропинке под ногами хрустел

снег. Один из проводников шел впереди, второй сзади. Сначала этот второй отставал на два-три шага, а затем расстояние увеличилось до 10—15 метров. Кальтенбруннер это заметил и просил проводника не отставать. Идти по заснеженной тропке в горы было все труднее и труднее. Однажды шеф увидел, как отставший проводник остановился у забора хижины и о чемто говорил со стариком.

— Эй, что там? — крикнул Кальтенбруннер.

— Хочу напиться...

И пошли дальше.

Снега становилось все больше. Встречный ветер усиливался, силы путников сдавали.

К вечеру, когда начало темнеть, нашли, наконец, отмеченный на карте домик лесника. Кальтенбруннер — Шандлер, смертельно усталый, повалился на диван и, не раздеваясь, мгновенно уснул.

Проводник, который все время отставал, тотчас же побежал по тропинке вниз, а спустя два часа домик оцепили американские разведчики. «Пастух» все понял и не отрицал, что он — Эрнст Кальтенбруннер.

Так Скорцени предал своего шефа.

Спустя несколько дней он сам был окружен и схвачен американскими солдатами и водворен в Дормштадтскую тюрьму, откуда, однако, при странных обстоятельствах бежал и по сей день находится на свободе.

...В первом часу ночи в кабинет Клименко вошел капитан Дерябин. Он сказал:

— Задержан важный немец. Может дать интересные показания о Гитлере. Со мной говорить не захотел, просит «старшего офицера».

— Давай его,— сказал Клименко и убрал со стола все бумаги.

Через минуту в комнату вошел высокий, широкоплечий молодой человек, одетый в узкий пиджак, в длинные военные брюки, большие сапоги. Он был небрит. Глаза его никак не выдавали волнения.

Подполковник Клименко начал допрос, который я тогда записал довольно подробно. Вот он.

— Я Гарри Мюнгерхаузен. Мне тридцать лет. Полицейский, окончил две специальные школы. Служил в частях СС.

· Где вы служили в последнее время?
— С десятого по тридцатое апреля я проходил службу в должности командира отделения в имперской канцелярии.
— Что вы знаете о смерти Гитлера? — спросил Клименко.
— Примерно от трех до четырех часов я патрулировал в имперской канцелярии. Ходил по коридору от рабочей комнаты канцлера до «голубой столовой». Выходная дверь и окно столовой были серьезно повреждены от бомбежек и артиллерийского огня. Я подошел к первому окну и начал наблюдать за садом. Вдруг я увидел, как Гюнше и Ланге вынесли труп фюрера. За ними кто-то нес труп женщины. Она была в черном платье.
Немец замолчал. Затем он, услышав шаги за стеной, испуганно оглянулся.
— Продолжайте,— сказал Клименко.
— Вся эта история заинтересовала меня,— сказал Мюнгерхаузен,— расстояние от «голубой столовой» до выхода из бункера фюрера было около 60 метров. Я начал внимательно следить.
— Что же вы увидели?
— Адъютант Гюнше полил мертвых бензином, а кто-то поджег. Вспыхнул костер. В течение получаса они горели, а потом стали затухать, тогда еще подлили бензина. Около пяти часов вечера пришли два офицера в форме СС, перенесли мертвых в воронку и закопали. Я это видел.
— По каким признакам вы опознали Гитлера?
— По форме. В ней я видел его не раз. Такой формы ни у кого не было.
— Какой?
— Светло-бежевый пиджак полувоенной формы или, скорее всего, френч и черные брюки.
— А френч такой? — спросил Клименко, показывая на соседний стул, на спинке которого повис светлый френч, доставленный разведчиками из бункера.
— Да, такой,— сказал пленный и на ощупь проверил материал.

Когда закончился допрос, мы только могли догадываться, что пленный эсэсовец чего-то недоговаривает. Но позже узнали, что одним из двух «офицеров в

форме СС», которые закапывали мертвых, был он сам.

Скрыл он и то, что после погребения проник в бункер и снял с френча Гитлера золотой фашистский значок, видимо из расчета на хороший бизнес. Не с того ли, который висел на стуле в комнате Клименко?

Было далеко за полночь. Я вернулся на дачу к Переверткину, где мне был приготовлен ночлег.

Утром я узнал, что Клименко со своей группой и с охранником из бункера направился в Берлин, в имперскую канцелярию, и понял, что проспал. А может быть, Клименко не хотел иметь лишних свидетелей, да еще с блокнотом и пером? Не знаю.

Позже, от Клименко же, я узнал, что охранник «на местности» показал им, где были сожжены трупы, где их закапали, повел в «голубую столовую», из которой действительно хорошо просматривались эти места.

Убедившись, что найденные солдатом Иваном Чураковым трупы принадлежат Гитлеру и Браун и составив соответствующий акт, разведчики передали трупы медицинским экспертам. Анатомирование происходило под руководством старшего судебно-медицинского эксперта фронта подполковника Ф. Шкаравского. В заключении было отмечено: «Основной анатомической находкой, которая может быть использована для идентификации личности, являются челюсти с большим количеством искусственных мостиков, зубов, коронок и пломб».

Полковник В. Горбушин и переводчица (ныне писательница) Елена Ржевская нашли в Берлине дантистов, которые помогли опознать челюсти Гитлера и Евы Браун. Мне довелось присутствовать при допросе дантистов.

Расследование закончилось; было доказано, что осмотренные челюсти принадлежат Гитлеру и Еве Браун...

Берлин оживал. Народ радовался миру. А преступники, виновные в злодеяниях, пытались замести следы.

Гросс-адмирал Дениц, который, согласно предсмертному политическому завещанию Гитлера, был назначен президентом Германии и верховным главно-

командующим, находился в городе Фленсбурге близ датской границы и считал себя законным главой государства. Тут же Кейтель, Фридебург, Штумпф, «министры» правительства Деница, высшие правительственные и военные чиновники. Словно капитуляция Германии, подписанная на днях в Карлсхорсте, их не касалась.

Прибывшие во Фленсбург советские представители контрольной комиссии во главе с генералом Н. Трусовым были поражены, увидев флаги с фашистской свастикой, немецких солдат, маршировавших по улице, танки, пушки, а в Датском заливе военные корабли и подводные лодки. Оказывается, новый президент занял свою «генеральную позицию», главный смысл которой заключался в том, чтобы отделить военное поражение вооруженных сил и их капитуляцию от «новой» Германии, она-де не обязана отвечать за грехи нацистской партии и бездарных генералов.

С этими пропагандистскими «бомбами» он выступал по радио, давал интервью журналистам, главным образом английских агентств и органов печати, всячески пытался доказать руководителям контрольной комиссии союзников, что его позиция единственно правильная.

Для того чтобы подтвердить тезис о бездарности немецких генералов, Дениц снял с поста руководителя объединенного командования вермахта фельдмаршала Кейтеля и заменил его... генералом Йодлем.

Все это находилось в полном противоречии с актом капитуляции, где ясно было записано:

«В случае если немецкое верховное командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми...»

Но американский генерал Рукс и английский генерал Форд не торопились. Это было на руку Деницу.

В это время И. В. Сталин в Москве сказал маршалу Г. К. Жукову: «В то время как мы всех солдат

и офицеров немецкой армии разоружили и направили в лагеря для военнопленных, англичане сохраняют немецкие войска в полной боевой готовности и устанавливают с ними сотрудничество. До сих пор штабы немецких войск во главе с их бывшими командующими пользуются полной свободой и по указанию Монтгомери собирают и приводят в порядок оружие и боевую технику своих войск.

— Я думаю,— продолжал Верховный,— англичане стремятся сохранить немецкие войска, чтобы использовать позже. А это — прямое нарушение договоренности между главами правительств о немедленном роспуске немецких войск» [1].

Советские представители во Фленсбурге потребовали немедленно завершить полную ликвидацию фашистского государственного аппарата.

— Мы расположились,— рассказывал мне через двадцать лет Горбушин,— на пассажирском пароходе «Патрия». Это большой комфортабельный немецкий пароход, который курсирует теперь между Одессой и Батуми (под названием «Россия»). Англо-американская комиссия тоже размещалась на «Патрии» и долгое время вела закулисную борьбу и оттягивала арест руководителей нового рейха. Они ссылались то на недостаточное количество войск для проведения этой операции, то на отсутствие ответа от своих высокопоставленных чиновников, словом, пытались «заморозить» свои наладившиеся отношения с Деницем.

Только 23 мая после нескольких настоятельных требований советских представителей в один день были арестованы 300 генералов и высших офицеров фашистской армии. Некоторых из них привезли сначала на «Патрию», а остальных — прямо в тюрьму в Бад-Мандорфе.

— Накануне,— рассказывает Горбушин,— всем офицерам нашей контрольной комиссии было объявлено союзниками, что 23 мая ими будет проведена операция по аресту военных преступников, а потому они запрещали нам сходить с парохода «во избежание возможных инцидентов». Несмотря на этот запрет, мы вместе с подполковником Иевлевым по за-

[1] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, т. 2, стр. 399.

пасному выходу сошли с трапа и на «джипе» выехали в город. Проезжая мимо стадиона, мы увидели около 5 тысяч уже обезоруженных солдат под охраной английских войск. На всех перекрестках улиц были выставлены пулеметные расчеты. Все дороги из города перекрыты. Фашистские флаги исчезли, появились белые.

Беспрепятственно мы прошли в штаб Объединенного командования вермахта — в резиденцию Деница, где я взял его портфель, набитый документами. Там было обнаружено завещание Гитлера и много других оперативно важных документов.

Так кончило существование незаконное правительство гросс-адмирала Деница.

23 мая некоторых арестованных привезли на «Патрию». Среди них находился генерал-адмирал Фридебург. В тот же день он отравился.

На следующий день англичане информировали генерала Трусова, что в городе Люнебурге (южнее Гамбурга) покончил жизнь самоубийством еще один из руководителей третьего рейха, и рекомендовали направить наших офицеров, чтобы убедиться в достоверности сообщения.

Полковнику Горбушину предстояло ехать в город Динст (Бельгия), куда союзники поспешили отправить важные документы, касающиеся Советской Армии; поэтому ему поручили заехать и в Люнебург.

25 мая полковник Горбушин и подполковник Иевлев выехали на запад.

Местечко Мейнштедт, близ Люнебурга, было расположено перед большим густым лесом, который тянулся на десятки километров. Он остался цел и невредим: по его дорогам не проходили ни танки, ни самоходки, не громыхали лафеты пушек, а отдаленный грохот войны только эхом отдавался в лесу и терялся где-то в верхушках высоких сосен. Именно поэтому английская караульная служба не придавала большого значения этому лесу, но дорога, которая шла к Мейнштедту, патрулировалась.

Среди английских солдат комендантской команды находилось несколько советских военнопленных, уже освобожденных, но в ожидании отправки на родину пожелавших нести службу наравне с англичанами.

В западной печати, особенно в английской, несколько раз появлялись статьи и репортажи, подробно описывающие последние дни главарей рейха и обстоятельства их ареста. В данном случае они сознательно не называли имена советских солдат, приписывая доблесть поимки военных преступников английскому патрулю. Вот почему хочется более подробно рассказать об этой операции.

Василий Губарев из Рязанской области и Иван Сидоров из Саратовской области вместе с несколькими английскими солдатами 21 мая утром вышли на патрулирование дороги, ведущей в лес. Вооруженные автоматами, они почти целый день прохаживались от Мейнштедта до леса и обратно; только в полдень зашли в комендатуру, чтобы пообедать.

В 19 часов Губарев и Сидоров могли уже закончить патрулирование. Но Губарев все же спросил английского капрала: «Когда уедем в лагерь?» И тот ответил: «Через час. Если хотите, отдыхайте».

Англичане сели пить кофе, а советские солдаты решили и этот оставшийся час провести на дороге.

Уже темнело, и нужно было очень внимательно патрулировать.

Что было дальше, рассказывает Василий Губарев.

— В пятистах метрах от дороги из леса, крадучись, вышли три немца. Мы их заметили и пошли за ними. Немцы нас вначале не видели. Мы пустились за ними. Не доходя метров 200, крикнули: «Остановитесь». Но неизвестные не остановились. Тогда я дал предупредительный выстрел. Один остановился, а двое других продолжали идти вперед. Мы оба резко крикнули: «хальт», взяли автоматы наизготовку и заставили остановиться всех троих. Вышли к ним на дорогу и спросили: «Солдаты?» Один ответил: «Да». На наш вопрос, есть ли документы, один из задержанных ответил: «Есть».

Задержанные были одеты в офицерские плащи, обуты в сапоги, а на одном из немцев были гражданские ботинки и шляпа. Левый глаз его был закрыт черной повязкой. В руке он держал палку. В его воинском билете значилось: фельдфебель Генрих Хитцингер. Фальшивомонетчик Отто Скорцени еще в Берлине выправил этот документ для шефа.

Мы повели задержанных в деревню и сдали английским солдатам. Трое немцев доказывали англичанам, что они идут из госпиталя и что у одного болит нога и глаз.

Английские патрули хотели отпустить задержанных, но мы настояли на том, чтобы не отпускать их, а отвести в лагерь. Я и Сидоров вместе с двумя английскими солдатами поехали сопровождать задержанных, а четверо англичан из патруля остались в деревне. В лагере нас встретил английский офицер-переводчик, принял от нас арестованных и отправил их на гауптвахту. Мы, конечно, не знали, кого мы задержали, и узнали об этом через несколько дней от переводчика.

Трое задержанных были доставлены в лагерь 619. Задержанных обыскали, отобрали часы, компасы и карты.

Два дня никто их не беспокоил и на допросы не вызывал. Наконец 24 мая один из немцев, глаз которого был закрыт черной повязкой, сообщил дежурному офицеру лагеря:

— Я Генрих Гиммлер!

Тот посмотрел на него удивленно и сказал:

— Вы сумасшедший, а не Гиммлер.

Но Гиммлер продолжал убеждать, что он и есть тот самый рейхсминистр, руководитель войск СС, командовавший группой армий «Висла», что он после неудачных переговоров с графом Бернадоттом и отказа союзников иметь с ним дело понял, что ему в бункер возвращаться нельзя, так как он в «черных списках предателей», а поэтому решительно направился во Фленсбург, к Деницу, рассчитывая на старые связи и на его «милость». Но того явно не устраивала в новом правительстве фигура известного всему миру палача, и он постепенно отстранил Гиммлера. Последняя надежда лопнула. Именно после этого военный преступник, переодевшись в штатское платье, завязав себе один глаз, отправился в сопровождении двух своих адъютантов бродить по Северной Германии. Он останавливался в населенных пунктах, в «душевной беседе» сообщал немцам, что им грозит смерть от наступающих большевиков, и продолжал свой путь дальше.

Так он гулял две недели.

Гиммлер настаивает, чтобы его отвезли к английскому майору службы государственной безопасности. И его наконец везут.

У этого майора была так называемая «розыскная карточка» на Гиммлера, в которой значились все биографические данные, описание примет и даже номера партийных и эсэсовских билетов. С поразительной точностью все данные сошлись.

Теперь уже не было никакого сомнения в том, что один из трех немцев был Генрих Гиммлер. На допросе у полковника английской службы Гиммлер отравился, раздавив зубами ампулу цианистого калия, спрятанную за щекой.

В его одежде были найдены еще три ампулы яда.

— Когда я,— рассказывает В. И. Горбушин,— в сопровождении английских офицеров вошел в помещение, на первом этаже на полу лежал труп Гиммлера. Он похож на все свои портреты.

Всех арестованных главных военных преступников перевезли в Нюрнберг и там судили.

Так закончили свою преступную жизнь люди, пытавшиеся поставить на колени чуть ли не весь мир.

Спустя четверть века

Снова в Берлине.— Цветы на Кенигсплатц.— Тракторы на Зееловских высотах.— Хозяева земли.— В Потсдаме.— Там, где подписывали акт капитуляции.— Шествие к памятнику в Трептов-парке.— Комдив Шишков на электростанции Клинкенберг.— Жители Узедома клянутся...— Обнажив голову, вспоминаю

Весной 1970 года группа бывших военных корреспондентов была приглашена в Германскую Демократическую Республику в связи с 25-летием победы над фашизмом. В этой группе был и я. Мне довелось быть в Берлине сравнительно незадолго до этого. Но поездка с бывшими военными корреспондентами обогащала многие впечатления воспоминаниями о минувшем. Двадцать пять лет — много для человеческой жизни и мало для истории. Но когда видишь Германскую Демократическую Республику, понимаешь, что четверть века и для ее истории большой срок. Все здесь новое.

За три года до этого я посетил Западный Берлин, побывал на Кенигсплатц. Площадь превратилась в зеленую лужайку, на которой растут нежные цветы, а Шпрее, у моста Мольтке кипевшая от пуль, течет спокойно и кажется теперь не такой уж широкой. По ней плывет лодочка, на берегу приютился небольшой домик, садик с цветами, а неподалеку сидит терпеливый рыболов. Мир и благодать, словно бы и не было ни войны, ни фашизма.

Совсем неузнаваем рейхстаг. Мы помним его дымившимся, не остывшим от недавнего боя. Теперь у здания совсем иной облик. Видимо, много пришлось поработать строителям, чтобы содрать верхний слой камня, опаленного огнем, израненного пулями и снарядами, расписанного автографами наших солдат.

Две каменные плиты, содранные со стен рейхстага, привезены из Берлина и находятся сейчас в Центральном музее Вооруженных Сил. На одной из них крат-

кая, полная глубокого смысла надпись: «Сержант Синев дошел до Берлина». Но некоторые раны на теле рейхстага были так глубоки, что строители, как хирурги, очищали их, обмывали и ставили заплату — каменную пластину...

Теперь гостеприимные хозяева ГДР предоставили нам возможность побывать на Зееловских высотах, в Карлсхорсте, Потсдаме, Заксенхаузене, Ростоке и даже на острове Узедом, расположенном на самом севере республики.

Каждое посещение этих исторических мест протягивало нити к прошлому, и память услужливо воскрешала картины тех далеких, но незабываемых дней.

Мы видели новую жизнь на местах, обильно политых кровью, новые заводы, верфи, порты, новые города, новые улицы в старых разрушенных городах, музеи. Мы видели новых людей.

Зееловские высоты. По дороге к ним каждый городок и даже маленький населенный пункт говорит о прошлом и в свое время не раз упоминался в военных приказах и донесениях. Людям, бывшим четверть века назад в районе боев на приодерских плацдармах, знакомы не только города и села, но и каждая высотка, холм, дорога. Вот и сейчас они открываются перед нами, но уже в мирном своем ландшафте. Вот новый, чистенький Мюнхеберг, в котором только разбитый снарядами костел напоминает о войне.

Всю дорогу наши воспоминания корректируются картинами новой жизни, в которой война хотя и не забыта, но ушла в давние времена и покрыта пеленой истории. Время отретушировало внешний облик района, а потому я стараюсь не пропустить ни одной приметы нового. Мы проезжаем поле, где шли бои, где стояли надолбы, горели танки, умирали люди, здесь сейчас множество веселых, раскрашенных в пестрые цвета домиков и обильная поросль молодых садов. Помнится, и тогда здесь цвели сады. Но сколько их погибло под гусеницами танков!..

Машина идет вдоль полотна железной дороги, мелькают вагоны, на платформах которых большие тракторы, окрашенные в желтый цвет. «Кировец»,— читаем мы. Да, теперь к Зееловским высотам идут не танки, а самая мирная продукция.

Во вновь отстроенном городе Зеелове нам несколько раз попадались надписи на стенах домов: «18.4.45 здесь прозвучали последние выстрелы...»

Город удобно укрыт на склоне высоты. Гряду за грядой встречали тогда наши штурмующие войска. На одной из них, под сенью молодых березок и кленов, стоит великолепный памятник, исполненный скульптором Кербелем: на груде камней стоит автоматчик, опираясь на танк. На камне высечено: «1941—1945. Вечная слава героям...»

Сотни людей стоят здесь, склонив головы. Ветер с Одера шумит в молодой листве. У подножия памятника — цветы. В эти дни их несут сюда рабочие, крестьяне, студенты, школьники, воины. Был недавно и полковник Д. Шишков, дивизия которого сражалась здесь в те памятные дни.

На одном из венков — надпись: «От делегации немецкой рабочей молодежи из района Южный Гессен (ФРГ)».

Перед памятником на большой поляне — могилы. Надписи гласят:

Сержант Д. Д. ПТИЦА — 1925—1945
Сержант Н. ЧЕРНИКОВ — 1925—1945
Ефрейтор С. Г. ПУЗЫРНОЙ — 1908—1945
Стар. сержант Г. Д. ЧАЙКА — погиб в 1945 г.
Гв. полковник А. Ф. ЧЕРНЫХ — 1913—1945

Могил много. Среди них полковник Шишков нашел могилы трех своих воинов. Он долго стоял у их надгробья.

Секретарь Зееловского райкома партии Ганс Иохим Шрейдер предложил нам поехать в горы, где был расположен наблюдательный пункт маршала Г. Жукова и генерала В. Чуйкова.

В деревне Хотенов наша машина свернула влево и оказалась у местечка Райтван. Перед нами открылся горный пейзаж. На серо-зеленом фоне особенно ярко выделялась красная кирпичная кирха. Мы подъехали вплотную к подножию горы и, оставив машину у ложбины, начали подниматься вверх. Всюду еще сохранились (через 25 лет!) вырытые на склонах окопы, блин-

дажи, ходы сообщения. Их много. Они указывали нам путь к вершине. На крутом подъеме можно было встретить гильзы от снарядов, и ржавые осколки, и обломки прогнивших срубов (видимо, остатки блиндажа), и даже вырезанные когда-то ножичком (а может быть, тесаком) инициалы чьих-то имен и фамилий, теперь расплывшиеся и потрескавшиеся. Наконец мы добрались до глубокой выемки в горе. Здесь и был знаменитый блиндаж.

Вот сюда в три часа ночи 16 апреля прибыли маршал Жуков и член Военного совета фронта генерал Телегин. Георгий Константинович рассказывает об этих полных напряжения часах в своей книге «Воспоминания и размышления»:

«Артподготовка была назначена на пять часов утра. Часовые стрелки, как никогда, медленно двигались по кругу. Чтобы заполнить как-то оставшиеся 15 минут, все мы решили выпить по стакану горячего крепкого чаю, который тут же, в землянке, приготовила девушка. Помнится, ее почему-то называли нерусским именем Марго. Пили чай молча, каждый был занят своими мыслями. Ровно за три минуты до начала артподготовки все мы вышли из землянки и заняли свои места на наблюдательном пункте... Я взглянул на часы: было ровно пять утра. И тотчас же от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных «катюш» ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывных снарядов, мин и авиационных бомб...»

Да, это было именно здесь, на этой горе.

Мы молча стоим, вспоминаем — каждый свое. Иван Золин и Павел Трояновский, которые были в те ночные часы здесь, у блиндажа, нарушают молчание и начинают вспоминать вслух...

В увлекательной, а для нас весьма познавательной беседе, которая состоялась в Зееловском райкоме партии, мы узнали много нового о преобразовании этих мест. Зееловский сельскохозяйственный район без преувеличения можно назвать цветущим. Он полностью кооперирован. Передовое хозяйство в Гольцове, например, одно из самых богатых в округе. Крестьяне живут хорошо.

Здесь наглядно можно было увидеть, как на землях, еще недавно принадлежавших помещикам, живут и трудятся настоящие их хозяева. Они учатся, получают дипломы агрономов и инженеров, управляют своими кооперативами. Труд в кооперативах почти полностью механизирован.

...На следующий день мы в Потсдаме, в знаменитом Цицилианхофе, где происходила послевоенная конференция держав антигитлеровской коалиции. Из его окон открывается красивый вид на озеро Юнгферн, через которое на лодках «амфибиях» в апреле 1945 года переплывала дивизия генерала Выдригана.

Наш гид хорошо знает историю войны, подробно рассказывает нам, как проходила конференция. Вот круглый стол, за которым сидели делегации, кресла глав государств: «Вот тут сидел Черчилль, а потом его сменил Этли...» Показывала редкие фотографии, документы. Не забыт и маленький балкончик верхнего этажа — антресоли, на котором уместилась вся «международная пресса», в том числе и Джон Кеннеди, будущий президент США. Он представлял крупную американскую газету.

В комнатах американской делегации висят на стенах планы расчленения Германии, аккуратно застекленные и взятые в белые рамочки. Были и другие подобные планы. Советская делегация отклонила их.

Потсдамская конференция приняла решение о единой Германии на демократических основах. Нам приятно слышать слова:

— Именно благодаря позиции Советского Союза, в частности благодаря настойчивости Сталина, было выражено решение о единстве Германии.

Павел Трояновский знает в Потсдаме каждую улицу, многие дома, дворцы и кирхи.

Он показывает нам старую так называемую гарнизонную церковь, где похоронены прусские короли и династические особы. Здесь Гитлер фиглярничал, произнося клятву у гроба Фридриха Великого...

А вот и Карлсхорст. Тихий зеленый городок. Здесь был подписан акт капитуляции Германии. Вспоминается все до мельчайшей детали. Теперь в этом здании великолепный музей, созданный несколько лет назад. В музее мы увидели большую рельефную карту-макет

Берлина, с лампочками, загорающимися в нужную для рассказчика минуту. По этой карте-макету можно легко проследить за всем ходом Берлинской операции.

В залах музея — фотографии героев последнего штурма, картины, скульптуры. Мне очень понравился скульптурный портрет генерала Переверткина. Я пристально всматриваюсь в него, и мне кажется, что Семен Никифорович, прищурив глаз, слегка улыбается — так, как он улыбался, когда немножко хитрил с нами, не желая раскрыть нам все карты.

Побывали мы, разумеется, в зале, в котором подписывался акт о капитуляции Германии. В нем все так, как было. Только стало чище, паркет натерт до ослепительного блеска, зеленые скатерти на столах, явно «не бывшие в употреблении», отполированные кресла... Словом, наведен музейный глянец. А вот и то, чего не было,— золотыми буквами во всю стену воспроизведен приказ Верховного Главнокомандующего: «Войска 1-го Белорусского фронта... при содействии войск 1-го Украинского фронта... штурмом овладели столицей фашистской Германии — Берлином...»

В заключение нам показывают документальный фильм о подписании акта капитуляции, и мы вновь переживаем те незабываемые 45 минут, свидетелями которых были в ночь на 9 мая в Карлсхорсте. Время, которое легло между виденным и теперь повторенным на экране, отложило свой отпечаток. Вся картина подписания акта, поведение капитулянтов, величественный жест маршала Жукова, суета фотокорреспондентов и кинооператоров воспринимались по-особому, иначе, чем тогда, в горячке бурлящих событиями минут.

Спасибо кинооператорам, которые уберегли эту правду на пленке!

Мы покидали музей обогащенными, хотя все, что мы видели, и все, о чем слышали, нам было известно и памятно.

Дальше путь наш лежал через Трептов-парк, мимо знаменитого памятника Неизвестному советскому солдату, спасшему в огне боя маленькую немецкую девочку.

В эти дни к памятнику, созданному скульптором Е. Вучетичем, настоящее паломничество. Десятки ты-

сяч молодых и пожилых берлинцев посещают парк. Многие идут группами, со знаменами, венками. Кто знает, может быть, среди пришедших сюда и та девочка, которая доверчиво прижалась к своему спасителю в изображении ваятеля? Теперь ей уже больше двадцати пяти лет. Кто она? Где работает? А может быть, воспитывает такую же маленькую девочку, какую держит в мужественных руках советский солдат? Пусть она никогда не узнает того, что пришлось пережить ее матери. Я вглядываюсь в счастливые лица молодых женщин и думаю, что каждая из них была спасена советским солдатом.

...Проезжаем мимо электростанции Клинкенберг, которую спасли от взрыва подразделения дивизии полковника Д. Шишкова. Она работает во всю мощь. Шишков недавно побывал и здесь. Осмотрел всю территорию предприятия, подступы к нему со стороны Шпрее, зашел в машинный зал, где в апреле сорок пятого встретился с антифашистом Альфредом Вюлле. А вот и он. Оба постарели на двадцать пять лет, но легко узнали друг друга. Альфред водил Даниила Шишкова по всей станции, с гордостью показывал новое оборудование, знакомил с молодыми рабочими.

...Дальнейший наш путь лежал в Росток. Мы проехали Ораниенбург, где армейская группа генерала Штейнера пыталась остановить наши части, наступавшие на Берлин. Посетили Заксенхаузен — черный лагерь, в котором погибли тысячи наших пленных солдат...

Росток — большой старинный город, расположенный в устье реки Варнов, в окружении типичных северных озер.

Когда-то, еще во времена Ганзы, город быстро развивался и строился, а затем сник, подавленный такими крупными торговыми и портовыми центрами, как Гамбург и Штеттин. О старине живо напоминают высокие соборы, шпили которых скрываются в облаках, и двухэтажные домики, построенные еще в эпоху Возрождения.

Ныне значение Ростока неимоверно возросло. Этот крупный порт ГДР растет с небывалой быстротой. В нем много зданий современной архитектуры из бетона, стекла и алюминия.

...Из Ростока мы поехали на остров Узедом, где в свое время были расположены ракетные полигоны и где Вернер фон Браун испытывал свои самолеты-ракеты.

Дорога лежала вдоль больших заливов и старых сосновых лесов. На нашем пути встретился тихий сохранившийся городок Грейсен. У нас его хорошо знают по многосерийному фильму, рассказывающему о том, как комендант этого городка без боя сдал город командиру нашей 46-й дивизии генералу С. Борщову.

В Узедоме мы присутствовали на открытии памятника погибшим узникам местных лагерей в Пенемюнде. Молодые жители острова клялись у чаши с Вечным огнем чтить память героев и всегда быть бдительными. Запомнился нам рассказ старого рабочего Карла Киеслинга о своей судьбе. В первую мировую войну он попал в плен и долгое время находился в России под Петроградом, а в дни Октября вместе с питерскими рабочими ходил на штурм Зимнего дворца. Вернувшись на родину, он стал активным революционером, а в годы фашизма угодил в тюрьму и сидел в лагере Пенемюнде...

Будучи на каторжных работах, он видел, с какой интенсивностью проводились испытания самолетов-ракет. Сюда, на остров, приезжали фон Браун, Гиммлер, Кальтенбруннер, Геринг. В последний раз Киеслинг видел Геринга в феврале 1945 года, когда тот появился на острове после чрезвычайного происшествия.

— Какого?

— Я видел, как русский летчик Девятаев и его друзья с удивительной быстротой впрыгнули в самолет «Хейнкель-111», только что покинутый немецкими пилотами... Я отошел в лесок и оттуда следил за этим смелым поступком, равным подвигу. Летчик включил моторы, самолет поднялся над землей, но, пролетев несколько метров, опустился; затем вновь поднялся и вновь сел. Только в третий раз он начал набирать высоту и пошел над морем на восток. Тогда до линии фронта в Польше было недалеко.

Оказывается, Девятаев на своем пути встретил немецкий самолет, который возвращался с разведки. Прилетев на остров, летчик-разведчик, как обычно, доложил о своих наземных наблюдениях — о танковых

колоннах, о передвижении войск, о переправах через реки. Сообщил он, конечно, и о том, что встретил летящий на восток «Хейнкель-111».

Поднялась паника, все бросились к стартовой площадке и... обнаружили пропажу. Погоня никаких результатов не дала. А вскоре на остров прилетел Геринг с целой свитой карателей...

Немецкий народ не забыл ничего из пережитого. Старые борцы не стареют душой. Они учат молодежь мужеству. Они учат их быть бдительными. Фашизм разгромлен, но он не добит. В Западном Берлине открылись двери тюрьмы Шпандау. Толпа молодых и пожилых неофашистов приветствовала Альберта Шпеера и Бальдура фон Шираха. Молодчики горланили: «Мы будем маршировать, и пусть все разлетится в клочья». Так заклинали фашисты и в начале тридцатых годов. Теперь они приветствовали «великомучеников» и скандировали: «Свободу Гессу», который, как известно, приговорен Международным трибуналом к пожизненному тюремному заключению.

На свободе оказались и фельдмаршал Шернер, не подчинившийся акту капитуляции, генералы Хойзингер, Венк, Мантейфель, Манштейн, начальник имперской канцелярии Гитлера Ламмерс, министр финансов граф Шверин фон Крозик, министр вооружений Зауэр и... тысячи военных преступников спокойно живут в ФРГ.

На мой вопрос: «Окончательно ли вы отошли от политической жизни?» — Аксман ответил «да». Но это была неправда. Известно, что один из его соратников, министр пропаганды доктор Науман, уже через пять лет после войны появился в Дюссельдорфе под своим именем. В то же время оживилась деятельность различных групп гитлеровцев. Их сборища стали обычным явлением. На них стал появляться «человек со шрамом» Скорцени, эсэсовские генералы. На тайном съезде нацистов в Дюссельдорфе собрались гаулейтеры крупных городов, битые генералы, чиновники, в том числе бывший начальник отдела печати геббельсовского министерства пропаганды Дитрих. Был среди них и Артур Аксман.

О чем они говорили на тайном (и тайном ли?) съезде? Доктор Науман в докладе «Новые политиче-

ские партин в Западной Германии» утверждал: «Мы всегда стояли за третий рейх н будем стоять за него и впредь... Давайте работать неустанно, изо дня в день. Объединимся теснее, чем когда-либо раньше, создаднм тайное общество... и станем снлой, которая сначала останется на заднем плане, но в один прекрасный день выступит совершенно открыто... Время открыть карты еще не прншло».

Конечно, они понимают, что сейчас нельзя уже применить старые, дискредитированные формы борьбы за реставрацию фашизма. Они понимают, что газовые камеры вышли из моды.

Снлам реваншизма протнвостоят прогресснвные силы ФРГ. Важное значение для разрядки напряженности в Европе имеют договоры, заключенные между СССР н ФРГ, между Польской Народной Республнкой и ФРГ. Крупным шагом на пути обеспечения мнра и безопасностн служит четырехстороннее соглашение по Западному Берлнну.

...Я иду по бывшей улнце Вильгельмштрассе мимо разрушенных домов, в которых когда-то размещались видные фашистские ведомства. На этой улице много пустырей. Здесь когда-то был «правительственный квартал», попавший под огонь армии Берзарина.

Вспомннаются генералы Рослый, Негода, полковник Антонов, подполковннк Гумеров, Анна Никулина, комбат Шаповалов...

Молча стою у Бранденбургских ворот. Обнажнв голову, я вспоминаю тех, кто не вернулся в победном сорок пятом.

Нпзкнй поклон нх матерям и отцам, воспитавшим таких сыновей, низкий поклон женам, братьям, сестрам, пережившим смерть героев.

...И ЕЩЕ ДВА ГОДА

На сей раз журналисты летели в Мюнхен на Олимпийские игры.

Самолет, задержавшийся в Москве из-за нелетной погоды, прибыл в Мюнхен в часы, когда ночь укутала его от наших взоров. Из аэропорта мы ехали в южную часть города — Обервизенфельде — район, разбитый в войну американской и английской авиацией, а ныне вставший из пепла молодым Мюнхеном — сыном старого, не отвечающего за деяния отца.

Обервизенфельде разровняли, застроили, озеленили и дали ему название Олимпийского центра. Это вновь построенный, современный район с большими комплексами многоэтажных белых особняков и высотных домов, со своими торговыми центрами, телевизионной башней, спортивными залами, бассейнами, парками, озерами и великолепным стадионом.

Обервизенфельде стал пристанищем многоязычного племени спортсменов всех стран пяти континентов, символически переплетенных в пяти разноцветных кольцах.

Рождение нового города было продиктовано не только спортивной надобностью, но и желанием показать, что новый Мюнхен сбрасывает с себя одежды того, старого.

Десять тысяч олимпийцев, не знавших огненных дней войны, вышли на стадион как хозяева праздника — посланцы мира с идеями мира.

Я смотрю на нескончаемые колонны спортсменов, идущих ровными шеренгами, шаг в шаг, без напряжения военных парадов, свободно и тем не менее до поразительности стройно. Видны их поднятые головы, ши-

рокие плечи, гибкие станы — молодость мира без деления на расы, племена, нации.

Колонны идут и идут. Все любуются ими, радуются вместе с ними, но меня не оставляет мысль об их отцах и дедах, сражавшихся на полях брани. Живых и мертвых, отвоевавших им право шагать сегодня и завтра, бегать по красной рекортановой дорожке, играть на зеленых площадках, плавать, грести, состязаться в ловкости, силе, красоте движений.

Олимпийцы помнили об отцах и дедах. В этом можно было убедиться, посетив бывший лагерь смерти Дахау, расположенный поблизости от Мюнхена.

...Мюнхен — столица Баварии. На этот тихий город — культурный центр Германии, город музеев, галерей, книгохранилищ, театрально-музыкальное сердце страны — пятьдесят с лишним лет назад пала тень фашистской свастики.

Здесь, в пивной «Бюргер Бройкеллер», еще в 1923 году Адольф Гитлер лелеял безумные планы покорения мира нордической расой и уничтожения целых государств и народов. Здесь его штурмовики с оружием в руках вышли на центральную площадь и затеяли кровавую потасовку, а затем в этой же пивной фашисты ежегодно, в определенный день, праздновали свою победу.

Именно этот город Гитлер избрал для того, чтобы подписать с перепуганным насмерть Чемберленом и Даладье мюнхенское соглашение, погубившее сначала Чехословакию как государство, а затем развязавшее руки главарям фашистского рейха.

С тех пор в нашем сознании Мюнхен был как бы синонимом всего агрессивного, вероломного, местом, где собирались и собираются до сих пор темные силы реакции, где уютно чувствуют себя партии, размахивающие кулаками, мечтающие о холодной, а может быть, и горячей войне, о восстановлении границ так называемой великой Германии.

...Мы приехали туда незадолго до начала митинга, организованного комитетом бывших узников Дахау.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы вошли во двор,— это большая скульптурная композиция из черного металла, изображавшая измученных, но непокоренных узников фашизма. На ее пьедестале на немец-

ком, русском, французском и английском языках было начертано: «Никогда больше!»

Невольно мы задержались у этого прекрасно исполненного, впечатляющего произведения скульптуры. Сила его заключалась в обобщенности человеческого страдания. Скульптура могла стоять в любом из фашистских лагерей смерти, покрывавших Европу, как их символ и эмблема.

Нет надобности описывать здание музея, жилые бараки, штрафные блоки, лагерную тюрьму, вышки, с которых эсэсовцы стреляли без оклика. Но стоит сказать, что Дахау — лагерь-первенец. Его открыли в 1938 году, и рассчитан он был на пять тысяч политических противников нацистского режима и так называемых нежелательных элементов. Вскоре, однако, его пришлось значительно расширить.

Выставка в музее начинается с осмотра экспонатов, посвященных периоду «принятия на себя власти». Здесь увеличенные фотографии, на которых изображен Адольф Гитлер в окружении приближенных лиц.

Снимков множество, и на каждом из них лицо Гитлера исчеркано карандашом или исцарапано перочинным ножом, гвоздем или осколком стекла.

Люди, смотревшие на эту самодовольную физиономию, не могли сдержать себя.

Остальные фотографии запечатлели «жизнь» в Дахау, в лагере, которую сами нацисты называли «высшей школой СС в концентрационных лагерях»... На снимках недалекое прошлое, а теперь двор заполнен множеством людей. Сюда пришли олимпийцы со всех концов мира. Они видели снимки, документы, бараки, затем на митинге выступали возбужденно, взволнованно, и смысл их речей сводился к надписи на памятнике: «Никогда больше!»

Мне запомнилось выступление Юзефа Запендского — олимпийского чемпиона, который, задыхаясь и плача, говорил об отце, замученном на этих вот плитах,— он показал пальцем на плиты так называемого аппельплатца. Выступал Ганс Коби — спортсмен из ГДР. И его отца убили здесь.

Потом возложили венки у памятника. Их было несколько десятков. И вдруг никем не организованные послышались величественные звуки «Бухенвальдского

набата»... Они нарастали и нарастали, наконец зазвучали с такой силой, которую кто-то назвал «предупреждающим набатом».

Когда мы расходились, у ворот под деревом стоял сгорбленный старик и плакал. Мы подошли.

— Я плачу по сыну, которого замучили в Бухенвальде. Ох, если бы эту песню пели раньше и все. Пойте ее сейчас, пойте чаще и всюду. Ведь есть еще люди, мечтающие о лагерях...

А где-то рядом, пересекая улицу, шла в обнимку колонна молодежи и пела олимпийскую песню. Так на перекрестке встретились два поколения одного века, словно бы принимая эстафету. В молодых голосах слышались нотки уверенности, что никогда больше Дахау не воскреснет.

...На олимпийском стадионе спортивная программа была отмечена блестящей победой спринтера Валерия Борзова.

Естественно, все журналисты бросились к знаменитому негритянскому бегуну Джесси Оуэнсу — герою берлинской олимпиады, постаревшему на тридцать шесть лет. Он стал грузен и сутуловат. Оуэнс был восхищен нашим спринтером. Я напомнил ему о берлинской олимпиаде, и он улыбнулся, должно быть неожиданно возвращенный в прошлое.

— О время, время! — воскликнул он.

Невольно на память пришел олимпийский красочный альбом, который мы в мае 1945 года нашли на берлинском стадионе в Шарлоттенбурге. На обложке был запечатлен лежащий на траве негр Д. Оуэнс вместе с немецким атлетом.

Теперь выяснилось, что Оуэнс этого альбома не видел, но помнит, как бойкий фоторепортер долго уговаривал арийца лечь рядом с негром и приговаривал: «Так нужно, так нужно, улыбнитесь...»

Так Джесси Оуэнс оказался в фокусе трех так не похожих друг на друга периодов — прихода к власти фашистов, их разгрома и торжества мирных идей.

...Давно мечталось побывать в Нюрнберге, который был колыбелью и стал могилой нацизма.

И вот из окон вагонов мы видим, как летят мимо нас прекрасные пейзажи южной Баварии с ее лесами, взгорьями, просторами, тронутые красками осени.

Нюриберг! Средневековый город, построеиный на каиале, соедняющем Дунай н Майн, с великолепнымн образцами готикн, памятниками, площадями, крупными заводами, производящимн танки, орудия н авнационные моторы. Ои часто подвергался атакам с воздуха. Город бюргеров славнлся пнвными, в которых штурмовнкн оралн «хайль» малоизвестному нм австрийцу Адольфу Шикльгруберу. И хотя прошло уже трн десятилетия после окончания войиы н Нюрнберг отстранвается, все же старнниая часть города — «гнездо отцов», средоточие культурных ценностей нацин — разбита. До сих пор пустынны целые улнцы, н на старом пепелище, как гнилые зубы, торчат сгоревшне дома.

В последние дии войиы англо-американская авиация совершила коицеитрнрованиый удар по старииной частн города, не троиув заводы н новый город.

В старинной частн Нюриберга былн три дома, в которых в разные годы жнл выдающнйся немецкий художинк Альбрехт Дюрер, но два нз них полиостью разрушены, а третнй сгорел, остались каменные стены и пустые глазницы окон.

Мы едем на Партейланд — огромиый плац для парадов, на окранне города. По путн в тумаииой дымке иа вершине скалы увнделн неясные очертаиия замка. Что это? Оказывается, это замок Фрндрнха Барбароссы — одного из самых разбойных германских нмператоров, нменем которого был коднрован план вторжеиия фашистскнх войск в Советскнй Союз.

Духовные потомкн Барбароссы в «мертвые годы» фашизма показалн мнру куда более нзуверскне методы борьбы.

Нюриберг был нх прароднтелем.

Миого раз в документальных кадрах различиых фильмов показаны были нацнстскне парады под барабанную дробь, факельиые шествия, нстернческие речи. Для них сооружена спецнальиая трнбуиа. Так случалось в днн нацнстскнх праздников, на которые съезжалнсь отборные войска, отряды и «партейгеноссе». Оии уже вышли нз пивиых, уже не боялись ннкого, собирались н вопилн на площадях. Оии пронзносилн речн, смысл которых укладывался в формулу «сегодня нам прниадлежнт Германня, а завтра — весь мнр».

И вот мы подъехали к огромным, выложенным из серого камня трибунам, против которых простиралось большое поле, покрытое крупными плитами. Сквозь плиты, сквозь крупные блоки трибун прорастает и кустится бурьян, вьется плющ, растет какая-то курчавая трава. Они постепенно покрывают трибуны и поле, словно желая своей силой, силой природы скрыть от глаз прохожих дурную славу этих мест, забыть о них.

Широкая асфальтированная дорога ведет к нюрнбергскому стадиону, расположенному за трибунами Партейланда и окруженному парком. Здесь мы видели много гуляющих в вечерний час... Они равнодушно проходили мимо заросших трибун, а детвора бегала, прыгала, играла, прячась в кустах бурьяна. А в центре, на выдвинутой трибуне, откуда выступал когда-то Гитлер, стояла девчонка-школьница с косой и большим розовым бантом. Держась ручонками за ржавые перила ограды, она пела какую-то незнакомую нам песенку и была счастлива тем, что поет.

Она не знала, что именно с этой трибуны за много лет до ее рождения выступал Гитлер, призывая германского орла простереть свои крылья над миром. Сзади трибун стояли тогда величественные колонны, а над ними высились стилизованные орлы-гербы. Теперь нет ни колонн, ни гербов. Их снесли по требованию жителей города. А девочка пела непосредственно и самозабвенно и словно не видела, как постепенно вокруг трибуны собрался кружок людей, с умилением глядящих на нее. И, конечно, она не понимала, что была символом нового Нюрнберга и новой жизни.

...Мы направились во Дворец юстиции, где в свое время судили главных военных преступников. Массивное, старое четырехэтажное здание с лоджиями, арками и колоннами, с высокими прямоугольными окнами, между которыми в нишах стоят скульптуры богов правосудия, не изменилось. У входа дежурят американские солдаты, один вид которых показывает, что вход в святая святых юстиции запрещен.

Но прилегающий к зданию двор, который был и двором тюрьмы, открыт для всеобщего обозрения. Здесь главари рейха прогуливались и, как утверждал Шеленберг, иногда имели возможность разговаривать. Во всяком случае, ему удавалось перекинуться словом с Герингом.

В последний день, накануне исполнения приговора — «казнь через повешение», они тоже гуляли и, казалось, обеими руками держались за тонкую нитку надежды — помилование.

Но Контрольный совет союзнических армий в нем отказал. Нитка оборвалась.

Настал час расплаты. Журналистам разрешили присутствовать при самом акте казни, но предварительно повели по коридору тюрьмы, и дежурный офицер сказал: «Давайте, заглядывайте, господа журналисты». Поочередно каждый нагибался, чтобы заглянуть в «волчок» тюремных дверей камеры. По общему мнению, там было спокойно: Геринг лежал на койке, Кейтель прогуливался по камере, Риббентроп беседовал со священником, Йодль, готовясь ко сну перед казнью, чистил зубы... Каждый был занят своим делом.

16 сентября 1946 года они были казнены. За несколько часов до этого Геринг, потеряв последний шанс на спасение, принял цианистый калий. Как он оказался у главного преступника,— до сих пор остается загадкой.

В Нюрнберге стал известен заговор против Международного трибунала. Эсэсовцы из группы «Эдельвейс» (опять «Эдельвейс»!) планировали налет на Дворец юстиции с целью освобождения Германа Геринга, Эрнста Кальтенбруннера и Артура Зейс-Инкварта. Они вовлекли в эту группу молодую женщину Гизелу Зелински, которая действовала под руководством Ульриха Лайнца и Бруно Петерса.

Перед женщиной была поставлена задача проникнуть в здание Дворца юстиции. Очень скоро ей это удалось. С помощью одного из офицеров охраны она получила фальшивый пропуск в ложу прессы. Это дало ей возможность хорошо изучить все здание, входы, переходы, запасные выходы. Кроме того, Гизела Зелински установила, что наиболее удобным моментом для нападения может служить час обеденного перерыва или ужина, когда подсудимых ведут в столовую по узкой лестнице близ запасного выхода и с незначительной охраной. К тому же Зелински узнала, что на кухне заняты 80 пленных эсэсовцев, которые согласились участвовать в «операции».

4 июня 1946 года Ульрих Лайнц собрал всю группу за городом и ознакомил с планом операции по захвату трех преступников и одного судьи — в качестве заложника. Но заговорщики не знали, что член их отряда Бруно Петерес, пойманный на улице, был арестован и выдал их, что за ними уже следят. Когда Гизела Зелински и Лайнц вечером на грузовике ехали к запасному выходу Дворца юстиции, чтобы начать операцию, женщина заметила американские «джипы», стоявшие у ее дома. Все было понятно, диверсанты бросили грузовик, перебежали улицу и пытались скрыться на кладбище св. Иоганна вблизи Дворца юстиции.

Мы шли по улице и внимательно слушали детективный рассказ своего гида о неизвестной нам попытке похитить преступников и сорвать работу Международного военного трибунала.

— А вот и место происшествия,— сказал он и ввел нас через железные ворота на кладбище. Оно совсем не было похоже на место, где хоронят людей. Ни одного памятника. Сплошное огромное поле ярких цветов, под сенью которых, только подойдя близко, можно увидеть аккуратную цементную и гранитную могилу с гладкой мраморной плитой, на которой высечено имя покойного.

Гид повел нас дальше. Мы проходили по цементным дорожкам в глубь кладбища, пока гид не сказал:

— Вот здесь, у этой могилы, Гизела Зелински упала и пыталась спрятаться за невысокой оградой и цветами, но ее настигла пуля. Лайнц был пойман у кирпичного забора.

Я глянул на мраморную плиту. Это оказалась могила немецкого художника Альбрехта Дюрера... Ирония судьбы.

Преступница, желавшая спасти элиту фашистского рейха, людей, опаливших войной Европу, Африку и Азию, на чьей совести десятки миллионов погибших, спасалась за цоколем могилы великого гуманиста.

В Нюрнберге, как и в Мюнхене, Ростенбурге, Аусберге, в уютном маленьком Тассау на берегу Дуная мы часто встречали напоминания о разгромленном фашизме и различных группах и группках, которые все еще не могут смириться с осиновым колом, который вбили в могилу нацизма в этом Дворце юстиции.

Даже в олимпийском Мюнхене, где деятельность партии Штрауса и НДП в эти дни была несколько приглушена (неподходящая обстановка!), мы были свидетелями попытки неофашистов сорвать митинг в Дахау и «овладеть» трибуной. Им это не удалось. Молодежь местных демократических организаций без помощи полиции выдворила их за ворота лагеря.

Таких крикунов, развязных молодых людей, можно было видеть в пивных, некогда бывших пристанищем фашистов, рвавшихся к власти. «Гитлеровских пивных» здесь десятки, и каждая — «историческая», ибо в ней выступал будущий фюрер, разрабатывались программы нацистов, собирались штурмовики.

Но питательных соков становится все меньше и меньше. Каждый раз, когда мы возвращаемся в новый молодой Мюнхен, где нет ни гитлеровских пивных, ни «памятных мест», в город, не имеющий прошлого и насчитывающий свое летосчисление не веками и даже не годами, а неделями, мы попадаем в обстановку нового омоложенного мира, который живет днем сегодняшним и мечтает о днях будущих.

Может быть, именно поэтому среди множества песен, услышанных на улицах молодого города, особенно популярной была «Если бы парни всей земли...» — песня, зовущая к объединению, к бдительности, утверждающая жизнь «идущих светлых лет».

«Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен». Эти слова высечены на могиле Неизвестного солдата. Горит Вечный огонь на могиле у Кремлевской стены в Москве. Тысячи советских городов свято берегут его. «Этот огонь каждого человека и огонь всего народа,— сказал писатель С. С. Смирнов,— огонь скорби и гордости, огонь памяти прошлого и воли к борьбе за светлое будущее».

В 1945 году советский солдат усталой рукой отставил автомат и взял в руки плуг. Пересел с танка на трактор. Но он помнит все. Он помнит, и автомат у него под рукой...

Берлин — Мюнхен — Москва
1967—1974 гг.

Содержание

Мержанов Мартын Иванович
ТАК ЭТО БЫЛО
Последние дни фашистского Берлина

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Н. С. Гудкова*
Младший редактор *И. А. Дегтярева*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. Е. Грояновская*

Сдано в набор 12 июля 1974 г. Подписано в печать 25 ноября 1974 г. Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 15,12. Учетно-изд. л. 14,73. Тираж 200 тыс. экз. А 00272. Заказ № 3704. Цена 60 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

60 коп.

